

12+

Литературно-художественный журнал

4
2020
(110)

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

Герой номера
Сигита Ульская

В фокусе
«Вас за границы издают.
Вас продавщицы узнают»

Психология творчества
Как зажечь искру
творческого вдохновения

Редколлегия

Главный редактор: **Д. А. Суховейко**

Ответственный секретарь и редактор:
С. А. Чалый

Литературный консультант:
член Союза писателей России
И. И. Малкова

Дизайн обложки и вёрстка: **С. А. Чалый**
Корректор: **Г. В. Донина**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-44356
от 21 марта 2011 г.

Учредитель и издатель:
Суховейко Денис Александрович

Адрес редакции:
654063, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30, корп. 4.

Адрес издателя:
653039, Кемеровская область,
г. Прокопьевск, ул. Яворского, 24-44.

Для писем:
654079, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, а/я 170.
Тел.: 8-800-301-2620
E-mail: sp@izdat-kniga.ru

journalsp.ru
vk.com/journal_sp
knigi-market.ru

Все произведения и материалы, опубликованные в журнале, охраняются законодательством РФ об авторских и смежных правах. Воспроизведение публикаций журнала в каком-либо виде без письменного согласия редакции не допускается. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы опубликованных материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право на литературную правку рукописей, не вступая в переписку с авторами. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Отпечатано в типографии издательства
«Союз писателей»,
Россия, Кемеровская обл.,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30/4.
Подписано в печать 28.12.2020
Журнал вышел в свет 15.01.2021
Формат 60x841/8. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Times New Roman».
120 стр. Тираж 3000 экз.
Цена договорная.

Литературно-художественный журнал

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 4/2020 (110)

Издаётся с 2011 года

Содержание номера

Философия времени и счастье в каждом мгновении 3

Литературный календарь

Юбилей 4
События 7
Конкурсы 8

Герой номера

«Слова – это одежда». Бисер эпитетов и кружева сравнений в книгах Сигиты Ульской 10

Диалог с писателем

Любая книга начинается с озарения и любви. Интервью с Валентиной Карпицкой 16
Крестник 19

В фокусе

«Вас за границы издают. Вас продавицы узнают» 22
Сказочный алфавит, который не забыть 25
«По улицам бродит жизнь и каждому смотрит в душу...» 26
«Или ты думаешь, в этом смысл жизни состоит?» 28

*Опередивший время: к выходу книги об
Эдуарде Зеленине*30

Гоголевский вестник

*Как зажечь искру творческого
вдохновения, или Экскурсия в детство*....33

Поэзия

Инна Андрианова	35
Михаил Афонин	36
Екатерина Багаева	37
Елена Батова	39
Снежанна Беликова	40
Владислав Бусов	41
Вадим Верц	42
Владимир Гуляев	43
Юрий Дворников	44
Алла Егорова (Собольникова)	46
Алёна Иванова	47
Сергей Калабухин	49
Наталья Кудряшова	50
Алексей Кухарев	52
Валерий Лепов	56
Александр Норенков	57
Александр Осин	59
Максим Прокофьев	62
Лев Пряхин	63
Алина Сысоева	66
Кристина Судакова	67
Ирина Шемонаева	68
Рената Юрьева	69

Проза и публицистика

Лариса Агафонова <i>Велосипедистка, или Первое впечатление</i>	70
Любовь Александрова <i>Солёные озёра Гуселетова</i>	74

Инна Андрианова <i>Влюбиться и улететь</i>	77
Владимир Гуляев <i>«Штрихи к портрету» Сибиряков</i>	83
<i>Кусочек сахара</i>	84
Александр Коломийцев <i>Агафья</i>	85
Ирина Курамшина <i>Бродяга</i>	91
Наталья Султанбей <i>Зарисовка</i>	93
Юрий Табашников <i>Софиевка</i>	94
<i>Крестоносец</i>	95
Алексей Терентьев <i>Сказка про реку тихую да деву юную</i> .	96
Игорь Щепёткин <i>Прогулка в квадрате Z</i>	98
Дарья Якупова <i>Готов ли ты?..</i>	101
<i>Ты отражаешься во всех, но тебе нет равных.</i>	102

Комната отдыха

Ольга Дудолодова <i>Приключения Шуры Матвеева</i>	103
Владимир Тюльпанов <i>Самоволка</i>	107
<i>Капитан</i>	109
<i>Чёрный Шторм</i>	109

Цветные зонтики

Жанна Куат <i>Единороги</i>	111
Наталья Кудряшова <i>Как появилась радуга</i>	112
Наталья Шарапова	113
Елена Шугалей <i>Я Александр</i>	115

Философия времени и счастье в каждом мгновении

Что такое зима? Это ожидание чуда, обновление, переосмысление и созерцание. В кружении снежинок есть что-то глубоко философское. А в сиянии ёлочных гирлянд в канун новогодних праздников – счастье родом из детства, когда, закрыв глаза, мы представляли, как исполняются мечты под бой курантов.

Зимний номер журнала «Союз писателей» вобрал в себя все краски чудесного времени года. Он до краёв наполнен философией времени и раскрывает счастье каждого мгновения, когда мы можем находиться рядом с любимыми людьми.

Героем выпуска стала Сигита Ульская, автор книг «Золотые жёлуди» и «Тёплые камни». Интервью, которое вы прочитаете, отражает «бисер эпитетов и кружева сравнений в её книгах». Раздел «Диалог с писателем» предлагает публике ближе познакомиться с Валентиной Карпицкой, автором исторического романа «Два царя». «Любая книга начинается с озарения и любви», – считает писательница. Эта идея нашла отражение в её творчестве.

В фокус этой зимой попали книги Натальи Шараповой, Александра Осина и Ольги Дудолодовой. Библиофилов ждут рецензии, которые непременно следует прочитать, чтобы оставаться в курсе литературных событий. Кроме того, начинающих авторов ждёт полезная статья «Вас за границы издают. Вас продавщицы узнают». Она посвящена понятию успеха в литературе.

Раздел «Психология творчества с Ларисой Агафоновой» предлагает возможность поискать истоки своего творческого успеха в детстве – «Как зажечь искру творческого вдохновения, или Экскурсия в детство».

На страницах зимнего номера журнала представлено творчество поэтов Инны Ан-

дриановой, Михаила Афонина, Екатерины Багаевой, Елены Батовой, Снежанны Беликовой, Владислава Бусова, Вадима Верца, Владимира Гуляева, Юрия Дворникова, Аллы Егоровой (Собольниковой), Алёны Ивановой, Сергея Калабухина, Натальи Кудряшовой, Алексея Кухарева, Валерия Лепова, Александра Норенкова, Александра Осина, Максима Прокофьева, Льва Пряхина, Алины Сыроевой, Кристины Судаковой, Ирины Шемонаевой, Ренаты Юрьевой. И прозаиков – Ларисы Агафоновой, Любви Александровой, Инны Андриановой, Владимира Гуляева, Александра Коломийцева, Ирины Курамшиной, Натальи Султанбей, Юрия Табашникова, Алексея Терентьева, Игоря Щепёткина, Дарьи Якуповой. Получился эдакий красочный калейдоскоп тем. Каждый поклонник современной литературы найдёт на этих страницах что-то своё.

Талантливые современники по обыкновению собрались в «Комнате отдыха». Читателей ждёт встреча с Ольгой Дудолодовой и Владимиром Тюльпановым. Раздел «Цветные зонтики» подготовил сюрпризы для детей и взрослых, которые смогут познакомиться с новыми произведениями Жанны Куат, Натальи Кудряшовой, Натальи Шараповой, Елены Шугалей.

Завершает выпуск актуальная для каждого автора тема. Как общаться с читателями и продвигать своё творчество в социальных сетях?

Если размышлять о вечном – то зимой. Если наслаждаться мгновениями – то в самые волшебные праздники. Если менять свою жизнь – то с Нового года. Статьи, стихи и рассказы на страницах зимнего номера журнала «Союз писателей» дарят хорошее настроение, радость, вдохновляют и помогают дельным советом тому, кто в этом нуждается.

Литературный календарь

Юбилеи

4 декабря 425 лет назад в Париже родился французский поэт и литературный критик Жан Шаплен (1595–1674). Ярким примером его творчества является «Ода о Ришелье».

145 лет назад в Праге родился австрийский поэт Райнер Мария Рильке (1875–1926), автор произведений «Увенчанный снами», «Книга образов», «Сонеты к Орфею». Рильке называют одним из самых влиятельных поэтов-модернистов XX века.

5 декабря 220 лет назад в усадьбе Новосёлки Мценского уезда родился русский немецкий поэт, переводчик Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892). Сделал множество переводов Персия, Марциала, Овидия, Ювенала и других. Писал лирические стихотворения, благодаря чему был причислен к классикам отечественной литературы. Автор мемуаров. Член-корреспондент Петербургской Академии наук (1886).

8 декабря 2085 лет назад в Венузии родился древнеримский поэт Гораций (65 год до н. э. – 8 год до н. э.), представитель «золотого века» римской литературы.

9 декабря 250 лет назад на маленькой ферме близ Этрика родился шотландский поэт Джеймс Хогг (1770–1835). Его перу принадлежат произведения «Исповедь оправданного грешника» и другие. Являлся автором исторических баллад.

120 лет назад в Аксубаевском районе, селе Старая Киреметь родился татарский поэт, писатель Хасан Туфан (1900–1981). Его лирико-эпические поэмы «Уральские эскизы», «Между двух эпох», «Бибиевы» и ряд других вошли в золотой фонд татарской поэзии.

10 декабря 275 лет назад в Лондоне родился английский писатель Томас

Холкрофт (1745–1809), автор комедий «Любовь и голод», «Двоедушие», автобиографического романа в письмах «Элвин, или Комедиант-джентльмен».

190 лет назад в Амхерсте, штат Массачусетс родилась американская поэтесса Эмили Дикинсон (1830–1886). Автор тысячи восьмьсот стихотворений, из которых при жизни опубликовала менее десяти.

100 лет назад в Нью-Йорке родился американский писатель и сценарист Реджинальд Роуз (1920–2002). Имеет премию «Эмми» как лучший сценарист.

11 декабря 210 лет назад в Париже родился французский писатель Альфред де Мюссе (1810–1857), автор произведений «Исповедь сына века», «Ночи».

12 декабря 160 лет назад близ Иновроцлава, провинция Позен (ныне Куявско-Поморское воеводство) родился польский поэт, драматург, литературный критик, переводчик Ян Каспрович (1860–1926). Автор сборников «Поэзия» (1889), «С крестьянской нивы» (1891), «Книга убогих» (1916), драмы «Конец света» (1891), поэмы «Христос» (1890), циклов стихов «Погибающему миру» и «Salve Regina», поэтической прозы «О геройском коне и падающем доме».

115 лет назад в Бердичеве Киевской губернии родился русский советский писатель Василий Семёнович Гроссман (1905–1964). Автор произведений «Глюкауф», «Кухарка», «Направление главного удара», «Жизнь», «Народ бессмертен», «Степан Кольчугин» и др.

13 декабря 300 лет назад в Венеции родился итальянский писатель и драматург, автор сказочных пьес (фьяб; fiabe), использующих фольклорные элементы сюжета и принципы комедии дель арте в выборе пер-

сонажей-масок Карло Гоцци (1720–1806). Автор произведений «Любовь к трём апельсинам», «Турандот», «Зелёная птичка» и прочих.

14 декабря 200 лет назад родилась русская писательница и переводчица Елизавета Николаевна Ахматова (1820–1904). Её перу принадлежат сочинения «Сорок четыре повести для детей», «Шестьдесят шесть повестей для детей», «Завещание: Из воспоминаний старой женщины» и другие.

16 декабря 245 лет назад в Уинчестере родилась английская писательница Джейн Остин (1775–1817). Именно она написала культовые романы «Гордость и предубеждение», «Чувство и чувствительность», «Доводы рассудка», «Мэнсфилд-парк» и другие.

17 декабря 190 лет назад в Париже родился французский писатель Жюль де Гонкур (1830–1870), младший брат Эдмона де Гонкура.

75 лет назад в Бате родилась английская детская писательница Жаклин Уилсон (1945), автор циклов «Дневник Трейси Бикер», «Хетти Фезер», «Девчонки» и ряда внецикловых книг.

19 декабря 110 лет назад в Гаване родился кубинский писатель Хосе Лесама Лима (1910–1976). Автор романов («Рай», «Оппиано Ликарио»), новелл, стихотворений («Смерть Нарцисса», «Враг мой эхо» и др.) и эссе («Устройство времени», «Лик нашего континента» и пр.).

20 декабря 115 лет назад в Киеве родилась русская писательница Галина Иосифовна Серебрякова (1905–1980), автор романов о Марксе и Энгельсе, произведения «Прометей».

21 декабря 120 лет назад в Санкт-Петербурге родился писатель Всеволод Витальевич Вишневский (1900–1951). Автор произведений «Мы из Кроншдштадта», «Мы, русский народ», «Оптимистическая трагедия» и др.

24 декабря 110 лет назад в Чикаго родился американский писатель-фантаст Фриц Лейбер (1910–1992), подаривший миру

произведения «Зелёное тысячелетие», «Большое время», «Странник», «Призрак бродит по Техасу» и прочих. Является шестикратным лауреатом премии Хьюго и четырёхкратным лауреатом премии Небьюла.

25 декабря 95 лет назад в Кахамарке родился американский писатель и мистик Карлос Кастанеда (1925–1998). Его перу принадлежат сочинения «Учение дона Хуана: Путь знания индейцев яки», «Отдельная реальность», «Путешествие в Икстлан», «Магические пассы: практическая мудрость шаманов древней Мексики» и другие.

29 декабря 105 лет назад в Колорадо-Сити родился американский писатель-фантаст Чарлз Леонард Харнесс (1915–2005), автор романа «Полёт во вчера», повести «Роза» и прочих историй.

30 декабря 155 лет назад в Бомбее родился английский прозаик, поэт, новеллист Редьярд Киплинг (1865–1936). Его имя прославили истории «Книга Джунглей», «Награды и феи», «Пак с Холмов». Является лауреатом Нобелевской премии в области литературы 1907 года.

31 декабря 75 лет назад в Дэнвере родилась американская писательница-фантаст Конни Уиллис (1945). Она написала произведения «Книга Страшного суда», «Пожарная охрана», «Не считая собаки» и прочие. Конни – многократный лауреат премий Хьюго, Небьюла, Локус.

1 января 1160 лет назад в Самарре родился арабский халиф, поэт и филолог Абдуллах ибн аль-Мутазз (861–908). Автор произведения «Китаб аль-Бади».

3 января 85 лет назад в Емецке родился русский поэт Николай Михайлович Рубцов (1936–1971). Его перу принадлежат поэтические сборники «Волны и скалы» (1962), «Звезда полей» (1967), «Душа хранит» (1969), «Сосен шум» (1970).

5 января 100 лет назад в Конльфингене родился швейцарский писатель Фридрих Дюрренмат (1921–1990). Наиболее известны пьесы автора «Ромул Великий» (1949),

«Визит старой дамы» (1956), «Физики» (1962).

6 января 90 лет назад в Нью-Йорке родился американский писатель, сценарист и редактор Эдгар Доктороу (1931–2015). Его перу принадлежат истории «Рэгтайм», «Всемирная выставка», «Марш», «Гомер и Лэнгли» и др.

9 января 170 лет назад в Херес-де-ла-Фронтера родился испанский писатель Луис Колома (1851–1915). Был врачом. Является автором произведения «О зубах, или Кто такой зубной испанский мышь?».

90 лет назад в Кёнигсберге родился американский фантаст, литературный критик и редактор Альгис Будрис (1931–2008). Наиболее известные произведения автора – «Ложная ночь», «Кто?», «Падающий факел», «Злая луна», «Железный шип», «Жёсткая посадка» и прочие.

12 января 145 лет назад в Сан-Франциско родился американский писатель Джек Лондон (1876–1916). Читатели знают его книги «Белый Клык», «Мартин Иден», «Сердца трёх» и другие. Прославился как автор приключенческих рассказов и романов.

18 января 125 лет назад в Москве родился советский литературовед, критик Корнелий Люцианович Зелинский (1896–1970). Автор книг «На рубеже двух эпох», «Октябрь и национальные литературы», «Легенды о Маяковском», «В изменяющемся мире» и прочих.

22 января 460 лет назад в Вестминстере родился английский философ Френсис Бэкон (1561–1626). При жизни автора были опубликованы пятьдесят девять его работ, ещё двадцать девять – после смерти. Его перу принадлежат сочинения «Опыты, или Наставления нравственные и политические», «О достоинстве и приумножении наук», «Новая Атлантида» и другие.

24 января 110 лет назад в Индианаполисе родилась американская писательница, работавшая в жанре фэнтези Кэтрин Мур (1911–1987). Писала в соавторстве с мужем

Генри Каттнером. Примерами их совместного творчества являются книги «Всё – иллюзия», «Привет от автора», «Все тени бороговы...» и прочие.

26 января 240 лет назад в Берлине родился немецкий писатель и драматург Ахим фон Арним (1781–1831), представитель гейдельбергского романтизма. На русском изданы его произведения «Изабелла Египетская. Первая любовь императора Карла V», «Одержимый инвалид в форте Ратоно», «Майорат», «Рафаэль и его соседки», «Марино Кабога: Драматическое повествование в трёх действиях».

27 января 195 лет назад в селе Спас-Угол Калязинского уезда Тверской губернии родился русский писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826–1889). Автор романов «История одного города», «Господа Головлёвы», «Помпадуры и помпадурши», сказок «Дикий помещик», «Премудрый пискарь» и прочих, рассказов «Годовщина», «Добрая душа», «Испорченные дети», а также ряда книг очерков и комедий.

29 января 155 лет назад в Кламси родился французский писатель Ромен Роллан (1866–1944). Написал циклы пьес «Трагедии веры», «Театр революции», книги «Народный театр», «Ответ Азии Толстому», «Клерамбо», «Махатма Ганди» и прочие произведения.

4 февраля 45 лет назад в Ленинграде родилась русская поэтесса и филолог Полина Юрьевна Барскова (1976), перу которой принадлежит произведение «Живые картины».

5 февраля 185 лет назад в Нижнем Новгороде родился русский литературный критик Николай Александрович Добролюбов (1836–1861).

9 февраля 580 лет назад в Герате родился среднеазиатский тюркский поэт, философ, государственный деятель Алишер Навои (1441–1501). Писал под псевдонимом Навои на литературном чагатайском языке и под псевдонимом Фани на персидском. Автор биографических и исторических книг: «Пятерица смятенных» (1492)

(посвящена Джами), антологии «Собрание утончённых» (1491–1492), «История иранских царей» и «История пророков и мудрецов», поэмы «Язык птиц».

16 февраля 190 лет назад в селе Горохово Орловского уезда родился русский писатель Николай Семёнович Лесков (1831–1895), перу которого принадлежат произведения «Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе» и прочие.

17 февраля 120 лет назад в Ковно родилась поэтесса Агния Львовна Барто (1901–1981). Прославилась детскими стихами.

18 февраля 90 лет назад в Лорейне родилась американская писательница Тони Моррисон (1931–2019), автор произведений «Самые голубые глаза», «Возлюбленная», «Дом» и других, лауреат Нобелевской премии в области литературы 1993 года.

19 февраля 125 лет назад в Теншбре родился французский поэт Андре Бретон (1896–1966). Знаковым произведением писателя является «Манифест сюрреализма».

22 февраля 155 лет назад в Нахичевани родился азербайджанский писатель Джалил Мамедкулизаде (1866–1932). Стал известен

под псевдонимом Молла Насреддин. Писал во множестве жанров, включая драмы, очерки, рассказы и фельетоны. Впервые заявил о себе рассказом «Пропажа осла».

22 февраля 125 лет назад родился бельгийский поэт Пол ван Остайен (1896–1928). На счету автора пять сборников стихотворений, два из них опубликованы посмертно.

25 февраля 150 лет назад в Новоград-Волынском родилась украинская поэтесса Леся Украинка (Лариса Петровна Косач) (1871–1913). Работала в разных жанрах. Самые известные произведения Леси Украинки: драма-феерия «Лесная песня», поэмы «Боярыня», «Старая сказка», «Одержимая», пьеса «Каменный господин».

28 февраля 155 лет назад в Москве родился русский поэт, переводчик, драматург, литературный критик, философ Вячеслав Иванов (1866–1949). Его перу принадлежат произведения «Кормчие звёзды», «Нежная тайна», «Прометей» и другие. Являлся доктором филологических наук, был одним из идейных вдохновителей Серебряного века.

СОБЫТИЯ

1 января 1491 года (530 лет назад) юристу Петру Равенскому, магистру канонического права, была выдана привилегия на издание его сочинения «Феникс». Древнейший из известных документов, защищающих авторское право.

2 января – Международный день научной фантастики. Праздник приурочен к дню рождения одного из самых видных фантастов последних десятилетий Айзека Азимова.

4 января 1836 года (185 лет назад) основана Пермская Государственная областная универсальная библиотека (ныне имени М. Горького).

13 января – День российской печати. Отмечают начиная с 1991 года. Праздник приурочен к выходу первого номера газеты «Ведомости» по указу Петра Великого в 1703 году.

17 января – День творчества и вдохновения.

19 января 1951 года (70 лет назад) Анна Ахматова была восстановлена в Союзе советских писателей.

25 января 901 года (1120 лет назад) японского поэта Сугавара-но Митидзанэ обвинили в придворных интригах и выслали на Кюсю, определив на должность главы провинциального правительства в Дадзайфу.

11 февраля – День волшебных сказок на ночь.

14 февраля – Международный день дарения книг. Начали отмечать в 2012 году в США. Идея принадлежит основательнице сайта детской книги «Delightful Children's Books», матери троих детей Эмми Бродмур.

19 февраля 1921 года (100 лет назад) вышел первый номер газеты «Труд».

21 февраля – Международный день родного языка. Учреждён ЮНЕСКО в 1999 году. Цель – сохранить языки, находящиеся на грани исчезновения.

26 февраля – День рассказывания сказок.

Конкурсы

1. «Перепиши 2020»

Дедлайн 10 января 2021 года.

Принимаются только новые произведения, опубликованные не ранее 11.11.2020, в жанре «фэнтези» или «фантастика», в которых события 2020 года развиваются по авторскому сценарию!

Номинации:

Произведения в номинации «Малая проза»: от 2 до 5 авторских листов.

Произведения в номинации «Крупная проза»: от 5 до 10 авторских листов.

Призы:

– Все книги победителей будут озвучены участниками проекта «ЛитРес: Чтец».

– Продвижение произведений победителей в рассылках «ЛитРес», реклама на сайте litres.ru.

Больше информации здесь: <https://landing.selfpub.ru/rewrite-2020>

2. Конкурс исследовательских работ «Человек в истории. Россия – XX век»

Дедлайн 15 января 2021 года.

Возраст участников – 14–18 лет.

Принимаются исследовательские работы, эссе, творческие работы (фильмы, настольные игры, подкасты, блоги, сайты и др.) на темы:

- Человек на войне.
- История семьи.
- Человек и власть.
- Локальные истории.
- Свои и чужие.

Призы есть.

Детали по адресу <https://vk.com/vsekonkursyru>

3. Конкурс рассказов о домовых и другой малой нечисти

Дедлайн 20 января 2021 года.

Тема: Милая, добрая нечисть, так или иначе живущая вблизи с человеком.

Принимаются именно рассказы, а не сказки объёмом от 5000 до 40 000 знаков при условии, что они не были ранее размещены нигде в Интернете.

Приз: публикация в печатном сборнике (спецвыпуск журнала «Рассказы»), некоторые работы будут проиллюстрированы.

Детали на сайте https://vk.com/rassказы_zine?w=wall-54841162_9259

4. Литературная премия «Радуга»

Дедлайн 20 января 2021 года.

Возраст участников от 18 до 35 лет.

Призы: Размер премии в номинации «Молодой писатель» – 5000 евро, в номинации «Молодой переводчик» – 2500 евро.

Десять лучших рассказов, присланных на конкурс (пять от России и пять от Италии), будут опубликованы в 12-м Литературном альманахе, выпускаемом издательством «Познаём Евразию».

Подробнее тут: <https://vsekonkursy.ru/literaturnaya-premiya-raduga.html>

5. Литературный конкурс для школьников «Класс!»

Дедлайн 28 февраля 2021 года.

Участвовать могут ученики 8–11-х классов

Прислать рассказы на одну из заданных тем.

Призы:

– Дипломы победителей, сувениры, книги от партнёров и сертификат на прохождение онлайн-курса от CWS.

– Публикация в литературном издании.

Подробности по адресу <http://konkurs-klass.ru/klass>

Новые сказки VIII

Издательство «Союз писателей» объявляет конкурс сказок для детей. По традиции авторский конкурс сопровождается конкурсом детских рисунков.

По итогам конкурса выпускаются: эксклюзивное издание «Новые сказки – VIII» в электронном формате с детскими рисунками, а также возможен для заказа тираж книги в твёрдом переплёте. Также все авторы, прошедшие во второй тур, могут (по желанию) на особых условиях издать книжки-малышки из своих произведений с детскими рисунками или иллюстрациями профессиональных художников.

Приём заявок на участие: с 16 декабря 2020 по 30 января 2021 включительно.

Призы:

Победители в каждой номинации получают один экземпляр книги, диплом и годовую подписку на журнал «Союз писателей» с правом публикации в каждом выпуске.

Подробнее <https://soyuz-pisatelei.ru/index/0-139>

«Слова – это одежда».

Бисер эпитетов и кружева сравнений в книгах Сигиты Ульской

«Мои книги – это романы Паоло Козльо, которые написала Шарлотта Бронте».

Классификация литературных жанров, которая бытует в народе, очень однобока. Есть реализм. Есть фэнтези. А что, посередине между ними ничего не бывает? Современная писательница Сигита Ульская, автор романов «Золотые жёлуди» и «Тёплые камни», доказала обратное. Её книги написаны в жанре мистического реализма. Да, в них присутствует магия. Но кто сказал, что волшебства в такой трактовке нет на белом свете? Герои историй: люди, наделённые каким-либо даром. Они врачуют не столько тела, сколько души, сами ищут счастье и обжигаются, совершая ошибки. Каждый персонаж чему-то обязательно учит, показывая своим примером, где граница между «хорошо» и «плохо». И все эти события, жизненные и фантастические одновременно, развиваются на фоне красивых декораций. Это не только природные пейзажи и сногшибательные городские виды. Фоном также становятся чувства, из которых создаётся целая вселенная.

О том, что такое магия в реальном мире, кто стал героями романов, какие трудности испытывает автор на разных этапах творческого пути, корреспондент пресс-службы издательства «Союз писателей» побеседовала с Сигитой. Хотите знать, какие тайны хранят современные литераторы? Давайте выясним вместе!

– Сигита, какой Вы видите современную литературу?

– Современная литература – как и современное общество, многолика, часто в полной мере обладает полиморфностью. Как была бы скучна жизнь, раскрашенная

одной краской! Сейчас литература настолько многообразна, что разбегаются глаза от этого многоцветия. Я считаю, что мы живём в счастливейшее для литераторов время: стёрты границы жанров, нет строгих правил написания произведений. Известный американский фотограф Ансель Адамс, родившийся в начале прошлого века, как-то сказал: «Нет никаких правил для хороших фотографий, есть только хорошие фотографии». Перефразируя его слова относительно современной литературы, скажу, что нет никаких правил для современной литературы, есть только хорошие книги.

– Как Ваши романы «Золотые жёлуди» и «Тёплые камни» вписываются в общую канву литературы двадцать первого века?

– Наверное, не мне это оценивать в полной мере. Я писала от души. Писала, потому что не могла не поделиться своими мыслями и переживаниями. Если мои книги кому-то помогли выбрать путь в жизни или принять решение, сделали кого-то мудрее, улучшили чьи-то отношения, то моя цель достигнута. Но в то же время мои книги – как раз то самое современное смешение жанров. Что есть мои книги? Фантазии? Учебник? Философия? Психология? Эзотерика? Любовный роман? Развлекательное чтение? Всё это и немножко больше.

– Можете провести аналогию между своими историями и произведениями кого-то из классиков или современников? Кто из Ваших коллег близок Вам по духу? Чьи герои могли бы комфортно существовать в созданном Вами мире?

– Мне понравился один отзыв, в котором кто-то сказал, что мои книги – это романы Паоло Коэльо, которые написала Шарлотта Бронте. Шутка, но, наверное, близкая к истине. На меня в своё время сильное влияние оказали романы Филиппа Эриа и произведения Флобера. Возможно, их послевкусие тоже можно найти в моих книгах, как, впрочем, многих французских и английских романистов.

– Тесс или Анна? Кто из героинь романов Вам ближе? Почему?

– Мне близки все мои герои. Обычно я пытаюсь разобраться в анатомии поступков любого прописанного мною персонажа. То есть, как в живописи, – знаете, есть такая технология рисунка человека: первым этапом – прорисовка костей скелета, и только после «наносится» лицо.

Для меня в написании героя существует то же правило. Иногда я знаю, какой зубной пастой пользуется мой герой. И почему. Но, конечно, такое остаётся за кадром. Об этом есть эпизод в моей третьей книге – «Знаки Луны». Там есть такие строки: «...Слова – это одежда. У некоторых речь богато вышита бисером эпитетов, украшена кружевами сравнений. Под словами же всегда содержатся мышцы смысла и веры. Но всё это держится на невидимых костях убеждений и первопричин... Человек может быть покрыт толстым слоем воспитания, как богатый дом штукатуркой, отделан лепниной пафоса и резниной лирики. Но в каждом есть скелет смысла его жизни – ведущие черты. Те, которые обязательно вылезут, и, несомненно, неожиданно...»

Так я выписываю и героев. Но, пожалуй, для меня сегодняшней ближе всех не Тесс и не Анна, а один из главных героев продолжения романов о них – профессор Уолтер Стоун. Несколько вредный, возможно, чуть ворчливый, но при этом весьма добрый и умный человек. В нём больше, чем в других, я вижу себя, как бы это ни было неожиданно для моих читателей, которые хотели бы видеть во мне мудрую спокойную Тесс. Увы и ах, в жизни я до неё пока не дотягиваю. Может, когда стану старше? :) Анну же я давно переросла.

– Сюжеты построены вокруг эзотерических тем. Это нужно рассматривать исключительно как вымысел или в реальном мире тоже есть вещи, которые не все видят, чувствуют, знают? Сталкивались ли Вы с чем-то подобным на личном опыте?

– Если вы прочтёте мои книги, то поймёте, что эзотерика это не есть что-то волшебное, нереальное, где некто ходит в плаще и вращает глазами навывкате. (Кстати, если

встретите весь этот пафос, перед вами явно специалист, далёкий от эзотериков, человек, надевший цирковой костюм). Суть эзотерики – физика, химия, биология... Но с учётом одного фактора – человеческой души. Только и всего. Спрашивать, реально ли это, верю ли я в это, то же самое, что спрашивать меня, верю ли я в биологию. Да, конечно. Да, естественно. Да, разумеется. *(Улыбается.)*

– **Какие переживания подтолкнули Вас к творчеству? Какие эмоции подарила работа над книгами и их публикация?**

– Большая длительная, двадцатипятилетняя работа с клиентами в качестве парапсихолога. Представляете, сколько судеб я пережила? Со сколькими людьми я плакала, смеялась, делала выбор и на что-то решалась? Именно этот груз вылился в написание романов. Ведь первый роман я написала практически за месяц. Да... На него ушёл всего месяц и почти двадцать лет жизни до. Писать нужно вообще лишь тогда, когда за плечами есть опыт.

– **Есть ли в книге автобиографические образы или какие-то реальные ситуации из Вашей жизни?**

– Да, есть. И очень много. Именно поэтому я бы не хотела говорить, в каких именно эпизодах. Скажу лишь, что выдумки в моих книгах гораздо меньше, чем хотелось бы.

– **Могут ли Ваши произведения чему-то научить читателя? Чему именно?**

– Я смею надеяться, что они могут научить их банальной, но очень нужной вещи – быть счастливыми. Ни больше ни меньше.

– **Какие сложности ждут писателя на пути от идеи произведения до встречи с читателем? Что для Вас стало самым неожиданным и трудным?**

– Наверное, здесь нет общих выводов. Каждый из писателей проходит этот путь по-своему. Со своими открытиями и сложностями. Для меня самым неожиданным было... Наверное, рекламировать себя. К этому я не привыкла и этого не искала... К попыткам некоторых читателей вторгнуться в личное пространство – это тоже было неожиданно и не очень приятно. К аб-

солютному отождествлению меня с моими героями.

Некоторые начинающие писатели расстраиваются из-за критики. Я к ней отношусь мягче и философски: чтоб вы ни сделали (наденете ли вы новые туфли, нарисуете картину, смените аватарку или напишите роман), весь мир тут же разделится на три части: кому-то понравится, кто-то раскритикует, а большинству будет безразлично. Так было, и так будет. И нам всем стоит это помнить, когда мы готовы пролить горькие слёзы над какими-то словами.

– **Готовы ли Вы ещё раз пройти этот путь? Появится ли продолжение Ваших историй?**

– Наверное, не со всякой редакцией это было бы возможно. И не со всеми редакторами. Но мне в жизни повезло, потому что у меня есть «СП».

На этой неделе я заканчиваю написание продолжения «Золотых желудей» и «Тёплых камней». Роман называется «Знаки Луны». Пожалуй, мне он кажется лучшим. Или автор всегда любит больше ту книгу, которую пишет? Скоро я сдам его в редакцию.

В перерыве между книгами трилогии я написала роман «О чём молчат ведьмы». Его можно прочесть в Сети.

Отложен на следующий год роман «Конья», в нём речь идёт о жизни в мексиканской деревушке начала прошлого века. Это полуполюгенда-полубыль. Сейчас я активно собираю на него материалы, хотя сюжетная линия уже прописана.

Так что этот путь я прохожу снова и снова. Пока есть о чём писать. Пока есть чем делиться. В любом случае, идей и мыслей в голове очень много, у меня нет простоев по причине «нечего писать», есть только нехватка времени.

Очень хочется поздравить всех с наступившим Новым годом и закончить словами одного из героев нового романа «Знаки Луны», который, надеюсь, выйдет в свет в следующем году: «Я желаю, чтобы тебе всего хватало. Всего, что имеешь, было в самый раз. Это очень важно. К любым богатствам мира и самым невероятным ценностям добавь чувство обделённости, и всё – нет счастья. Стакан наполовину не пуст и не полон. А его достаточно. Достаточно напиться. Вот что имеет значение».

– **Однозначно, стакан всегда наполовину полон. Пусть все люди, которые читают Ваше интервью и Ваши книги в этом никогда не усомнятся.**

*Екатерина Кузнецова, корреспондент пресс-службы издательства
«Союз писателей»*

Цитаты Сигиты Ульской

«...Чтобы понять человека, надо быть рядом с ним в самый тяжёлый момент его жизни или в самый счастливый». (Роман «Золотые жёлуди»)

«Жизнь полна неожиданностей. Она будто полка с книгами. Никогда не знаешь, что переживёшь, читая следующую главу. Мы выбираем по обложке и первым главам, но порой в книге всё складывается не так, как ожидали. И тогда надо поменять книгу. Надо жить дальше, понимая, что завтра ты можешь прочесть самую чудесную историю своей жизни, даже если сегодня листаешь хоррор. Всё перемелется, поверь. И очень скоро. Все раны в итоге заживают...» (Роман «О чём молчат ведьмы»)

«“Не знаю”. Ты даже не представляешь, как редко взрослый человек говорит эту фразу! Казалось бы, чем старше, тем больше соприкасаешься с тем, что тебе неизвестно или чего ты не понимаешь. Но порой людям стыдно в этом признаться, и они делают вид, что знают всё и разбираются во всём. Сначала понарошку, а потом со временем начинают в это верить. Умнее

они не становятся. Но костенеют. Как только перестанешь говорить “Не знаю”, останавливаешься в развитии. Когда считаешь, что достиг совершенства, падаешь вниз». (Роман «Знаки Луны»)

«Чувства – это что-то живое. Как огонь. Вот пламя разгорелось, но налетел порыв ветра, и оно стало затухать... Пока теплится хоть одна искра, её можно снова раздуть. Но вот только дуть должны двое. Одному это не под силу». (Роман «Знаки Луны»)

«...Каждую секунду жизни человек делает выбор и принимает решение. Даже если этого не замечает». (Роман «Золотые жёлуди»)

«Остановитесь и насладитесь. Разговором с другом или тишиной. Терпким чаем или крепким кофе. Возможно, просто глотком чистой воды. Вдохом полной грудью свежего воздуха или приятным запахом духов. Всегда в жизни умеете просто остановиться... Прикоснитесь к руке любимого человека или погладьте кота. Посмотрите, как забавно хмурится ваш ребёнок или ваше собственное отражение. Насладитесь

тем, где вы сейчас, и тем, что вы имеете. Просто порадитесь чему-то хорошему сегодня. Сегодня ваш вечер, сегодня ваша жизнь...» (Роман «Золотые жёлуди»)

«Глупенькая моя девочка, как же я ничего не получала взамен?! Всякий родитель, отдавая свою любовь, тут же получает плату – бесконечное количество ответной любви и нежности. Конечно, дети – это много нервов, и порой всё выглядит не так красиво, как в рекламе... Дети – это и слёзы, и усталость, и бессилие... Но бывают такие моменты счастья! Не было ничего слаще, чем видеть тебя, когда ты засыпала в колыбели. Или когда смотрела на меня своими ясными глазками... А как я любила разглядывать твои пальчики – словно это какое-то чудо природы... Как приятно было чувствовать твой сладкий запах... Видеть, как ты делаешь свой первый шаг, – об этом хотелось кричать на весь мир! Слышать твой смех, когда ты впервые уткнулась носом в одуванчик, а потом подула на него. Доченька, мне ничего от тебя не нужно, ты уже и так дала мне столько радости в жизни! Я хочу только, чтобы ты была счастлива». (Роман «Золотые жёлуди»)

«Самые правильные вопросы мы задаём сами себе». (Роман «Знаки Луны»)

«Так они сидели на крыше, пока верхушки дальних деревьев не стали причёсывать холодное солнце перед сном.

– Есть что-то торжественное и печальное в каждом закате, – сказала Аделия, глядя на темнеющее небо. – Он как эпифания ушедшему дню. Его последний панегирик... Короткий отблеск окрашивает в пунцово-апельсиновый облака, и тут же всё тухнет, накрытое чернильным небом, которое поблёскивает влажными звёздами. Закат, как последний глоток насыщенного чая, одинокая мелодия, позднее СМС. Под этот привычный ритуал природы, усталые и опустошённые, мы обещаем себе, что завтра всё будет по-другому. По-новому. И, засыпая, искренне верим, что так и будет. Но

утро всё возвращает на свои места... (Роман «Знаки Луны»)

«...Не надо обижаться и делать зло в ответ. Вглядитесь в этих людей. Пожалейте их. Они задыхаются и источают то, что у них внутри – тухлые обиды, желчную зависть, неприкрытую злобу, страшное раздражение. Не берите их себе. Как вы задерживаете дыхание, проходя мимо бочки со зловониями, так пройдите мимо них. В нас кидаются грязью обид и злобы, но попадают только в того, кто открыт для этого. В того, в ком это есть, пусть и в меньшем количестве. А если человек чист внутренне, то к нему ничего не прилипнет. Недаром в народе говорят: “Счастливого человека нельзя обидеть, его можно только рассмешить”». (Роман «Тёплые камни»)

«...Знаешь, что я хочу тебе сказать? Мой внутренний покой вообще не зависит от того, что ты про меня думаешь. Внутри – я абсолютно счастливый человек. И ты ничего не сможешь с этим поделать...» (Роман «Тёплые камни»)

«... – Твоя проблема в том, Анна, – сказала как-то вечером Миюки, – что ты не умеешь брать. Отдавать умеешь, а вот брать... Так тебя жизнь и не научила. Ты с детства была одна. Одинокая девочка в этом большом мире. Ты рано привыкла ему не доверять.

– Мне проще одной... Кому нужны чужие слёзы? У всех своя жизнь.

– Нельзя помочь тому, кто не хочет, – повторила Миюки. – Не правда ли? Понимаешь ли ты, что отвергаешь нас всех? Тебе проще забиться в раковину, чем попросить помощи. Научись просить...» (Роман «Тёплые камни»)

«А кто тебе сказал, что лениться – это плохо? Нельзя всё время только вдыхать. Надо и выдыхать, дорогая. Главное – гармония. Золотая середина, – Урсула сделала паузу и добавила: – Ты живёшь так, будто ешь одну бесцветную жижу. Без запаха и

вкуса. Ты просто голодна. Ведь время от времени нужно кормить свои рецепторы счастья. Хорошими разговорами, приятной едой. Покури свою душу. Дай себе что-то вкусное: пищу, человека, занятие, книгу...»
(Роман «О чём молчат ведьмы»)

«– Простить кого-то не означает оправдать его действия. Это значит перестать быть его жертвой. Отвязаться и освободиться от обидчика. Освободиться от злобы, от обиды, от горечи. Потому что она разрушает изнутри. Человеку сломали жизнь – обидными словами, предательством, сделали больно. Ему выжгли кусок души, словно сожрали конечность. И об-

ратно её уже не вернуть. Но надо вылечить эту рану. Перевязать её и прижечь самостоятельно, чтоб она не кровила вечно. Иначе можно истечь кровью. Заболеть ещё больше. А многие тычут этой окровавленной раной в пространство, словно упрекая мучителя. Ковыряясь в ней снова и снова... Но делают хуже только себе.

– Но иногда человек говорит, что хотел бы простить. Но не может. Как быть? – спросил Рик.

– Никто не говорит, что прощение – это легко. Иногда на это уходит мгновение, а порой – вся жизнь. Прощение – это освобождение. Освобождение себя от пут боли...
(Роман «Тёплые камни»)

Тёплые камни

Магический реализм

Анна, которая ещё недавно была ученицей провидицы Тесс, отправляется на учёбу в Испанию к Магдалене. Она познаёт основы своего дара и учится применять его правильно. Новая наставница, умеющая лечить руками, рассказывает, как наши мысли, переживания и поступки отражаются на состоянии здоровья. Вот только сосредоточиться исключительно на учёбе не получится. Придётся решать проблемы в личной жизни, подстраиваться под любимого, принимать судьбоносные решения, рискуя обратить в руины зыбкое счастье. А ещё – находить и терять друзей. Выстоит ли хрупкая

девушка под штормовыми ветрами реальной жизни? Удастся ли ей вернуть потерянное? Обретёт ли она настоящую любовь и женское счастье?

Золотые жёлуди

Магический реализм

Разные люди, разные судьбы, разные жизненные сюжеты проходят мимо Тесс – гадалки из небольшого провинциального городка. Эзотерика – её призвание. Умение понимать других и пропускать через себя чужие проблемы – её дар. Получив предзнаменование, о котором давным-давно её предупреждала учительница, Тесс должна найти учеников и передать им свои знания. Ей придётся полностью отдаться учебному процессу и вместе с подопечными пережить не только мистические трудности, но и жизненные неурядицы. А пока Тесс выполняет своё предназначение, её личная жизнь трещит по швам и вот-вот развалится на кусочки. Как научиться сочетать несочетаемое: выполнить предначертанное и обрести счастье?

Любая книга начинается с озарения и любви

Интервью с Валентиной Карпицкой

Каково быть писателем? Этот вопрос занимает людей, далёких от литературы. Им нравится читать книги, а вот книжное закулисье они представляют с трудом. Одним кажется, что это циничный, заточенный на коммерцию мир. Другие, напротив, видят его волшебным, чарующим, полным загадок и тайн. Но каков он на самом деле? Корреспондент пресс-службы издательства «Союз писателей» решила задать этот вопрос Валентине Карпицкой, автору исторического романа «Два царя», который посвящён эпохе Ивана Грозного и последующей после его правления смуте. Возможно, даже вероятно, что увиденное библиофилом в кабинете современного писателя, произведёт на первого впечатление столь же сильное, как путешествие на машине времени.

– Валентина, каково это – быть писателем? Что значит это лично для Вас?

– Береги слово: драгоценно слово. (*Святой праведный Иоанн Крондштадтский*).

Какое счастье быть писателем! (Григорий Распутин).

Лично для меня призвание писателя – это дар Божий, с помощью которого я должна служить Богу и людям, употребить его на пользу себе и другим, и за который я должна буду дать отчёт Господу при Втором Его пришествии.

В чём бесценность этого дара? Писатель – это творец, открывающий мир читателю, воскрешающий людей и события. И чувствовать себя творцом – это неизъяснимая радость! Но вместе с тем и огромная ответственность, ведь книга – это не толь-

ко отражение мира и «запечатывание» его в себе, этаким учебник жизни, не только средство воспитания и орудие борьбы, но и мост между автором и Создателем.

– С чего начинается любая книга? Есть ли лайфхаки от Валентины Карпицкой, как найти и проработать новую идею?

– Любая книга начинается с озарения и любви. Надо сначала полюбить своих будущих героев, и тогда непременно придёт вдохновение.

– Вы сели писать. Нужны ли Вам какие-то особые условия, чтобы творческий процесс проходил более продуктивно? Возможно, есть некие писательские ритуалы или способы вдохновить себя?

– Условие первое – чтобы не отвлекали. Второе – мой уголок: рабочий стол, настольная лампа, словари под рукой и любимые, намоленные мной иконы перед глазами...

Вдохновляться нет необходимости. Разве только лишний раз помолиться тёплой, сердечной молитвой... Вдохновение, слава Богу, всегда со мной.

– Как совместить писательство с другими сферами жизни: работой, семьёй, увлечениями, чтобы хватило 24 часов, которые отпущены нам в сутках?

– В этом тоже не вижу проблем: всё совмещается. Пока руки делают – голова работает. Непрерывно, порой и во сне. Тогда приходится вскакивать и записывать, ведь к утру, как правило, всё выветривается из памяти.

– Давайте поговорим о Вашей новой книге. «Два царя» – это роман о временах Ивана Грозного. Чем Вас привлекает историческая тематика?

– Меня привлекает поиск веры и познание истины, а поскольку история и литера-

тура отражают в себе накопленный веками опыт человечества, это инструмент познания истины.

– Каков процент правды, а каков – вымысла в Вашей книге? Как соединить одно с другим и не превратиться в сказочника Дюма?

– Бесчестье и слава человека – в речах. Особенно воплощённых в книге. Не хочется опозориться перед людьми, ведь «посредственных строчек поэту [и прозаику] вовек не простят ни люди, ни боги, ни книжные лавки» (*Горацкий*). Но ещё страшнее навредить своей душе, уронить себя перед Господом. Поэтому боюсь лжи, клеветы и всякой неправды. И в романе старалась быть как можно правдивее. Но известно, что есть только одна на все сто процентов правдивая книга – Библия. Не существует художественного произведения без художественного вымысла. Роман «Два царя» не исключение. Что же в нём правда? Действующие лица и события, хотя отдельные пришлось восстанавливать логически, вот здесь как раз и присутствует художественный вымысел, похожий на истину.

– Кто Ваш любимый персонаж в произведении? Чем он Вам импонирует?

– Люблю всех своих героев. Это реально жившие когда-то люди. К одним я отношусь с большой симпатией, к другим – с сочувствием и жалостью. Судить кого бы то ни было (например, самодержца Иоанна Васильевича) не моя задача, я всего лишь дерзнула попытаться понять поступки и характеры, заглянуть в чужую душу. Но более других мне импонирует личность великого Тверского князя Симеона Бекбулатовича, благороднейшего из мужей. Насмешки, ненависть,

военные походы, командование войсками, царствование, княжение, ссылка, смерть детей и уход любимой супруги в монастырь, отравление и наступившая вследствие этого слепота, монашество в самых отдалённых монастырях в тяжёлых условиях... – ничто не сломало и не озлобило его. Только человек несгибаемой воли, истинный христианин и патриот своей родины мог с достоинством вынести всё это.

– **Как Вы считаете, есть в Вашем романе что-то, что делает его особенным, выделяет из ряда других исторических романов?**

– Мне тяжело сравнивать свой роман с другими. И неловко. Написано множество замечательных исторических романов великими мастерами слова. Я и не ставила задачи выделиться, просто осмелилась устранить историческую несправедливость, заключающуюся в забвении достойного человека, являющегося яркой исторической личностью, и утаивании его заслуг перед Отечеством. А уж что получилось, удалось ли задуманное – судить читателю.

– **Когда Вы решили опубликовать эту книгу, имелись ли у Вас какие-то сомнения, волнения или страхи? Как Вы справились с ними?**

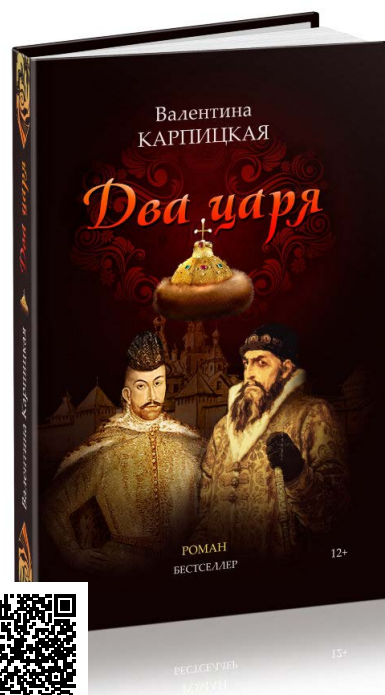
– Нет, страхов не было. Я человек смелый и убеждённый. «Писателю нужна такая же отвага, как солдату: первый должен так же мало думать о критиках, как второй – о госпитале (*Стендаль*). «Писатель существует только тогда, когда тверды его убеждения» (*Бальзак*). Но эти качества пришли с накоплением опыта и знаний.

– **Каким Вы хотите видеть своего читателя?**

– Просто чтобы он был.

– **Желания материальны. Писатель, который хочет найти аудиторию, находит её. Уверена, так и будет.**

*Екатерина Кузнецова, корреспондент
пресс-службы издательства
«Союз писателей»*

Два царя

Исторический роман

Шестнадцатый век. Великая Русь. В стольном граде Москве сидит на троне Иван Грозный, покоритель Казани, правитель жёсткий и безжалостный, но справедливый и искренне радеющий о благополучии государства, раздираемого на части внутренними смутами, истощённого войнами с соседями и интригами высокопоставленных бояр. Его верный подданный – молодой хан Саин-Булат, после крещения Симеон Бекбулатович, человек, которому удалось недолго поддержать царский скипетр и проявить себя толковым воеводой, управителем и политиком, – попадает в центр сюжета, в самый эпицентр козней и интриг. Книга рассказывает об исторической эпохе, предшествовавшей восхождению на престол династии Романовых, и о людях, которые внесли свой вклад в развитие и процветание страны, об их радостях и горестях, победах и поражениях, точно передавая колорит времени и возвращая читателя к истокам. Автор раскрывает ряд исторических тайн и говорит о вещах, которые многие пропустили в процессе изучения школьной программы.

Валентина Карпицкая

Тверь

КРЕСТНИК

1

О святой воде не много написано. Известно, что обычная водопроводная вода после водосвятия изменяет свою структуру: её кристаллическая решётка приобретает идеальную геометрическую форму и не портится даже при длительном хранении. Считается, что освящённая на Крещение Богоявленская вода обладает целительными свойствами и изгоняет злых духов. Сказано: «Крещенская вода делает душу белее снега».

Недавно я услышала чудесную историю. Рассказал её Олег Михайлович, заведующий реанимационным отделением. Во время его дежурства в больницу поступила пациентка с ожогами пищеварительного тракта. Из-за семейного конфликта она выпила уксусной эссенции, что и привело к тяжелейшим последствиям: больная не могла ни есть, ни пить, ни даже говорить – ожоги были не совместимы с жизнью.

Одновременно в реанимацию был доставлен пациент с обширным инфарктом.

Так получилось, что накануне Олег Михайлович пригласил батюшку для освящения палаты, в которой теперь разместили тяжелобольных. Священнослужитель добросовестно провёл церковный обряд в их присутствии. Когда всё закончилось, Олег Михайлович шёпотом спросил у священника, чем можно помочь женщине:

– Молодая совсем, жалко, умирает, а спасти несчастную не представляется возможным...

– Всё в руках Божиих... Чем я могу помочь? Разве что отслужить водосвятный молебен...

Олег Михайлович тогда мало что понимал в молебнах. Всю свою жизнь без остатка реаниматолог посвятил спасанию человеческих жизней, и у него совсем не оставалось времени на посещение церкви. Врач не стал выпытывать у батюшки, что такое водосвятный молебен, а просто поставил посреди палаты цинковый таз с обычной водопроводной водой и махнул рукой:

– Валяйте!

Батюшка провёл водосвятное богослужение, искренне прося Господа и святых Его о ниспослании милости больным, после чего зачерпнул полстакана освящённой воды и протянул «безнадёжной»:

– Пей, матушка. Вреда не будет.

Больная робко глотнула из стакана... Прислушалась к своим ощущениям и потянулась ещё к источнику жизни...

Несколько дней подряд она пила благодатную воду, по истечении которых удивила врачей тем, что попросила есть. Через неделю больная запросилась домой, утверждая, что выздоровела. Врачи с недоверием отнеслись к горячим уверениям женщины и пригласили заведующего.

Олег Михайлович поспешил в палату, в которой находилась пациентка, и, пока выслушивал её, с любопытством всматривался в лицо: вместо мертвенной бледности щёк и тёмных кругов под глазами – здоровый румянец и сияющие глаза. Но этого просто не может быть! Ошибка в диагнозе? Может, женщина вовсе не кислоты выпила? Олег Михайлович вернулся в свой кабинет и достал из сейфа бутылку, которую предъявили ему врачи скорой помощи, как вещественное доказательство, когда доставили в больницу пострадавшую. Откупорил. Специфический едкий запах ударил в нос. Нет! Ошибки быть не могло – уксусная эссенция. Прежде чем больную выписать из больницы, было назначено повторное обследование. После тщательно проведённого рентгена медики развели руками: никаких следов ожогов, всё, как у новорожденной. «Вот тебе и водо-

святный молебен...» – призадумался Олег Михайлович.

В этот же день его ждала ещё одна неожиданность. Из лаборатории пришли снимки сердечника, и медсестра, принеся их, сказала:

– Видно, перепутали. На этих – сердце в норме.

Не много ли чудес для одного дня? Ну, бывает, иногда путают снимки или анализы больных, но не в данном случае: других сердечников, кроме этого, средних лет тихони, за последние дни не поступало. Заведующий реанимацией внимательно рассматривал снимки и недоуменно качал головой: ни единого шрама, никаких следов инфаркта...

Эти два случая внезапного выздоровления тяжелобольных заставили врача глубоко задуматься над тем, что есть человек и что польза его? Глазам стала открываться истина: все нуждаются во Враче и исцелении, и начало исцеления – признать свою нищету и скудость перед Богом.

...По выходным дням Олег Михайлович спешит в храм, где с особого благословения в качестве алтарника следит за порядком в алтаре, возжигает светильники, приготовляет кадила и помогает вести службы. Он точно знает, что Бог постоянно являет славу Свою, творя чудеса, только созерцать их способен далеко не каждый.

2

К вышесказанному от себя могу с уверенностью добавить: Господь не только творит чудеса, но и пошутить не прочь. Расскажу одну такую курьёзную бывальщину.

Работала я тогда в зоомагазине. Коллектив наш был сплочённый, продавцы честные и простодушные. Покупатели – люди сердечные и доброжелательные. И вокруг просто рай земной: птички щебечут, рыбки плавают, зверушки копошатся. Всё по душе, всё по нраву.

Только нежданно-негаданно появился ещё один житель в нашем «раю» – крокодил... По сравнению с ним даже мерзкие крысы, пытавшиеся с первыми осенними

холодами прорваться к нам на зимовку, показались мне милейшими созданиями.

Это был настоящий дракон с пастью, утыканной до самой глотки острыми зубами. Его бездушные пустые глаза пугали меня. С чувством брезгливости и страха я приподнимала крышку террариума и кормила страшилище. Услышав всплеск, зверь стремительно налетал на корм и целиком проглатывал ломтики свежей рыбы или кусочки говядины, после чего злобно шипел, требуя, чтобы я убралась подальше. Он не позволял приближаться к себе слишком близко, рычал или бил мощным с зазубринами хвостом, не давая ни малейшей возможности полюбить себя.

Каждый раз, когда я меняла воду в террариуме, всё у меня внутри леденело! С трудом преодолевая страх, я делала ненавистную работу, только и мечтая о том, чтобы нашёлся какой-нибудь чудак, который навсегда избавил бы меня от этого жуткого монстра.

Тем временем жизнь природы за окнами магазина угасала. Снеговые тучи разгнезились на небе, заслонив собой ясное солнышко, и вскоре весь свет стал белым. Затрещали деревья, сжимаемые морозом...

Однажды утром, придя в магазин, я обнаружила крокодила... мёртвым! Он не двигался; глаза у него были закрыты; растопыренные перепончатые лапки высывались из воды, словно бедняга пытался выбраться наружу.

Что с ним могло случиться? Я сдвинула тяжёлую крышку террариума и дотронулась до хвоста земноводного: никакого дыхания! И тут до меня дошло: вода холоднющая! Крокодил просто окочурился! Видно, перед уходом домой я случайно зацепила провод и выключила терморегулятор, который поддерживал постоянную температуру в террариуме.

Казалось бы, я должна обрадоваться гибели злобного уродца, но, напротив, мне стало его жаль. Он ведь не виноват, что родился крокодилом. Всякая быть создана Богом...

Вскипятила чайник и тоненькой струйкой влила в террариум стакан кипятка. Почувствовав тепло, крокодил шевельнул своей лягушачьей лапкой и открыл глаза. Я вздохнула с облегчением: «Пушай живёт!»...

Быстро полетели короткие морозные дни. Народ засуетился в ожидании праздников, которыми так богат декабрь. Покупая подарки родным и близким, люди не забывали и о своих домашних любимцах. В магазине всегда толпились покупатели: кто-то припасал лакомство для кота, кто-то покупал тёплую одежду для пёсика. Самые любопытные из посетителей подолгу задерживались у террариума с крокодилом, тем самым смущая хищника. Он забивался под корягу, злобно шипел и дёргал хвостом.

Отшумели суматошные новогодние праздники. Следом православная церковь отпраздновала Рождество Христово. Приближалось Крещение...

Случилось так, что в крещенский сочельник магазин остался без водоснабжения. Бедный зубастик! Ему придётся сидеть в грязной воде! Но тут пришла идея: обратиться за помощью к начальству. По моей просьбе директор привёз воды из дома, оставил её в своём кабинете и уехал. Заглянув, я обнаружила две ёмкости с водой: одну, большую, на полу; другую, вдвое меньше – на кресле. Взяв бутылку поменьше, бултыхнула её на крокодила...

Боже правый! Бедняга взвился, как ошпаренный, и с раззявленной пастью заметался по террариуму. Что я наделала! Наверняка в бутылке было что-то ядовитое: спирт или автомобильная жидкость. Несчастливая тварь, вечно ей достаётся! Я схватила телефонную трубку и, с болью глядя на корчащегося монстра, набрала номер директора:

– Михалыч, ради Бога, скажи, что было в малом баллоне?

– А что?

– Я вылила содержимое на крокодила, и теперь его всего крЮчит.

– Ну, ты даёшь! Это же Крещенская вода! Крокодил был мусульманином, а те-

перь стал крещёным! Ха-ха-ха! Поздравляю, теперь ты его крёстная!

Однако мне было не до смеха: крокодил вдруг затих и сомкнул веки на выпуклых глазах. Господи! Издох! Но почему? Не могла же святая вода убить его!

Позабыв о страхе, я погрузила руку в кристально чистую крещенскую воду и... дёрнула зубатого архаровца за мощный хвост. Крокодил медленно поднял веки и затуманенным взглядом посмотрел на меня...

...Спал мой «крестник» сутки. Я его не беспокоила. Его вообще ничто не беспокоило. Проснувшись, он подобрался поближе и вперился в меня. В его взгляде было... любопытство и даже что-то более тёплое...

– Проголодался, красавчик, – решила я.

Принесла мясо и с опаской сдвинула стеклянную крышку. Подопечный вёл себя на удивление спокойно: не шипел, не бил хвостом. Напротив, проглатывая еду, мурчал, как кот, и смешно жмурился, когда кусочки, падая на дно, обрызгивали его. Насытившись, он уполз за корягу и оттуда наблюдал за мной, пуская носом пузыри.

С этого дня крокодил стал меня узнавать! Он частенько прикивал к стеклу и «любовался» моим лицом. Именно так мне и казалось, потому что взгляд был осмысленный и совсем не злой. При этом он... улыбался. Я его перестала бояться. Он стал мне даже симпатичен. Мне нравилось наблюдать, как он лапкой задумчиво почёсывал то место на своей голове, где по моим соображениям должно было находиться ухо. Когда я меняла воду в террариуме, крокодил не пугал меня, а отползал в сторонку и делал вид, что дремлет.

А вскоре в наш магазин зашёл тот долгожданный «чудак», который, нет, не избавил меня от опасного питомца, а принял моего «крестника» под свою опеку. Юношу просто очаровал добродушный крокодил, о котором он мечтал с самого детства, просмотрев не один раз известный всем мультфильм о Чебурашке и крокодиле Гене.

Вот какой силой обладает святая вода, способная укротить даже самого неукротимого!

«Вас за границы издают. Вас продавщицы узнают» (Андрей Вознесенский)

Мечты о славе и деньгах свойственны людям всех профессий. Писатели не исключение. Может быть, когда книга только создаётся, её автор и не думает о том, что будет после финальной точки. Но стоит её поставить, как в голове появляются мысли о дальнейшей судьбе рукописи. Показать кому-то или спрятать в стол? Издать или бессмысленно даже пытаться? Каждый человек принимает своё решение. Но призрак литературного успеха, так или иначе, маячит перед всеми, кто взялся за перо и рискнул поделиться с бумагой своими чувствами.

Формула литературного успеха

Чтобы «призрак» обрёл плоть и кровь, писателю придётся немало потрудиться. Удача прихотлива, изменчива и ненадёжна. Нельзя полагать, что Фортуна просто явится на огонёк и в одночасье превратит «кухонного» поэта в маэстро, на которого будет равняться весь мир. Пришпорить обстоятельства можно, если начать действовать. Но ещё до того, как предпринять первый шаг, автору имеет смысл честно ответить на вопрос, чем конкретно для него является успех.

К сожалению, готовой формулы не изобрели. Чувство удовлетворения от результатов своей работы и так называемая «высшая степень признания в условиях существующего литературного рынка» складываются из нескольких разных факторов и фактически являются их совокупностью. Можно выделить основные критерии, которые оценивают авторы, пытаясь измерить

свою успешность и понимая, что каждый поставит во главу угла нечто своё:

1. Самые неамбициозные писатели о славе и деньгах не думают, даже когда ведут диалог с издательством. Они писали свою историю для друзей и родных, излагая в ней биографии близких, генеалогические изыскания, поздравления на праздники, истории, пережитые вместе. Их цель – напечатать несколько экземпляров книги и подарить тем, кому она адресована. Улыбки, благодарности, искренняя радость для них – лучшая награда и высшая степень признания.

2. Писатели, чувствующие себя одинокими и непонятыми в реальной жизни, часто ищут не массовой популярности (она способна их напугать, а хейтеры, всегда появляющиеся вместе с фанатами, могут довести до отчаяния). Их интересуют единомышленники. Те, с кем можно вступить в диалог. Кто оценит самые сокровенные

мысли, сумеет принять их, прочувствовать. Нередко такие авторы публикуются в Сети, причём не на раскрученных порталах, где слишком много критики и пользователи предпочитают произведения в востребованных жанрах, а на тематических сайтах «для своих», если таковые удаётся найти. Когда речь заходит об издании книги, писатели, пребывающие в поиске единомышленников, почти не заказывают большие тиражи. Им хватает малых или тех, что издаются по требованию. Главное, чтобы было что дарить на творческих вечерах, куда априори приходят равнодушные гости. Чем больше людей проникнутся идеями такого человека, тем более успешным он станет себя считать.

3. Любители подзаработать – одна из распространённых разновидностей авторов в двадцать первом веке. Многие из них начинают представлять себя в роли богача задолго до того, как напишут первую строчку. Их книги могут стать следствием мечты о красивой жизни. Естественно, они всегда пишутся в популярных жанрах, это фэнтези, детективы, любовные романы. Такие люди прекрасно разбираются в трендах. Они изучают, что востребовано на рынке и какая аудитория читателей чаще всего покупает литературные новинки. На эту аудиторию они и работают. Большие тиражи и обширная рекламная кампания – вот два ключа к успеху, который будет исчисляться средствами на банковской карте.

4. Искатели славы очень похожи на авторов из третьей категории, но есть и принципиальное различие. Они хотят не просто регулярно пополнять счета, а видеть признание. Им нужна слава селебрити, общественное внимание, интервью с журналистами, общение с фанатами. Конечно же, для их целей тоже требуются большие тиражи, много рекламы, плюс презентации и творческие вечера. Получить дополнительные регалии можно, если участвовать в конкурсах, премиях, на ярмарках и в фестивалях, а также вступать в уважаемые творческие союзы. Примечательно, что

в данном случае мало написать книгу в популярном жанре. Необходимо, чтобы востребованность сочеталась с глубиной. Иначе успех будет лишь половинчатым.

5. Есть те, кому не дают покоя лавры классиков. Вот только никому не дано предугадать, какие книги будут в чести через сто или двести лет. Возможно, тот, кто сегодня хотел заработать, через триста лет будет признан гением или эта роль достанется автору, мечтавшему сделать подарок любимой женщине и выпустившему свою книгу лишь парой десятков экземпляров. Поэтому рассчитывать на такой вариант успеха заранее бесполезно. Здесь и сейчас надо делать то, что возможно. А уж как дальше повернётся судьба, зависит от чистой случайности.

Конечно, рассматривать любой критерий успеха как единственный нельзя. Все хотят сделать подарок близким, и никто не откажется от единомышленников. Да и деньги вкупе с известностью вряд ли станут лишними. И это ещё раз доказывает всю субъективность оценки литературного успеха, который, если говорить проще, можно свести к понятию достижения цели. Это, собственно, и будет та самая формула, которую мы стремились вывести.

Правильная ли цель поставлена?

Очень часто причиной разочарования, которое убивает желание творить и создавать, становится вовсе не отсутствие успеха как такового, а именно невозможность достичь поставленной перед собой цели. И виноваты в этом вовсе не читатели или эксперты, которые не поняли, не оценили, не приняли, а сами писатели. Они не могут самостоятельно проанализировать свой труд и определить, для какой аудитории предназначена их книга, будет ли она востребована и, главное, насколько талантливо она написана. Близкие, которые обычно становятся бета-ридерами, не помогают. Они не являются профессионалами, да и любым успехам своего дорогого человека рады по определению. Даже если он сводится лишь

к тому, что произведение не было брошено на середине, а получило завершённый вид. Эмоционально вовлечённым людям трудно найти достаточно объективности, чтобы вынести грамотный вердикт. И даже если что-то не нравится, кажется, что лучше промолчать, дабы не огорчить и не лишиться уверенности в своих силах. Между тем только правда спасёт от краха в будущем. И скажут её профессиональные рецензенты:

- сотрудники издательств;
- журналисты;
- филологи, преподающие в высших учебных заведениях;
- редакторы литературных журналов и газет;
- признанные писатели;
- члены творческих союзов.

Нужно лишь отбросить пустые страхи, понять, что критики не являются врагами и не желают причинить зла, и выйти с ними на связь. Ибо сами рецензенты клиентов не ищут.

Где найти рецензента?

Получить консультацию специалиста сегодня не так сложно, как кажется. Для этого не надо выкладывать своё детище в Интернет, лишая его оригинальности и рискуя авторскими правами. Маловероятно, что на каком-то сайте профессионал сам найдёт писателя-новичка, прочитает его историю и выскажется на её счёт. Если нет знакомых, занятых в нужной сфере, всегда можно:

- обратиться за помощью к администраторам крупных порталов, которые могут кого-то порекомендовать;
- «постучаться» на авторский сайт любимого писателя;
- предложить свою работу на конкурс или соискание премии;
- подать заявку на публикацию в журнале или газете;
- заказать рецензию в уважаемом издательстве.

Последний вариант является самым надёжным. Дело в том, что админы, вероятно, попросят сперва разместить книгу у них, да

и за рецензентов иногда выдают обычных копирайтеров. Любимый фантаст может отказаться рецензировать психологическую драму или просто не увидит сообщение. Организаторы конкурсов и премий обычно не представляют рецензии с разбором предоставленных рукописей, равно как не каждый редактор периодического издания даёт подробный ответ авторам.

Рецензия, которую делают сотрудники издательства, будет объективной, тактичной, мотивирующей. Так критики, сотрудничая с Академией литературного успеха, функционирующей при издательстве «Союз писателей», помогли родиться на свет множеству книг. Вступая в диалоги с авторами, они отмечают всё хорошее, что есть в рукописи, но не забывают про ошибки. Руководствуясь своим богатым опытом, критики подсказывают, как всё исправить, где надо дополнить тексты, а где убрать лишнее. Помимо разбора рукописи и решения о возможности издания, профессионалы могут подготовить статьи для размещения на литературные сайты и представления на творческие состязания. Таким образом, критика становится и уроком, и рекламой, и билетом на новый уровень для человека, готового слушать и слышать непредвзятое мнение.

Независимо от того, каким писатель видит свой литературный успех, пока не будет рецензии с детальным анализом плюсов и минусов книги, он не сможет сказать с уверенностью, имеются ли у него шансы. Лишь услышав рекомендации, подправив недочёты, определив вместе со специалистом аудиторию и возрастной рейтинг, есть надежда понять, удастся ли добиться всемирной славы, богатства, аудитории почитателей или нет. Неправильно поставленные цели – причина множества неудач. Стоит ли так рисковать, если нужно всего лишь пойти на диалог с тем, кто лучше ориентируется в литературной действительности и понимает, как устроен современный книжный рынок, издательский бизнес и психология читателей?

Сказочный алфавит, который не забыть

И почему взрослые думают, что запомнить буквы просто? Неужто забыли, как сами когда-то пытались превратить странные загадулики в звуки, и у них ничего не получалось?

Наталья Шарапова на страницах книги «Гласные-согласные» попробовала облегчить задачу, которая стоит перед мальчишками и девчонками. Она придумала целую сказку, герои которой не мишки или зайки, а буквы.

*Странно это, на странице
Тридцать три живут сестрицы,
Без скандалов и обид!
Дом зовётся – Алфавит!*

Каждая «сестрица» имеет свои особенности, внешне отличается от остальных:

*Ёлка, ель – одно и то же,
Сёстры: Ё и Е – похожи,
Отличим без заморочки,
Есть у буквы «Ё» две точки.*

И обладает характером: кто-то непоседа, кто-то скромница.

*– Знают взрослые и дети:
Я важнее всех на свете! –
Заявила буква «Я».
– Всё погибнет без меня...*

В общем, всё как у людей. Такая визуализация вкупе с подробным описанием буквы и примерами её использования отпечатываются в памяти. Кроме всего прочего, писательница вовлекает читателя в диалог. Она задаёт ему вопросы, загадывает загадки, то есть превращает учебный процесс в увлекательную интерактивную игру.

*Эта буква – бегемотик?
Или буква-барабан?
Предоставлю выбор вам!*

*Зная главную приметку,
Назовите букву эту!*

Таким образом, ребята постоянно сосредоточены, сконцентрированы, ждут, когда к ним обратятся, и с радостью откликаются. Им некогда смотреть в окно, вспоминать очередную серию «Леди Баг» или отвлекаться любым другим способом.

Важным моментом является то, что автор книги сразу пытается упомянуть первые школьные правила, что непременно поможет детишкам в будущем. Она учит их по всем канонам принятой программы, забегая чуточку вперёд, но не ругая и ничего не навязывая. Наталья не просто просит зазубрить алфавит, чтобы бездумно повторять по первой просьбе взрослых: «А, Б, В, Г, Д...», а объясняет, что существуют гласные и согласные, звонкие и шипящие. Что бы это значило? Ответы есть на страницах, и они остаются в памяти!

*Звонко буква «Г» кричала:
– Заучи меня сначала
И тогда в словах найдёшь!
Ты со мной не пропадёшь!*

Быть педагогом непросто, но у Натальи Шараповой это получилось. Цель достигнута – книга «Гласные-согласные» превратилась в один из самых нескудных уроков, которые ждут в жизни юных читателей. Ну а родители с лёгкой руки талантливой писательницы получают помощь, которая им совершенно необходима, чтобы вложить в маленькие головки своих непосед прописные истины и не поседеть раньше времени.

«По улицам бродит жизнь и каждому смотрит в душу...»

«Ради любви жертвуют собственной жизнью, ради золота не щадят чужой...» О том, что является главным, а что второстепенным, идёт речь на страницах сборника стихотворений, сонетов и афоризмов «И движет нами вечная любовь», который вышел из-под пера современного писателя **Александра Осина**. Независимо от того, общается он с читателем с помощью рифмованных строк или прозы, в каждом его произведении заложена важная мысль, требующая не просто обдумывания на досуге, а принятия посылки, спрятанного за словами, через его искреннее понимание.

*Перед нами бескрайние дали,
Мы несёмся со скоростью света,
В повседневном участвуя ралли,
Согласуя мораль с этикетом...*

Автор одновременно обращается к разуму и эмоциям своего читателя, смешивая чувства и смыслы, цели и способы их достижения в едином котле творчества, рождённого из глубокого переживания за судьбы современников и их души, питающиеся тем прекрасным, что есть вокруг. Вечные ценности – вот основа, на которой держится поэзия Александра Осина. Без лишних эквивалентов и традиционной для литературы XXI века воды, помогающей растягивать простой сюжет на десять заумных томов, он доносит до читателя своё видение главного. И трудно не согласиться с идеями человека, который говорит: «движет нами Вечная Любовь», «надежду получаем мы авансом», «мир – это мягкая глина, / время – искусный гончар», «вчера, где была жизнь, сегодня прах», «мы живём по соседству с детством, / но черту перейти не можем», «научиться мозаику складывать / из ответов – высшая магия...».

Таким образом, социальные аспекты, которые рассматривает Александр Осин, тесно связаны с философской тематикой. Обсуждение острых проблем прорывается негодованием, желанием изменить мир, указать человеку на ошибки. Хлёсткие замечания появляются в самых неожиданных местах и ставят в тупик, создавая дискомфорт, который не позволяет просто отмахнуться от произнесённых и повисших в воздухе, словно туман, слов:

*На небесах под скрипку Страдивари
В большом котле Бог кашу жизни варит.
И человек решил: коль я подобен,
Сварю не хуже. Получилась бомба...*

В строчках поэта, мешающего высокое и низменное на глазок, но всегда уместно, много грусти. Она вызвана размышлениями о конечности бытия, попытками найти себя, стремлением поступать по справедливости при невозможности иногда добиться цели. Но главное – она является следствием удивительного таланта живо откликаться на каждую встречу, любое событие или явление. Читая четверостишия, нельзя не дрогнуть, не затрепетать, не вздохнуть тяжело, сожалея об утраченном или непостижимом:

*Мы исчезаем во времени
И оставляем постскриптум
Плиту с начертанным именем,
Как реквием нашим битвам...*

И социальное, и философское имеет непосредственное отношение к формированию духовного мира человека и обретению им гармонии, напрямую зависящей от толкования прописных истин и согласия

с ними не на словах, а на самом глубоком уровне подсознания.

Чтобы сделать свой диалог с аудиторией более красочным, ярким и запоминающимся, поэт добавляет в свои произведения множество аллегорий и метафор, которые понимаются интуитивно и удивляют своей необычностью и свежестью:

*Жизнь даёт мне ещё один шанс
Для работы с ошибками.
И, не зная покоя, судьбы дилижанс
Вновь несётся по рытвинам.*

Свои мысли он облакает в форму разнообразных, довольно неожиданных поэтических образов, используя для их создания то, что видит рядом с собой. Через природу и её настроения он выражает личное мировосприятие, проводит ассоциации с эмоциями, романтизирует философские идеи и придаёт материальность вещам, которые нельзя ни потрогать, ни увидеть, только ощутить их значимость:

*Слякоть сменяет вьюги и морозы,
Заметут тропу назад метели.
Зато ярче будут в небе звёзды,
Открывая дверь в мир параллельный...*

Нет числа темам, которые поднимает Александр Осин, оставаясь, по сути, верен главной из них – вечной любви к другому человеку:

*Обвенчанные любовью,
В глухом проживаем краю,
Где в полночь над изголовьем
Симфонию звёзды поют...*

К миру вокруг:

*Я живу на планете Земля,
Я счастливый её гражданин.
Я брожу по лесам и полям,
Среди гор и пустынных равнин.*

И к Творцу, создавшему это величие, полное красок и форм:

*Ему подвластно время и пространство,
И он преобразил пустой эфир,
Пролив из чаши жизни эликсир.
Творцу претит бессмысленное рабство.*

Книга «И движет нами вечная любовь» воодушевляет, вдохновляет, можно даже сказать, окрыляет. Несмотря на серьёзность вопросов, поставленных во главу угла, она не давит на психику, не напрягает лишней драмой, а дарит свет, указывающий путь:

*Тебе даёт решения свободу:
Из чистого колодца воду пить
Или порвать связующую нить,
Порокам и страстям своим в угоду.*

Задача сборника – стать глотком воды для путника, бредущего по пустыне равнодушия; первой порцией кофеина за день для того, кто едва сумел открыть глаза, чтобы пробудиться от полного иллюзий сна; свежим ветром, что растреплет волосы, стоит выйти за порог и вдохнуть полной грудью воздух свободы, наполненный атомами той самой вечной любви, что окружает всех: и автора этого сборника, и его читателя.

«Или ты думаешь, в этом смысл жизни состоит?»

Самое сложное – это найти себя или, выражаясь языком философов, смысл жизни. Иногда нам кажется, что мы понимаем, как устроен мир, знаем, для чего пришли в него, осознаём и принимаем свои желания, готовы услышать, где и почему ошиблись. Но так ли это на самом деле? И что делать, если в действительности мы принимаем правила игры, навязанные извне? Выживаем в унылой, однотонной реальности? Задыхаемся под гнётом обстоятельств, всё дальше уходя от того, к чему когда-то стремились?

Сборник рассказов **Ольги Дудолодовой** «**Всё закончилось благополучно**» – это зеркало реальности. Герои – обычные люди, чьи судьбы узнаваемые и порой пугающие. Произведения написаны в простой, обыденной манере. Они не подразумевают ни ярких приключений, как у Жюль Верна, ни чувств, как в бразильском сериале, ни инновационных открытий, на которых строятся фантастические домыслы. Задача, которую поставила перед собой автор, – осветить насущные проблемы, показать их правдоподобно и дать читателю пищу для размышлений. Автор затрагивает темы, которые были актуальны десятилетия назад, возникли в недавнем прошлом и, в общем-то, всегда присутствовали в человеческом социуме, просто имели разные проявления. Главная цель писательницы – определить, в чём заключается смысл жизни, о котором столько разговоров, и как мы трактуем его в своём эгоизме, под воздействием обстоятельств или притворяясь, что всё бессмысленно. «Смысл нашей жизни в детях, разве это не истина? Будет хоть кому подать тебе стакан воды в старости... Ты приводишь в мир человека, причём без его согласия, с целью придать смысл своему собственному суще-

ствованию? И чтобы обеспечить, опять же себе, спокойную старость? По-моему, здесь первичен совсем другой вопрос: сможет ли он быть счастлив в этом мире?» «Или ты думаешь, в этом смысл жизни состоит? Глотки друг другу рвать? “Жизнь – борьба”, да?» А может быть, есть и другие варианты ответа? Например, такие: «Есть ли в нашей жизни что-нибудь слаще славы? Кто-нибудь скажет – любовь. Но любовь – это скорее хлеб нашей души, основа её существования, а слава – это пикантная верхушка бутерброда, нечто вроде красной икры или клубничного варенья – кто что больше любит». Где правда? Чтобы понять, нужно читать очень внимательно, концентрируясь не на конкретных словах или поступках героев, а на всей совокупности эмоций и рации, заключённой в строках, на мелочах, создающих атмосферу, на пересечении субъективной и объективной реальностей, ни одна из

которых не может существовать отдельно, на разнообразии людей и их мнений.

Поиск смысла – значимая, но не единственная тема сборника, где множество аспектов людского бытия переплетаются, становясь неделимыми. На страницах поднято множество вопросов, которые встают перед человеком и приводят его в тупик. Ольга Дудолодова мысленно возвращается в шестидесятые и семидесятые, не идеализируя тот период. Она доходит до революционных восьмидесятых, оттуда устремляется в лихие девяностые, когда «в привычном мире всё сместилось и понеслось вверх тормашками. Инна не узнавала родного города. Как автоматные очереди застрочили по уличной толпе огненные рекламы с фронтонов. Мостовые то и дело усеивались рублёвками всех достоинств, но нескончаемые нищие, неизвестно откуда вдруг явившиеся, не обращали на них ни малейшего внимания». И молодые люди, поддавшись своим слабостям и пестуя порочность собственных натур, «были уверены, что ничего привлекательного в моей науке нет. И они презирали меня за то, что с такой золотиносной специальностью “докатилась” до жалкой роли простого учителя. Ибо иного интереса, кроме денежного, они в жизни от работы не ждали». А потом оказывается в настоящем, по сути мало чем отличающемся от прошлого: «ещё совсем недавно, полвека не прошло, лишних людей тысячами жгли в печах, забрасывали бомбами. А что творится теперь, я и описывать не берусь, загляни в Интернет, если не противно». Таким образом, писательница показывает, что одиночество – проблема вечная, эгоизм неистребим, ложные идеалы чрезмерно увлекают, а следование им приводит к падению на дно пропасти.

Писательница жёстко противопоставляет духовные и материальные ценности, на которых зиждутся душа и тело человечества. Заводит разговор о личности, обществе

и их взаимодействии между собой, чтобы в итоге поднять сложную и многогранную тему отношений между людьми, особенно уделяя внимание вопросам воспитания подрастающего поколения, формированию моральных установок и представлений о допустимом. В результате в фокус попадают проблемы родителей и детей, которые далеко не всегда складываются так, как это должно быть: «Сегодня после уроков она не смогла пойти домой. Разве у неё есть дом! Мама вечно делает где-то карьеру до самой ночи, а папаша и вовсе... улизнул». И получают взрослые, из-за равнодушия или слепого случая не познавшие детского счастья, не впитавшие истинных ценностей, обиженные, разочарованные, не понимающие ни себя, ни других, ни мира, где им довелось жить. Ибо семья – это основа. «Я пыталась вообразить себе, что такое “умерла мама”, и моё богатое воображение отказывало мне. Всякое существование немедленно и полностью лишалось смысла от этих нечеловеческих слов, всякая мысль разбивалась вдребезги, открывая чёрную яму безумия. Я пыталась вспомнить хоть что-нибудь, самое прекрасное и сокровенное, что было бы важнее и необходимее мамы, – и не могла».

И всё же название сборника – «Всё закончилось благополучно», а не «Убогая серость бытия». В каждой истории Ольга Дудолодова сохраняет надежду на искупление и избавление, на понимание и переосмысление, на светлое завтра и на то, что её герои – хоть кто-то из них – поставят перед собой правильные вопросы и сумеют приблизиться к загадочному счастью. Ибо именно оно, если разобраться, и есть цель. Осталось лишь определиться со средствами её достижения, то бишь с теми самыми смыслами, о которых уже говорилось выше, и можно двигаться в путь. Готовы ли мы встать на него: персонажи рассказов, читатели, сам автор? Это уже совсем другая история и, возможно, иная реальность.

Екатерина Кузнецова

Опередивший время: к выходу книги об Эдуарде Зеленине

К 300-летию Кузбаса сотрудниками библиотеки имени Н. В. Гоголя Е. Э. Протопоповой и О. Анчиковой инициирован городской проект «Родина Кузбасс: 300 лет в истории России». В рамках проекта проходят концерты, презентации книг, творческие вечера, выставки, лектории и многое другое. Одно из последних мероприятий, прошедшее в онлайн-формате, – встреча с Ириной Казанцевой и Евгением Крюковым, авторами книги «Эдуард Зеленин: возвращение на Родину» (видео представлено на видеоканале Гоголевки на YouTube).

Книга «Эдуард Зеленин: возвращение на Родину» посвящена 400-летию города Новокузнецка, 300-летию Кузбасса и 80-летию со дня рождения выдающегося художника, представителя второй волны русского авангарда, нашему земляку Эдуарду Зеленину. Заметим, что Эдуард Зеленин и авторы книги являются персонами сайта «400 знаменитых новокузнецчан». Члены Союза журналистов РФ Ирина Казанцева и Евгений Крюков известны своими краеведческими изысканиями, являются авторами публикаций о людях и событиях, оставивших значительный след в трудовой, героической и культурной жизни нашего города. Новокузнецчанам хорошо известна их совместная книга «Прогулки по старому Кузнецку», написанная в соавторстве с Петром Лизогубом. И вот новый подарок городу – книга о художнике Эдуарде Зеленине.

Руководители проекта Е. Э. Протопопова и О. Анчикова попросили авторов рассказать об их новой книге и задали несколько вопросов.

Протопопова Е.: Евгений, как указывает титульный лист книги, это Ваш авторский проект. Расскажите, что послужило поводом к его появлению.

Крюков Е.: Впервые об Эдуарде Зеленине я узнал в 90-е годы прошлого столетия от коллекционера антиквариата Виктора Гуменика, который был с ним в дружеских отношениях и охотно делился информацией об этом художнике. Моё непосредственное знакомство с творчеством Зеленина

состоялось в сентябре 2015 года в период работы в Новокузнецком художественном музее международного выставочного проекта «Эдуард Зеленин (1938–2002). Возвращение шедевров», который привёз французский искусствовед и галерист Поль Нужейм.

На открытии выставки я пообщался с людьми, которые хорошо знали Эдуарда Зеленина, предложил встретиться и поговорить о Зеленине. Так я в буквальном смысле напросился в гости в семью Юрия Люленкова, которую связывала с Зелениным многолетняя дружба. Во время моего визита мне показали альбом фотографий, случайно обнаруженный на антресолях старого шкафа, и я стал первым «зрителем» более ста фотографий работ художника, написанных им в новокузнецкий период жизни. Позднее

мне показали и папку с рисунками Эдуарда Зеленина.

В общем, как только я увидел содержимое папки и раскрыл альбом, мне стало ясно, что я нашёл клад! И родилась идея издать каталог этих чёрно-белых копий работ Зеленина, написанных им до эмиграции из Советского Союза. Со своей идеей я обратился к директору Издательского дома «Кузнецкая книга» Ирине Казанцевой. Она поддержала мой проект, и работа началась.

Анчокова О.: Но, насколько мы можем видеть, первоначальный замысел претерпел существенные изменения. Ирина, каким был этот путь от чёрно-белого каталога до внушительной монографии.

Казанцева И.: Знаете, что удивительно? Встречаясь с художниками Новокузнецка, со многими из которых знакома, дружна и о которых сделала несколько публикаций, ни разу в наших разговорах я не услышала имя Эдуарда Зеленина, участника бульдозерной выставки, художника-авангардиста, нонконформиста, эмигранта... Картины Зеленина я тоже увидела впервые на выставке 2015 года. И имя этого художника услышала впервые именно тогда. Я не знала его биографии, понятия не имела о его творческом пути. Белый лист.

И вот я на выставке его картин. Ни один художник не производил на меня столь сильного впечатления. Это уже потом, погружившись в жизнь и творчество Зеленина, я поняла, что именно тогда через образы и краски, линии и завитки я почувствовала самого Зеленина: Зеленина-человека, Зеленина-художника. Думаю, именно тогда в каких-то высших сферах произошли судьбоносные скрепы, и мы с Евгением Нико-

лаевичем уже были обречены на издание этой книги. Возможно, сам Зеленин выбрал именно нас, чтобы вернуться, наконец, на Родину.

Потом через два года или чуть больше Евгений Николаевич предложил издать каталог. Но я хорошо знаю его маниакальную страсть добраться до сути предмета, о котором он пишет. О чём свидетельствуют его научно-популярные статьи о старине, меднолитой пластике, антиквариате, о предметах быта и так далее. И с уверенностью могла предугадать, что просто каталогом он не ограничится. Да и мне самой издать просто чёрно-белый каталог было бы и скучно и неинтересно. А самое главное, вне контекста жизни и творчества Зеленина каталог не имел бы столь большого значения.

Потому я и предложила издать серьёзную монографию, представляющую собой сборник материалов, посвящённых жизни, творчеству и выставкам известного новокузнецкого художника Эдуарда Зеленина.

Анчокова О.: Зеленин интересен прежде всего как художник-авангардист, представитель нонконформизма. Любопытно, что свой художественный метод сам Зеленин определял как сказочный реализм...

Казанцева И.: Когда Виктор Евструпов спросил Зеленина: «Эдик, есть кубисты, авангардисты, сюрреалисты... А ты кто?» Он засмеялся: «Я своё направление называю “сказочный реализм”». Зеленин

всегда был против полного копирования жизни, считал, что это может сделать любой фотограф. Когда один в один – это не искусство. Художник должен создавать новую реальность. У него она сказочная.

Неслучайно эпиграфом к книге мы взяли слова Эдуарда Зеленина: «Эта бабочка, эти бублики и самовары, эта осенняя ветка, апельсины на медном блюде, цветы,

рыбы... Я хочу, чтобы каждый их полюбил и, глядя на них, развеселился бы так же, как я. Живопись должна приносить счастье».

Протопопова Е.: Как же так случилось, что талантливый художник Эдуард Зеленин покинул Родину?

Крюков Е.: Мы пытались ответить на этот вопрос каждый по-своему, в чём-то соглашаясь друг с другом, а в чём-то нет. Что касается авторов книги, то вся эта книга – это и есть попытка на него ответить. А ещё – это огромное желание сказать спасибо талантливому художнику-новокузнечанину, работы которого сегодня находятся в коллекциях по всему миру, художнику, который занял достойное место в истории мирового искус-

ства, который не потерял своё лицо в самую страшную эпоху нашей страны, эпоху, когда творчество было на службе авторитарного режима, когда любое инакомыслие преследовалось и главным мерилем таланта было безропотное следование коммунистической идеологии. Но время всё расставило по своим местам: идеологи и их идолы канули в историю, а художник Эдуард Зеленин и его работы постепенно возвращаются на Родину.

Можно очень долго говорить о сложной, интересной и богатой на творческие открытия эпохе 70–80-х годов прошлого столетия, подарившей нам такие имена, как Владимир Высоцкий, подарившей целую плеяду талантливых художников – участников бульдозерной выставки. Мы говорили о творчестве Эдуарда Зеленина, который «опередил своё время на десятилетия», и поэтому его картины так понятны современному зрителю.

Мы рады, что книга, посвящённая жизни и творчеству Эдуарда Зеленина, художника с мировым именем и с новокузнечкими корнями, увидела свет. Уверены: она найдёт своего читателя!

Подробнее о встрече – на сайте «400 знаменитых новокузнечан».

Е. Э. Протопопова, гл. спец. по библиотечному маркетингу, член Союза журналистов РФ

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

с Ларисой Агафоновой

Как зажечь искру творческого вдохновения, или Экскурсия в детство

- ✓ Вы уже признанный читателями поэт или прозаик?
- ✓ Вы учились на курсах писательского мастерства, окончили литературный институт или факультет журналистики?
- ✓ Вас не пугают слова «дактиль», «амфибрахий» и «спондей»?
- ✓ Вам удаётся уверенно вести своих персонажей сквозь экспозицию, завязку, кульминацию и неожиданную развязку?

Но почему-то вы всё чаще сидите перед чистым блокнотом или экраном компьютера и начинаете всерьёз опасаться, что муза окончательно вас покинула.

«Совсем нет вдохновения, – сокрушаетесь вы. – Где же его взять, когда сидишь в четырёх стенах на самоизоляции?» «Дистанционная работа отнимает все силы, не до творчества», – вздыхает знакомый поэт, сокрушённо качая головой на онлайн-встрече. «Вот раньше, когда в театрах были полные залы и на спортивных мероприятиях бок о бок фонтанировали эмоциями болельщики, я такие сюжеты придумывал, на них глядя! Только детям всё нипочём, у них никакого кризиса», – подхватывает грустный коллега-прозаик.

И он ближе всего к действительности!

Давайте на минутку заглянем в самое безоблачное безмятежное время – в детство.

Дети *сочиняют* невероятные истории, включив фантазию на полную мощность, не задумываясь над реалистичностью персонажей, не придерживаясь правил построения сюжета и мгновенно импровизируя.

Лариса Агафонова – кандидат психологических наук, доцент, автор более ста работ в области психологии, филологии и педагогики.

Достаточно включиться в игру, и в воображении ребёнка возникают разноцветные летающие обезьяны с тремя хвостами, храбрые спасатели Вселенной и ведьмы-невидимки.

Это и есть творческое воображение, которого нам иногда так не хватает для вдохновения!

Творческое воображение – это обязательная составляющая технического, художественного и любого другого творчества. Это способность человека к построению новых, не виденных ранее образов, которая включена в процесс творческой деятельности и приводит к созданию шедевров.

Порой творческое воображение уходит в отпуск или даже на самоизоляцию, заставляя вас с тоской вздыхать над забуксовавшим сюжетом и разленившимися персонажами.

Что же делать? Возвращать вдохновение в строй.

НАЧИНАЕМ!

Представьте, что вы ребёнок. Вам может быть как пять, так и десять лет. Вообразили?

1 Зайдите на кухню или в ванную, возьмите любой приглянувшийся вам предмет или продукт, включите фантазию и сочините про него сказку или рассказ. Это может быть история старой зубной щётки, сказ о грустном сморщенном яблоке или юмористическая зарисовка от лица треснутой солонки.

Получилось? Первый результат может оказаться не очень ярким, но точно необычным. Вам ведь уже стало интересно продолжить? *☺ Любопытство и интерес – отличный мотив для творчества.*

2 Вы любите рисовать? Или стесняетесь показаться смешным, не имея художественного образования? Но ведь в детстве вы рисовали без оглядки на других. Вот и сейчас вы как раз в роли ребёнка, и ваш рисунок не должен отвечать никаким требованиям. Главное, чтобы вы отдались процессу с удовольствием. Берите бумагу,

яркие фломастеры, масляные краски или акварель – и рисуйте. Отпустите контроль, пусть рука сама водит по листу.

Справились с заданием? Ваши мысли в момент рисования побывали в замечательной стране воображения. *☺ А вы получили уникальный шанс временно избавиться от самоконтроля и дать возможность воображению вести вас за собой.*

3 Придумайте, а потом визуализируйте несуществующее животное. Дайте волю своей фантазии. Из роли ребёнка вспомните, как это чудесно – комбинировать цвета и формы, наделять придуманную вами зверюшку невероятными качествами и умениями, сочинять её биографию.

Удалось выполнить задачу? Захотелось «познакомить» вашего персонажа с любым знакомым ребёнком? Прекрасно. Он обязательно оценит, и, возможно, вы вместе придумаете приключения для вашего нового героя. *☺ Вы разрешили себе творить без оглядки на возраст, образование и статус.*

Какое из предложенных действий вам понравилось больше всего? Хотите его повторить? Прекрасно: в вашей творческой копилке появился новый способ вернуть вдохновение.

Уверена, ваше воображение уже подарило вам множество идей! А умение иногда оказаться в роли ребёнка станет палочкой-выручалочкой в редкие минуты творческого кризиса.

Друзья! Желаю вам погрузиться в атмосферу творчества вместе с отдохнувшим и посвежевшим воображением!

Михаил Афонин

Донецк, Украина

Красно-синее

В синем небе белым кажется
 Прошлых жизней след расплывчатый.
 Самолётов сталь бумажная
 Для забытых и забывчивых.

Синим – буквы о прощении,
 Красным – буквы о прощании.
 Осень жизни в отражении,
 Тихий голос с придыханием.

Опоздали самолётики,
 Прилетели не по адресу.
 Красным – сердце на блокнотике.
 Синим – имя в форме паруса.

Написали и не вспомнили.
 Потеряли – не заметили.
 Паруса накрыло волнами
 И прошло сорокалетие.

Остаётся только маяться
 И не спать, как будто чокнутый.
 Красным – туфельки и платице.
 Чёрным – после перечёркнуто.

Кухня

Запомни свет, задёргивая шторы.
 Запомни час, когда пробьют часы.
 И о любви пустые разговоры
 По старой кухне бисером рассыпь.

Налей стакан – нет счастья в полумерах.
 Встань у окна, скажи весёлый тост.
 Смотри, вот дождь.

Смотри, вот мокнут скверы.
 Водой смывает город, где ты рос.

Теперь скажи, что завтра будет легче.
 Я постараюсь верить и молчать.
 Смотри, вот ночь. Давай ещё за встречу.
 А после – чай, чернее сургуча.

Нам хватит сил. Ты тоже это знаешь.
 Нам хватит лет – так просто не уйдём.
 Давай за дождь. Пусть вывезет кривая.
 А город станет чище под дождём.

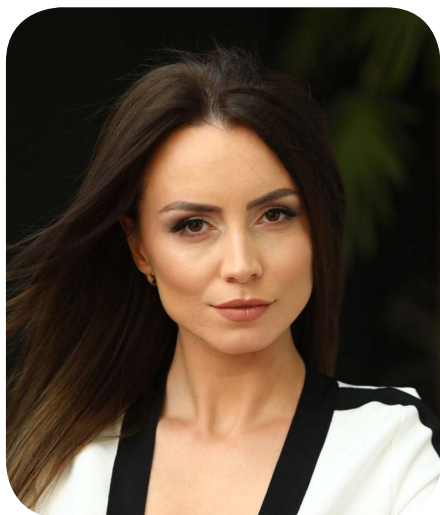
Мир

Солнце пьёт из грязной лужи
 Кровь обиженных небес.
 Этот мир грозой контужен,
 Обездвижен и нетрезв.

Ловит бабочек сачками –
 Под булавки пестроту.
 Мир за тёмными очками
 Прячет боль и красоту.

Перепутав окна-двери,
 В дом заходит сквозь стекло.
 Мир тоннелями артерий
 Пробирается в тепло.

Он уснёт в подвижном сердце
 До утра и до весны.
 Солнце прибежит погреться...
 В клофелиновые сны.

Екатерина Багаева

Москва

Письмо

В попытках частых написать тебе письмо
Я трепетно и чутко подбираю
за словом слово, —
В них о листы сломалось не одно перо;
Я не уверен, что всё то же
не случится с новым.

Ведь мне тебе так много надо рассказать, —
В надежде лишь на то,
что этому всему ты внимлешь:
Сказать о том, как смело я любил летать...
И как учился подниматься, падая на землю,

Во взглядах, зло мелькающих
вокруг, как тлен,
Отчаянно пытаюсь отыскать те,
что б подняли.
Я непомерно жаждал тени перемен.
Так истово. Но эти перемены не настали.

Да... Мне тебе так много надо рассказать.
Во мне пылают пламенем
столпы воспоминаний.
Мне бы хотелось, чтоб ты мог об этом знать.
Знать это одному —
страшнее всяких наказаний.

Тепло, но снег пушисто стелет
землю одеялом,
И кажется, что город
вдруг решил вздремнуть.
Я никогда не видел, чтобы что-то так сияло.
В один из дней таких я точно как-нибудь

Пройдусь по шумным и не спящим
улицам Арбата,
Среди снующих, сонно замедляя шаг;
Забыв о том, что утекает
время с циферблата, —
Всегда настолько безысходно. Только так.

В потоке этих мыслей сердце вздрогнет
молчаливо,
Укутавшись прохладой
снежных зимних дней;
Вокруг белым-бело
и восхитительно красиво.
Наверно, в этом есть
вся прелесть февралей.

Я знаю, что не важно,
но я всё-таки заметил,
Что всю прогулку я задумчиво молчал...
С кем можно говорить,
я, к сожалению, не встретил,
А с кем когда-то мог — давно уж потерял.

Но мне кому-то бы хотелось
рассказать об этом:
О том, как снег, бывает, стелется стеной;
О том, что солнце иногда не греет
ярким светом...
И с кем мне поделиться, если не с тобой?

Мне нравится, — и пусть сегодня я опять
простужен,
Так хорошо мне, правда, не было нигде.
Москва, тебе я благодарен лишь за то,
что нужен,
А в остальном — душой обязан я тебе.

Елена Батова

Москва

Укради меня

Ты меня укради у времени,
Воздух глубже вдохни и выдохни,
Поднимись высоко над бременем
И дворец из желаний выстрои,

На руках занеси в зал из нежности,
Разукрашенный поцелуями,
Ароматом пропитанный свежести
Чувств, в которых с тобой тонули мы,

Разодень как принцессу сказкою,
Обжигающей прикосновением,
Зачаруй меня страстной ласкою,
Каждым нашим ярким творением.

Удержи, прошу, своей пленницей,
Стану я покорной рабынею,
Мы вдохнём и сердцами встретимся,
Выдох будет с любимым именем.

Пассажиры

Летим по жизни словно в корабле
И думаем, что управляем судном,
Летим спеша, нелепо, безрассудно,
Поверив неразумно, что мы те,

Что держат руль решительно и твёрдо,
Могучий крейсер смело подчиняя
И капитанами себя воображая,
Держась на палубе величественно-гордо.

Но если потемнеет небосвод
И буря запоёт и затанцует,
Корабль до пробоин зацелует,
То капитанов паника берёт.

И твёрдость и гордыня пропадают,
Снимаются перчатки и мундиры,
И озаряет нас: «Мы – ПАССАЖИРЫ,
Судьба фрегатом нашим управляет».

Слёзы

Бывает так, что слёзы как ручьи
Бегут из глаз безудержным потоком,
Их сдерживая, борешься жестоко
С терзающими мыслями в ночи.

Сон, гордо отказавшись от тебя,
Ушёл гулять по улицам холодным,
И сразу гомон нудный и голодный
Воспоминаний закрутил, трубя.

Рвёт духовой, вскрывая сундуки
Накопленных богатств за век прошедший,
И кажется, что кто-то сумасшедший,
Прожив всё это, спрятал под замки.

Усердно роешь, драгоценный хлам
Найти стараясь, сладостную мякоть,
Но боль с обидой заставляют плакать,
И горько льются слёзы по щекам.

Снежанна Беликова

Омск

Страхи

- Скажите мне, доктор: как страхи мои Смогу победить, не лишаясь любви?
- Сейчас разберёмся.
- С чего мы начнём?
- Сперва расскажите немного о нём.
- Он – лучшее, что было в жизни моей. С ним рядом летаю...
- Давно?
- Много дней...
- Лети с ним. Расслабься.

Пусть ветер несёт,
Почувствуй любви вашей силы полёт...
Расправь свои крылья и просто лети!
– Но, доктор, простите. Боюсь высоты!..
– А что тебе сердце о нём говорит?
– Оно рядом с ним, вырываясь, стучит.
С ним рядом не слышу совсем ничего...
– А разум?
– О чём вы? Давно нет его...
Рассудок теряла уже с ним не раз,
Лишь только взглянув в глубину его глаз.
– Ты можешь с ним плыть?
– Только пару минут.
Боюсь глубины. Я боюсь утонуть!
– А если в объятьях, забыв обо всём,
Глаза закрыть крепко, остаться вдвоём?

И вместе навечно, и строить мечты...
– Да, это прекрасно... Но – страх темноты...
– Какой из всех страхов тебе не унять?
– Безумно боюсь я его потерять.
Что бросит меня он, оставит одну.
Боюсь, что я жить без него не смогу...
– Диагноз понятен. Держите рецепт:
Друг друга любите. Лекарств иных нет.
Причина всех страхов, да их лечение –
Любовь. Наша жизнь и наше спасенье.

Человек, влюблённый в маяки

Человек, влюблённый в маяки,
Никогда не будет одиноким.
Шлют ему «приветы» моряки,
Проплывая мимо в край далёкий...
Шторм и штиль как музыка ему.
Звуки моря – камерный оркестр.
Он встречает каждую волну,
Подпевая с ними ветра песню.
Ветер – друг ему, волна – жена...
А маяк не плен, а смысл жизни...
У него мечта всего одна –
Кораблям путь освещать до тризны.
Никогда он не грустит с тоски.
Не считает этот мир жестоким.
Человек, влюблённый в маяки,
Никогда не будет одиноким...

Зима проснулась в декабре

Зима проснулась в декабре,
Укутав землю белым снегом.
Стоят деревья в серебре,
Искрят в ночи под лунным светом.
И чьи-то свежие следы
Виляют по ночной пороше –
Зверь дикий в поисках еды
Гладь ненароком потревожил.
Хрустит под валенками снег,
Мороз кусает нос и щёки.
Иду к реке встречать рассвет,
Чтоб написать про зиму строки:
Как слепит яркий снежный блеск
И про кристально-чистый воздух.
А как прекрасен зимний лес!
Пожалуй, перейду на прозу...

Владислав Бусов

Кашира, Московская область

Спасательный круг

*Памяти сибирского поэта
Георгия Кольцова*

Разошлись пути-дороги,
Мы не встретимся уже.
Но среди поэтов многих
Стал ты люб моей душе.
Твой характер азиата –
Крепость кедра от корней.
К дому детства навсегда ты
Возвращался поскорей.
Мы ровесниками были,
Но не ведал я о том,
Что живя в одной Кашире,
Мог бы быть с тобой знаком.
А сложись судьба иначе,
Уберёг бы я тебя:
В жизни всё переиначить –
Стала б новая стезя.
И стихи твои читая,
Однозначно понял, друг, –
Душ родство я принимаю,
Ты – спасательный мой круг.

Наследие

*И одна забота только:
Всё наследие моё
Передать своим потомкам,
Уходя в небытие...*
Георгий Кольцов

На этом свете все мы гости.
Об этом вспомнил на погосте,
Когда к тебе я шёл, поэт,
Сквозь груду позабытых лет,
На свет твоих стихов весомых,
К земле родимой устремлённых,
На свет стихов без лишних слов,
Где нет невыверенных строф.
К тебе пришёл я на могилу

Твою былую вспомнить силу,
И поэтический заряд,
И творчества бесценный клад,
Где не утраченная верность,
Твоя к родному дому нежность.
И знай, наследие твоё
Не утечёт в небытие.
Поэта Лира золотая –
Она жива, не умирает.
Твой голос громкий слышу я,
Звучит, наследие храня!

Мне с морем утром говорить

*Душа, как палуба, чиста
в рассветный час...*

Иван Слепнёв

Мне с морем утром говорить,
Как воздуха глоток испить.
В туманной дымке горизонт,
С морскою далью слился он.
С рассветом помыслы чисты –
В тетради белые листы.
Я доверяю им свои
Заветные слова любви.
Иду я к морю всякий раз,
Когда во мне сомненья час.
Услышу я его совет
И верный на вопрос ответ.
Мне с морем утром говорить,
Как воздуха глоток испить.
Души порывы так чисты
В сиянии утренней звезды ...

Море встретило ласковым бризом,
Нежным шёпотом пенной волны
И весёлым пронзительным визгом
Попрошаек, чьи крылья белы.
Что шумите, крикливые чайки,
Знать кормёжка для вас не сытна?
Булки хлеба и сдобные сайки
Не заменят вам рыбу сполна.
Черноморские дальние дали
И неясный с утра горизонт...
Но баркасы с уловом кефали
Возвращаются вечером в порт.

Вадим Верц

Киев

Голос и волос

Допиваешь мате,
Крутишь волос.

.
. .

А я сорвал
Свой
Внутренний
Голос!

С грустью на поводке

Словно воротом окружив,
Тишина задушила город;
Босоногие мудрецы
Вспоминали былые годы.

Я же с грустью на поводке
Обрастал незнакомой тенью.
Накопления вязких слов
Походили на части тела.

В клубах дыма до потолка
Воссоздал свой последний сон,
Где планета была с брелок
И сознание со всех сторон.

Я ушёл от привычных форм,
Чтоб достигнуть самых вершин.
В невесомость пустил следы
Ловким жестом, от всей души...

(Не)воин

Иногда я не чувствую боли
И остатка святого внутри.
Я тот самый «невоин», что в поле
Отбивает атаки. Смотри:
Я железный, и я не заплачу,
Потому как могу заржаветь.
Тень страшнее всегда, не иначе;
Мишка плюшевый – тоже медведь.
Обнимая меня, не задушишь,
Убивая, не влюбишь в рассвет;
Там поэма про мёртвые души,
У которой читателей нет.

Самолюбие

Задержавшийся вечер не думает,
Как страдает моё самолюбие.
Я представил себя отрешённого
В заключительной стадии шёпота.

Полумрак вертикальным покойником
Подобрался ко всем подоконникам,
И никто, только ты, словно мумия,
Сохранила своё самолюбие.

Моя маска – твоё здравомыслие,
Наша вечность пугающе быстрая;
Ибо вечер незванный, непрошенный
Состоит из картинок подброшенных.

Зонтики

Даруют ли надежду на спасение
Объятия дождливые, весенние,
Когда я твой герой, а ты красавица,
И зонтики слегка соприкасаются.

Услышат ли промокшие прохожие
Поэзию, рождённую под кожей.
Сейчас мы оба счастливы, и значит ли,
Что тучи нависающие – значимы?

Владимир Гуляев

Барнаул

Золотая Осень –
жёлтая листва.
Никого не просишь –
ты сама пришла.
Грозами пугаешь,
а сама – Любовь!
Бабьим летом, знаю –
наградишь нас вновь.

Золотая Осень –
крики журавлей,
в серебристых лужах –
обновленье дней.
Даже хмурым тучам
осенью я рад –
Вижу в них могучий
зимушки отряд!

В серебристых лужах –
отраженье звёзд.
И берёзка в поле,
выпрямляясь в рост,
лету на прощанье
шелестя листвою,
грустно тихо машет
жёлтою рукой!

Ку-Ку и Ква-Ква

Вдали охрипшая кукушка
гадает вроде о судьбе.
Кукует глухо на опушке
от скуки. Так – сама себе.

Стрекочут хитрые сороки –
о ней ведут свой разговор,
а может быть, дают уроки
иль создают сорочий хор.

Она, кукушка, им не рада:
они хитрющие трещотки!
«Ку» один раз – для них награда,
их в клеть бы надо, за решётку!

Отчасти рёбая кукушка,
в заботе сидя на суку,
напоминает мне лягушку –
там: *ква-ква-ква*, а здесь: *ку-ку...*

Вот так устроено в природе:
кукуют вдруг в начале мая,
в прохладу при сырой погоде,
то ждать не стоит урожая.

Весной лягушка громко «ква» –
пройдут дожди и грозы.
Протяжно осенью «ква-а – ква-а» –
метели жди, морозы.

...Вдали охрипшая кукушка
в листве кукует на опушке.
В болоте квакает лягушка...

И мудрость им не занимать:
В природе каждая зверушка
Приметы учит понимать.

Юрий Дворников

Челябинск

Полустанок

Здесь поезда без остановки
Гудки уносят напролёт,
А раньше – столько подготовки
Сулил заждавшийся народ.
Встречая поезд в клубах дыма,
Для многих – чудо из чудес,
Они уверовать зримо
Могли в технический прогресс,
Когда на шумный полустанок,
Средь ясных дней и буйных гроз,
По расписанью, спозаранок,
Входил красавец паровоз.

А между тем – разлуки, встречи,
Гармошки ярый перебор,
И торжествующие речи,
И слёзный женский разговор.

Всё в память врезалось причинно
И не уходит никуда.
Бабуся выстроились чинно,
Не пропуская, как всегда.
В платках цветастых, как на праздник,
С зазывным оканьем: «Пошто?»
– Добро пожаловать, проказник.
– Куды пошёл?
– Пошто пошёл?

Им, из окрестных деревенок,
Продукты стыдно уносить.
Престиж велик не из-за денег,
Престиж – как лучше угостить.

А мы, как гости, в самом деле,
В плену минутных перемен,
Неутвердительное еле
Твердим:
– Не надо.
– Я не ем.
Вот пирожки несёт бабуся,
Другая – грузди, огурцы.
– Ты с нами долго не торгуйся!
– Здесь не базарчик, молодцы!
Стакан черёмухи духмяной,
Горшок с топлёным молоком,
И вкус у шанежки румяной,
И – наслаждение кругом.

Бери, довольствуйся деревней,
Всем ароматом – он-то есть!
Не по традиции ли древней
Жила о том людская весть?

Приятно было наслаждаться
Да коротать минуты те
И снова дальше отправляться –
Навстречу солнцу и мечте.

Но время так распорядилось,
Чтоб за мечтой я поспевал,
Тот полустанок – так случилось –
Уже никто не замечал.

Как будто не было в помине
В краю живого уголка,
И суеты людской отныне
Не будет больше на века.

Электровозы мчат без дыма,
Свежо, прохладно у окна.
Стал полустанок нелюдимым,
Стоит избушечка одна.
И сердце жмёт воспоминанье

И радость с грустью пополам:
– Не ждут!
Не ждут! –
Как заклинанье.
Ну разве это надо нам?

И поезда без остановки
Гудок уносят напролёт,
Меня жизни установки,
Затем, что надо мне вперёд.

Наш учитель

Наш учитель в призывах краток,
В сорок пятом вернулся с войны,
На груди его пять заплаток,
На висках – серебро седины.

Сколько правды в рассказах было
И желания оживить
Всех, которых война скосила
И которым в памяти быть.

Но, пройдя по дорогам пыльным,
Где лилась ежедневно кровь,
Не сломился, остался сильным,
Повторял убеждающе вновь:

– Говорите красиво, люди,
Возвышайте себя,
Среди праздников, среди буден,
О погибших честно скорбя.

Пусть ваш путь
Будет лёгок иль труден,
О победах лихих не трубя,
Говорите красиво, люди,
Возвышайте себя!

Воспоминанье

Пришлось нам, искренне поверьте,
В то время всё считать всерьёз –
И номер почты на конверте,
И сколько дней к нам поезд вёз
Ту, пусть не радостную, строчку:
«Уже до Волги отошли...»
И мама теребила мочку,

А мы ей ковш воды несли.
Волненье детское скрывая,
Мы понимали всё без слов.
И ставни рано закрывая,
Со звёздами не ждали снов.
И уходили утром рано:
Мы – в школу, мама – на завод.
Играли только «в партизаны»,
Бесстрашно падая на дот.
Мы знали цену хлебной крошки,
Привыкли суп крапивный есть,
Печь из мороженой картошки
Лепёшки, как деликатес.
Мы знали запах листьев клейких
И в горе преданных друзей,
И –
почему-то –
до копейки
Зарплату матери своей.

Самое сокровенное

Три опасности у меня,
Только три на работе с друзьями.
Высота – это раз,
Напряжение – два,
Три – идут поезда под нами.
Чтобы выдержать ритм перегонов,
Здесь минутам особый счёт.
Покрывают они с разгона
Место, где наша жизнь течёт.
Мы, как птахи, висим на тросах,
Соблюдая притом безопасность,
Ветер бьёт по щекам раскосо,
Нет, не гладит – существенна ярость.
И одно утешение разве –
Напряжение под рукой,
От которого пульс не гаснет
И становится день живой.
И такая особая гордость,
Внешне скрытая здравым терпением,
Умножает в характере твёрдость
При работе под напряжением.
У того, кто на ты с высотой,
Кто, работая, тон задаёт
И делами
рождённых мечтою
Поездам напряженье даёт.

Алла Егорова (Собольникова)

Бийск

Воскресла

Разбилась, упала осколками в кресло,
 Поплыли вокруг этажи.
 Убита была, а наутро воскресла.
 Ведь главная цель – это жить.
 Душа на замке, значит, сердце в порядке.
 Не давят обида и страх.
 Лишь мысли застыли стихами в тетрадке
 И строчки на нужных местах.
 Всю волю в кулак, и хватило бы силы
 Пройти нелюбви рубежи.
 Упала, разбилась, о смерти просила,
 Но разум твердил – будем жить.

Я без тебя

Ветер гулял, стих.
 Сумрак с ума свёл.
 Я без тебя – псих.
 Ты для меня – всё.
 Ночь перешла в день,
 Дождь перестал в ноль.
 Я без тебя – тень.
 Ты для меня – боль.
 Очень прошу, снись,
 Чтобы внутри ток.
 Ты для меня – жизнь.
 Я без тебя кто?

Заболела

Я, наверное, заболела, сошла с ума.
 У меня паранойя, холера, невроз, чума.
 Я, наверное, заблудилась, попала в плен.
 Я упала, теперь никогда
 мне не встать с колен.

Я, наверное, потерялась, забыла цель.
 Мой корабль разбился,
 сломался, попал на мель.
 Я, наверное, не сумела сберечь мечту
 Или выбрала главную роль,
 но совсем не ту.

Я, наверное, ошибалась. Ну что ж – урок.
 Ты не жди, я не буду собачкой
 лежать у ног.
 Я, наверно, уже не хозяйка своим словам.
 Я тебе никогда, никогда ничего не дам –

Ни любви моей, ни заботы, ни тёплых рук.
 Ты теперь мне никто.
 Ты никто, просто бывший друг.
 Ты как будто в тумане
 сказочном Шангри-Ла.
 Я тобой заразилась, болела и умерла.

В твоей рубашке

Лунный фонарик тухнет,
 Гаснут огни-букашки.
 Я у тебя на кухне,
 Греюсь в твоей рубашке.
 Ты за столом напротив.
 Ярко так пахнет кофе.
 Пульсом стучит в аорте
 Голос твой. И твой профиль
 В утренней сонной дымке
 Смотрит в окно беспечно.
 Миг этот, как на снимке,
 Будет храниться вечно.
 Пусть же мой мир не рухнет,
 Пусть по спине мурашки.
 Счастье – на нашей кухне
 Греться в твоей рубашке.

Алёна Иванова

Озёрск

Тополь

О тополях, срубленных в конце августа¹

Откликнись! Хочу посвятить я тебе
Уютную самую осень.
Прольётся по капельке нам в сентябре
В ладони небесная просинь.
Объятий моих золотых теплоту
И тёплое золото солнца
Укутают мягкий туман поутру
И воздух душистый с морозцем.

Приникни ко мне и спокойно усни
Под стоны полночного ветра.
О, благо и боль! Разрешили они
Нам вместе дожить до рассвета.
Не слушай отчаянный шёпот листы
Стеснившихся робко соседей.
Напрасно страшат их осенние сны:
Мы в вечном останемся лете.

Молю, не гляди: там внизу ещё нет
Железного жёлтого зверя.
Какой в высоте изумрудный рассвет!
И солнце плывёт в колыбели...
Не дам подступить им к тебе, не пущу.
Пусть свалят меня – исполина!
От гроз и людей я тебя защищу.
Не бойся, моя тополина!

Ты помнишь, подобно земным облакам,
Клубилась июньская вьюга?
Пушинка-дитя, ты всё так же легка.
Зачем же дрожать от испуга?
Свободны от крепких корней, словно пух,
Мы будем, незримые, вместе.
Падут лишь стволы; но воспрянет их дух,
И мы воспарим – в поднебесье.

А там белоснежный расстелется плащ
И землю утешит, остудит...
Моя золотая царевна, не плачь!
Я рядом. А там – будь что будет...

¹ За окном моей комнаты много лет росли роскошные тополя. Но однажды в августе срубили все до единого дерева – во всей их красе. Последними, самыми дальними, были два тополя: раскидистый исполин и за ним – стройное дерево с пожелтевшей к осени листвой.

Щёки осени зарделись –
Прелесь.
Вдохновенно солнцем облит
Облик.

Нижег воздух вязью тонкой
Звонкость.
Золотисто замерцали
Дали.

В витраже дождя аркаду
Радуг
Вмиг возвёл как будто вправду
Автор.

Щедрый гений дарит счастье
Властью
Музы осени и света
Лета.

Дни блаженны и всечасно
Ясны,
Где для сердца мир подлунный
Юный.

Кицунэ

Боюсь и жду твоей улыбки чистой:
Под лепестками губ – клинки зубов.
Горит закат, застенчиво пунцов,
Как девять огоньков в лесу тенистом.

Иди ко мне по лунному лучу.
Смелей: сидит на привязи собака.
В венке кленовом высветись из мрака,
Свернись клубком и рядом заночуй.

На всё готов я – знаешь ты сама.
Испей и дух, и жизнь, сведи с ума,
В ладонях сердце вновь до боли стисни.

Струится в ясном небе звёздный дождь.
Унять не в силах чувственную дрожь,
Я вспомнил нас обоих в прошлой жизни.

В зеркале сцены

Исповедь персонажа

Звонок. Это сон? Я же умер...
Где свет, фимиам, отголоски?
На сердце тоскливо и томно.
Из тьмы – троекратное «дзинь».
В зудяще-заливистом шуме
Рвёт солнце ночные обноски.
Сияние, звуки... Не помню.
Проснуться – и ласточкой в жизнь.

Да. Цель есть, в ней – суть, к ней – дорога.
Но мнится: победа – химера,
Всё кружит, всё было когда-то.
Упрямый эффект дежавю!
А люди чужие, ей-богу,
Хоть прежни дела и манеры;
В глазах у любимой – агаты,
Не медь благородных гравюр¹.

Среди многоликих знакомых,
Единых в слепом безрассудстве,
Под парусом вышнего рока
Плыву я навстречу судьбе.

Но где-то иные законы.
Не рок и расчёт. Бездна чувства.
Я верю: во тьме поволока
Таит двух вселенных рубеж.

С мольбой о намёке, о знаке
Гляжу, не дерзнув шевелиться,
В глубины небесных течений
Сквозь факелы звёздных костров.
Клянусь, проступают во мраке
Безмолвные строгие лица!
Свидетели наших мучений,
Вы ангелы, стражи миров?

Разгадка близка. Умираю.
Был путь мой тернист и ущелист.
Всё меркнет. А жизнь воровато
Сама вытирает клинок.
О диво! Сияние рая!
Вдали то ли плеск, то ли шелест...
Ладоней. Святых? Ароматы,
Цветы. Безмятежность... Звонок.

¹ Изменение цвета глаз возлюбленной персонажа с карего на чёрный и прочие странности объясняются тем, что на самом деле это не реальная жизнь, а спектакль; одни и те же роли играют разные актёры.

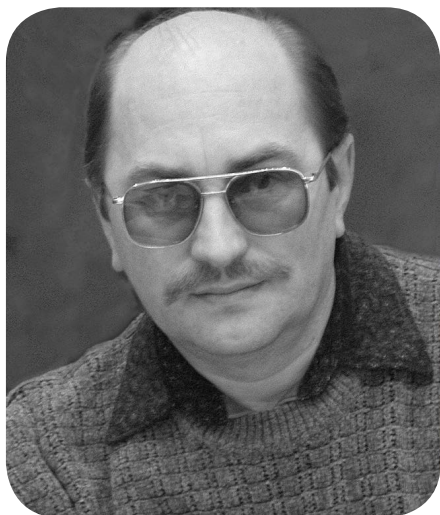
Радуга дорог

Рассветов юных радостная синь
Волной – в окно. Оставь же разговоры,
В котомку хлеб да храбрость наспех кинь.
Вперёд – где фиолетовые горы.

Там ждёт любимых глаз голубизна
На зелени взъерошенного луга.
А дальше – золотая рябизна
Монет, побед, колец и сердца друга.

А там, вдали, – где рыжие леса,
Усталость и в котомке томик знаний –
Ждёт радуга – дорога в небеса,
Впитавшая цвета воспоминаний.

Вперёд – где новых зорь таит румянец
Закатов древних траурный багрянец.

Сергей Калабухин

Коломна

Разрыв

«Не люблю! – упало
 Камнем мне на грудь. –
 Было и пропало,
 Плюнь и позабуди!»
 Я лежу придавлен,
 Не могу вздохнуть.
 Прозвучало главное –
 Счастья не вернуть.
 Встала и оделась,
 Бросила ключи.
 «Хватит, натерпелась!
 Новую ищи.
 Всё, ревнуй другую,
 За другой следи.
 Нарисуй нагую.
 Верность не блюди».
 Помню, как шёл следом,
 Как молил простить.
 Снег окутал пледом
 Ветви и кусты.
 Не взглянула даже,
 Юркнула в такси.
 Не было мне гаже.
 Боже, пронеси!..
 Побреду туда я,
 Где тепло, уют,
 Бьётся жизнь чужая,
 Пляшут и поют.
 Где звенят бокалы,

Пенится вино.
 Где я буду пьяным,
 Как не был давно...

Стена

Вино любви мы пили на троих.
 Твой муж любил тебя, а ты – меня.
 Познав тебя, я позабыл других,
 Порвал все связи, прошлое кляня.
 Ты замужем была, я опоздал:
 Не разрушать же дружный ваш очаг.
 Уверен, муж твой вряд ли бы отдал
 Тебя без боя мне – себе не враг!
 Начать борьбу за счастье я не смог:
 У вас же дети, я для них – беда.
 Лишить детей отца? Помилуй, Бог!
 И ты, и я решили: никогда!
 И слёзы их – фундамент той стены,
 Что я воздвиг меж мною и тобой.
 А наши чувства похоронены?
 Не знаю, как твои, мои – со мной...

Страсть ушла...

Любовная лодка разбилась о быт
В.В. Маяковский

Любовь была, пылала страсть.
 Куда же всё ушло?
 Стена меж нами вознеслась,
 Разрушив чувств тепло.
 Причина в чём? Откуда лёд,
 Что чувства охладил?
 Я вёл себя, как идиот,
 Когда тебя винил.
 Работа, быт – они виной?
 Едва ли, ерунда!
 Ведь раньше не был быт стеной,
 Работа – иногда.
 И всё же страсть угасла вдруг.
 Другие манят взор.
 И ты теперь всего лишь друг,
 Советник и партнёр.
 С чего же, как и почему
 Возникла та стена?
 С каких «камней», я не пойму,
 Построилась она?

Наталья Кудряшова

**Улан-Удэ,
Республика Бурятия**

Запомни меня

Запомни меня такой:
Красивой, весёлой, нежной.
И даже рядом с другой
Меня вспоминай небрежно.

Запомни улыбку губ
И нежность моих ладоней.
Ты был мне больше, чем друг...
Да, видимо, так и не понял.

Запомни большие глаза
И волосы цвета осени.
Я знаю, ты вспомнишь не раз
Как в страсть с головой мы бросились.

Мой образ в сердце храни.
Пусть он согревает память,
Когда ты будешь в тени
Или душу чем-нибудь ранишь.

Запомни меня такой:
Девчонкой искренней, нежной,
С сердцем, полным любви,
С душою, полной надежды.

Романс

Мне через день исполнится... сентябрь.
Лишь тронет сердце изморозью тонкой,
И губ моих невольная печаль
Омоется листвой и ливнем звонким.

Печаль моя уйдёт в густой туман,
Остудят кровь осенние морозы.
И ярких листьев буйный караван
Смахнёт с души непролитые слёзы.

Уйдет тоска гулять по мостовым,
Оставив вместо слёз воспоминания.
И нежный шёпот высохшей листвы
Уже не будет сердцу наказанием.

Тогда лишь ждать. И верить, что сентябрь
Украсит душу вечным жёлто-красным.
Я перестану ждать тебя. Хотя...
Уж не один сентябрь старается напрасно.

Такая тонкая и нежная грусть...
Будто крылья... или, может быть, груз.
Рюкзак за спиной твоей –
Это жизни твоих детей.

Только глядя на них, видишь жизнь:
Хочешь – смейся, хочешь – кружись!
И целуй эти щёчки нежные,
Смотри на сон безмятежный.

Вот это – жизнь. Всё, что до них, не то...
Да и ты, знаешь, тоже не тот.
Ты не жил, ты просто по жизни шёл,
Что-то терял, что-то, может быть,
даже нашёл.

Но только им сила такая дана
Раскрыть и увидеть тебя всего. До дна.
Научить тебя танцевать, петь, любить.
Научить тебя... жить.

Алексей Кухарев

Челябинск

Беркут

Поэма

Веков прошедших былъ седая,
 Страница солнечных степей.
 Давно... Чингиза и Батыя
 Земля ещё не обрела,
 Ещё набегι роковые
 Казахам жизнь не принесла.
 Ещё в минувшее бежали,
 Века, как тихая вода,
 И их все люди забывали
 Легко и быстро. Вот тогда
 Жил хан, завистливый и жадный,
 В утехах славы он искал
 И жизнью, мелочной и праздной,
 Дела державы разменял.
 Любил сей хан коней из бури,
 Гарем он свой боготворил,
 Но больше чар неверных гурий
 Охоту с беркутом любил.
 И по степи ковыльной белой
 Любил он мчаться на коне,
 Следя за беркутом умелым,
 Что плыл над ним легко и смело,
 Таясь в лазурной глубине,
 И камнем падал на лисицу,
 Красу степную, огневицу,
 И хан безмерно ликовал

И руки вверх свои взметал.
 Вокруг него теснились баи,
 И речи льстивые велись,
 По нравам их шакальей стаи
 Интриги тайные плелись.
 Охоту как-то обсуждая,
 Один из нукеров сказал:
 «Слух был, есть птица боевая,
 За Акмалой, в ковыльном крае,
 Где беркут царственный летал,
 И брал лису и волка он,
 Как будто джинном порождён.
 Его хозяин, старец гордый,
 Почтенный видный аксакал,
 Он много в жизни повидал,
 И сам как беркут непокорный.
 Пасёт в степи своих овец,
 А на охоте словно жрец.
 И дочь есть также у него,
 Как говорят, краса такая,
 Его любимица родная,
 Среди дев как будто неземная,
 Её нет краше никого.
 Она отца сопровождает
 В его охоте на коне,
 Своей отвагой удивляет,
 Джигитам слабость не прощает,
 Сльвёт батыркою вполне.
 Непросто к ней и подступиться,
 Уж слишком гордая девица.
 Звонкоголосая певунья,
 Всех увлекает, как колдунья,
 Альжан зовётся, любит смех
 И в скачках бешеных утех».

И поползла молва и дале,
 Дошёл до хана этот слух,
 И взвился в жарком он запале:
 «Какой-то раб мой, мой пастух
 Имеет то, что нет у хана,
 Найти нам этого смутьяна,
 За месяц чтоб его сыскать,
 И нам в охоте показать!»
 Визирь смутился, свита тоже,

Срок для степи был небольшой,
 Быть может, им Аллах поможет
 С задачей сладить непростой.
 Загоны нукеров пустились
 Того охотника искать,
 И в срок ли воля хана сбылась,
 Я не могу о том сказать,
 Но найден был старик умелый
 С бедовой дочкой и с орлом,
 И вдруг, оторванный от дела,
 Доставлен с бранью и со злом
 Пред ханом чуть не кувырком.
 И хан промолвил: «Мы слышали,
 Что беркут твой всю степь дивит,
 Когда, над нею пролетая
 И живность с неба замечая,
 Её как молния разит.
 И будто беркут твой с налёта
 Берёт и волка иногда,
 Знай, воля ханская тверда,
 Покажешь в нашей ты охоте,
 На что способен твой орёл,
 За что он славу приобрёл.
 Не знаем мы, что здесь легенда,
 Но только мы хотим узреть,
 Такой ли беркут твой победный,
 Чтоб наше сердце обогреть».
 И что старик? Старик согласен.
 С царями, ханами не спорят,
 Поскольку спор такой опасен
 И не всегда к добру приводит.
 Старик не прочь и погордиться
 Пред ханом беркутом своим,
 Мы тоже можем подивиться,
 Борьбою дикой насладиться,
 И за охотой проследим.

Во всех есть прелесть временах,
 Во всех есть радость и отрада,
 За труд и храбрость есть награда –
 Находок творчества улада –
 Талант всегда в своих правах.
 И мудрый, праведный старик,
 Взрастив талантливую птицу,
 Найдя в ней гордости границы,
 В характер беркута проник.
 Был грозен беркут, страх не зная,

На волка падал он стрелой,
 И был, как молния живая,
 Когда с хозяином весной
 Они охоту начинали
 И степь цветную объезжали,
 И вольность, вольность в жизни их
 Была отрадою для них.
 Орлы, орлы... Они питомцы,
 Высоких гор, живых степей,
 Они летают близко к солнцу,
 Где воздух чище и светлей.
 И беркут грозный цепко зрит
 Зверьков движенья на земле,
 Что вышли нежиться в тепле
 Из нор глубоких. Он парит,
 Добычей мелкой не прельщаясь,
 И ищет зайца иль лису,
 Чтоб их сразить не ошибаясь –
 Судьба! И я их не спасу.
 Орлам могучим страх неведом,
 В броске с небесной высоты,
 Лишь крыльев свист и нету следа,
 За ними радость и победа
 И гордость дикой красоты.

Не мы придумали любовь,
 Она была всегда в природе,
 Она не сказка и не новь,
 И беркут, преданный свободе,
 На всё смотрящий свысока,
 Любил, однако, старика
 Или привязан был. Не знаем,
 Но дух людей мы созерцаем
 В своих питомцах иногда,
 И нет от этого вреда.
 Казахам мил их край родной,
 Степей цветных его бескрайность,
 Их далее сизую туманность
 Не обзрит орёл степной.
 На юге – горы, север – степь,
 Ещё не паханная крепь.
 Громадны плоские равнины,
 Где сплошь звенит седой ковыль,
 И эти скромные картины
 Расскажут дальше нашу быль.
 Занятны ханские утехы,
 Борьба батыров, козлодранье,

Там людям нравятся потехи,
 Где много юмора и смеха
 И зрелищ разных созерцанье.
 И вот охота! Аксакал
 Вблизи от хана, в свите ханской,
 И он с сомнением и с опаской,
 Их роскошь молча созерцал.
 Они друг друга удивляли
 Богатой росписью одежд
 И зависть тайно разжигали
 В своих сердцах, сердцах невежд.
 И к повелителя ногам
 Им всем хотелось ближе быть,
 Внимать премудрейшим речам
 И чем-то хану угодить.

И волк мелькнул в степи ковыльной...
 Сердца забились. Крик, азарт!
 К добыче злой и непосильной
 Другие беркуты летят.
 Старик неспешно колпачок
 С головки беркута снимает,
 И, как заученный урок,
 С руки его тот вверх взмывает,
 И в небо прынул, закружил,
 И ввысь кругами он поплыл.
 Вся свита шумно вместе с ханом
 За грозным беркутом следит,
 И скачут степью, по курганам,
 По рощам мелким, по бурьянам,
 Полёт орла они хотят
 Из виду все не упустить,
 Добычу хану подхватить.
 Уж еле-еле беркут виден,
 Коня торопит наш старик,
 Он сам к спокойствию привык,
 И шум и гам ему не слышен.
 Но беркут знает свой маневр
 И вот уже на волка мчится,
 Рисуя жизненный пример –
 Вот волк под ним силён и сер,
 В жестокой битве с визгом злится.
 Вот снова вверх орёл взлетает,
 И снова падает он вниз,
 Он волка яростно терзает,
 И в схватке беркут побеждает,
 Он в битве стоек, как ирбис.

И аксакала перед очи
 Наш хан восторженно зовёт,
 Его сейчас мы не порочим –
 Теперь азартом он живёт.
 «Возьми табун коней ретивых,
 Другой и третий получай,
 Возьми и гурий ты красивых,
 А нам ты беркута отдай.
 Он сердце так утешил наше,
 Отвагой дивной подивил,
 Твой беркут – джинн, его нет краше,
 Твою я птицу возлюбил.
 Я дочь твою в гарем возьму,
 Женою первой она станет,
 Тебя я в стражники приму,
 Знай, слово хана не обманет».
 Но горд ответ был старика,
 И даже больше – свысока.
 «Нет, хан, мой беркут без цены,
 Гарем твой дочери не нужен,
 В своей степи с людьми я дружен,
 И мне они, как я, верны.
 В степи я рос, в степи я жил,
 Всегда на воле, на свободе,
 И дочь свою я там растил,
 На солнце, ветре, на природе.
 Похвальна, хан, мне честь твоя,
 Но беркут мой есть жизнь моя».
 Хан мрачно губу закусил,
 На старца глянул, глянул снова,
 «Добро», – подумал он сурово,
 И мысль он злую затаил.

Невесел хан. Ему уж снятся
 Полёты беркута везде,
 Желанья страстные теснятся,
 А страсть всегда ведёт к беде.
 Скорбит он, мыслью отягчённый,
 И совесть в нём давно мертва,
 Хан мочит стрелы в злобе чёрной,
 Звенит в напряге тетива.
 Убить втихую аксакала,
 Так хан решил, чтоб птицу взять,
 Душа его уже молчала,
 И он не ищет в ней устало

Причин, чтоб совесть оправдать.
 И как разбойник он крадётся,
 Находит тайно старика –
 Увы, в нём ум не содрогнётся,
 Не дрогнет ханская рука.
 Хан лук свой тихо напрягает,
 Желанье слаще, чем гарем,
 Он словно заговор читает,
 И губы шепчут между тем:
 – Лети стрела, звени в полёте,
 И жертву молча ты пронзай,
 Дождался я своей охоты –
 Моё желанье исполняй!
 И пал старик, душа простая,
 В степи безгласен он лежит,
 И кто ж, убийце воздавая,
 Теперь за старца отомстит?

Исполнив скрытно злое дело,
 Спешит хан беркута забрать,
 Но тот на хана мчится смело –
 Сумей с ним, грешник, совладать!
 Вот беркут с силою наносит
 Убийце первый свой удар,
 И в душу хана дерзко вносит
 Он страха жуткого пожар.
 Хан мчит скорей, коня терзает,
 И страх растёт в душе пустой,
 А беркут снова ударяет
 Его со злобой роковой.
 Вот где возмездие Аллаха!
 Он в страшной ярости теперь,
 А хан в сетях судьбы и страха
 Уже не воин, как не мерь.
 Орёл, то клювом, то когтями,
 Терзает хана, жертву зла,
 Удар, удар, удар крылами
 И вышиб хана из седла.

А баи ищут падишаха,
 Где он, владыка их родной?
 Он может их послать на плаху,
 Он их Аллах, он Бог земной.
 И дальше ищут они хана,
 И каждый мысль свою таит,
 Чем этот поиск им грозит?

И вот в бурьяне, у кургана,
 Им вдруг открылся страшный вид.
 И свита вздрогнула от вскрика,
 И ужас вмиг по ней прошёл –
 На их поверженном владыке
 Сидел разгневанный орёл!
 Глаза его огонь метали,
 А грозный клёкот ликовал,
 И он, могучий и надменный,
 Вцепившись хваткою железной,
 С презреньем жертву озирает.

Не вы, правители, не вы,
 В себе вместили справедливость,
 Она в вас горько проявилась
 Лишь в роли нищенки-вдовы.
 Вы все в нас видите рабов,
 Рабов безмолвных, безответных,
 К вам нет от нас роднящих слов,
 Слов чистых, праведных, заветных.
 Они бесплодные для вас,
 У вас на всё иная мера,
 И молкнет наш народный глас,
 Уж с давних пор в ничто не веря.
 С издёвкой гордою в душе
 Вы зрите в нас, толпу баранов,
 Гордыня ваша колоссально
 Нас разделила на меже.
 Что за межа, что за граница,
 Стоит меж нами с древних лет?
 И справедливость, как вдовица,
 Ждёт от правителей ответ.

А где-то в далях Казахстана
 Альжан охотилась с орлом.
 С ней был джигит.
 Молва пространна,
 И прихотлива, и туманна
 За ними шествует тайком.

Катится время – мера злая,
 Всё превращая в тлен и в пыль,
 Звенит, звенит седой ковыль
 И, к прошлой жизни возвращая,
 Расскажет вам другую быль.

Валерий Лепов

Якутск

Быть виноватым без вины.
 Лжецом прослыть от слова правды.
 Стать мертвецом живым больным,
 И православным святотатцем.
 Не спать, но часто видеть сны.
 Всегда счастливым оставаться.
 Носить исчезнувшей страны
 Погоны, звание и паспорт.
 Любить разбитыми костями.
 Молчащим звуком наслаждаться,
 И слушать музыку одних,
 Но навсегда почивших граций.

за мной мои учителя
 они учились у меня
 я до сих пор у них учусь
 за мной сожжённая земля
 она терзает плоть мою
 и вызывает в сердце грусть
 но ею всё равно горжусь
 живу как в свой последний день
 на миг я не остановлюсь
 чтоб на дороге первым быть
 за мной мои ученики
 мои коллеги и друзья
 они поют как ручейки
 когда ко мне придёт закат

зажгут рассветную свечу
 рассеять мглу хотя б на час
 и указать тернистый путь
 на север крайний где река
 и широка и глубока
 и омывает холод грудь
 где небо светится пока
 за мной мои учителя
 они уйдут и я не зря

Мир не меняется.
 То бег, то тишина.
 То суета, то тяжесть размышлений.
 То холод, то тепло.
 Часы для сна. И время
 для работы и свершений.
 А чувства собираются в стихи
 И обретают собственное имя, -
 То крикнут птицей
 в городе глухих,
 То каплю мёда
 в бочку дёгтя кинут.
 Всё установится.
 Пора любви придёт,
 И мудрым
 подчинится сердце мира,
 Поднимет солнце
 в синий небосвод,
 И зашумит природой,
 сердцу милой.

Когда откроешься, не знаю.
 Когда смогу приехать, тоже.
 Но я приду к тебе однажды,
 Чтоб целовать узоры кожи.
 Чтобы узреть твои красоты,
 И насладиться пеньем нежным,
 В озёра глаз твоих, в высоты
 Смотреться персей белоснежных.
 Чтобы войти в твои пещеры,
 Где тайны древние сокрыты,
 И где из влаги эфемерной
 Растут по капле сталактиты.

Александр Норенков Дзержинск

Первый рассвет

В груди тревожно сердце бьётся,
Наружу просится оно.
Тепло по телу тихо льётся,
С тобою быть мне суждено.
Возьму я в руки нежный локон,
Сверну в кольцо, прижму к губам.
Пусть блещут стёкла сонных окон,
Пусть дарят свет надежды нам.

А вдалеке зарницы блещут,
Идут дожди, метут снега.
Тебя я точно скоро встречу,
Срастутся наши берега.
Мы горизонт порвём и встретим
Наш первый радужный рассвет.
Потом гордиться будем этим,
Нас обвенчает утра свет.

Помчит нас тройка удалая
На край земли, на край судьбы.
Ты будешь вечно молодая,
Желанной вечно будешь ты.
Возьму я в руки нежный локон;
В твои глаза, слезясь, взгляну.
Пусть блещут стёкла сонных окон.
Готов я быть в твоём плену.

А вдалеке зарницы блещут,
Идут дожди, метут снега.
Тебя я точно скоро встречу,
Срастутся наши берега.
Пусть будет утро, будет вечер.
Пусть будут небо и земля.
Зажжём с тобою в доме свечи,
Тебя собой согрею я.

Скитник

Мороз кусался. Ветер жгучий
Хлестал беднягу по щекам.
А он стоял, как дуб могучий.
Молился. Вьюга по кустам

Шныряла злобною волчицей,
Заснул в трущобе мрачный скит¹.
Немая ночь седой царицей
Взошла на трон. Огонь горит

Лишь только в маленьком окошке,
Глокает вьюгу тёмный лес.
Между деревьев, на опушке
Стоит старик. Буран залез

На крышу и под угол дома,
Отшельник тихо сжал уста.
В одной руке его – икона.
Вверху другая. Два перста

Взметнулись в небо: «Где ты, правда?» –
Суровый старец спросил. –
«Что сделать, боже правый, надо,
Чтоб нас ты грешных всех простил?»

Мороз бродил по склонам лога,
В избе едва мерцал огонь;
Жизнь проклиная, у порога
Дрожал костлявый жалкий конь.

Вернулся в дом усталый старец;
Взглянул, крестясь, на образа.
До боли сжал замёрзший палец,
В усах оттаяла слеза.

¹ Скит – уединённое жилище отшельника.

Крым

Прекрасен Крым! Он бесподобен
В своём величии живом.
Он, как корабль в пути, свободен;
Он не жалеет о былом.

Его берега тайком ласкает
Морских судов лукавый дым;
Их взглядом добрым провожает,
Даря улыбку, дивный Крым.

Им долго можно любоваться,
Присев на каменный утёс;
Игривым морем наслаждаться
До дрожи в мускулах, до слёз.

«Скажу я так: не говорите
Мне нынче, люди, ничего;
А коль усну, то разбудите,
Я вновь вдохну закат его».

Прекрасен Крым! Он вдохновляет
На песнь о вечности небес,
Надежду в лучшее вселяет,
Зовёт войти в страну чудес.

«Возьми, мой Крым, меня на службу;
Возьми, прошу тебя, я твой;
Иль согласишься, о Крым, на дружбу.
Я восхищён, мой Крым, тобой!»

Дорога домой

Поспешно годы улетают,
Пестря изысканностью дней.
В сей суматохе время тает...
Вернутся хочется скорей

К родному ласковому дому,
К скрипучему в жару мосту.
Потрогать хочется ладонью
Берёзки стройной бересту.

Прохладой свежей манят сени,
Зовут в свой сложный лабиринт.

В них прячутся от света тени,
Скрипит какой-то ржавый винт.

Увидеть хочется всё это,
Обнять заждавшуюся мать.
Зимою снежной, знойным летом
Ей, как и раньше помогать.

Пусть будет лёгкою дорога!
Иду к тебе, родимый дом.
Приятен будет скрип порога,
Вновь хорошо мне будет в нём.

Другу

Два года прошло и мы снова в пути,
Нас небо с улыбкой зовёт.
Короче дороги к мечте не найти.
Пусть будет счастливым полёт!

Остались внизу беспокойство и грусть,
В пространстве рассеялся страх.
Пусть ум отдохнёт, успокоится! Пусть!
Ему хорошо в небесах.

Тугие перины седых облаков
Плывут за покатым бортом.
Им дарит вселенная ангельский кров;
Она им и мать, и дом.

О, друг мой, прости! Я лечу далеко,
А ты бездыханный лежишь.
Мне скорбь и волнение унять нелегко.
Я знаю, меня ты простишь.

Тебя не забуду, мой друг, никогда;
Ты жил нараспев, широко.
Улыбку твою буду помнить всегда,
Ты жизнь не стрелял в молоко.

Два года прошло и мы снова в пути,
Нас небо с улыбкой зовёт.
Мой друг, виноват я сегодня. Прости!
Не радостен нынче мне взлёт.

Александр Осин

Самара

Как мало значат...

Весенний дождь омыл зелёную листву
И свежестью наполнил всю округу.
Я солнечных лучей букет сорву,
И он в душе моей развеет скуку.

Сверкает бриллиантами трава,
Я пробегусь босым по изумрудам.
Как мало значат в этот миг слова,
Когда соприкоснёшься сердцем с чудом...

Люди, как и прежде...

Колесо сансары повернулось,
Перемалывая в жерновах века.
Ничего почти не изменилось
В сути человеческой пока.

Люди, как и прежде, верят в чудо,
Согрешают делом и в словах.
Но святое тоже им не чуждо,
Видно, их природа такова...

Молох

А жизнь нас бьёт то как тяжёлый молот,
То хлопает легонько по плечу.
И не глядит, что стар ты или молод,
Не объяснив, зачем и почему.

Мгновения сгорают точно порох.
Они приносят радость и беду.
Вращает жернова кровавый молох,
Кому в эдем, кому гореть в аду...

Даже если шансов вовсе нет...

Я куплю на самолёт билет,
И отправлюсь в дальние края.
В детстве я мечтал попасть в Тибет,
Там напьюсь из горного ручья.

Или же возьму велосипед,
И, давя педали не спеша,
Я на нём объеду белый свет,
Важно только сделать первый шаг.

А когда начнёт совсем темнеть,
Я накину старый добрый плед
И в гостях побуду у планет.
Даже если шансов вовсе нет...

Я люблю русское поле

Я люблю русское поле,
В нём свобода гуляет и ветер.
Каждый сам выбирать волен,
Что всего дороже на свете.

Я люблю раннюю осень,
Когда в поле колышутся нивы.
Лес стоит простоволосый,
А в садах созревают сливы.

Я люблю синее море,
Ночью в нём отражаются звёзды,
Тонут в нём алые зори,
Пахнет солью и солнцем воздух...

Ода царю Соломону

Историю двигают славные люди,
Таким, безусловно, и был Соломон.
И я расскажу вам без долгих прелюдий
Всю правду легко о царе всех времён.

Давида жил сын в Иудее далёкой,
Ценил справедливость и знаний зерно,
В делах государства искусным был докой,
Пил власти своей, не пьянея, вино.

Считали его в подозрениях подспудных
Всезнающим магом и колдуном,
А он жил во снах и видениях чудных
И мудрости в притчах высказывал он.

Природу он чувствовал зрением тонким,
Язык понимая и птиц, и зверей.
Он много оставил посланий потомкам
И много трудился, вставал на заре.

Он слыл средь живущих честнейшим из судей
И сеял по ветру одно лишь добро.
Дорогой прямой он шагал через будни,
Порой пробираясь где вплавь, а где вброд.

Он плыл по течению Леты недолго,
И был, несомненно, в кого-то влюблён.
Он видел в делах, чем в словах, больше толка,
И царствовал просто и праведно он...

Кто я в этом мире...

Кто я в этом мире и зачем?
Я в широком поле просто путник.
И любуюсь лепестками хризантем,
Я стою у камня на распутье.

Пролетают вереницами года,
Жизнь берёт своё, но дух мой молод.
Силы придаёт мне талая вода,
Бьёт о наковальню тяжкий молот.

Мне не нужно золотых дирхем,
Воля и свобода мне дороже.
Соловей на ветке – мой тотем,
Ложь и злобу чувствую я кожей.

Я плутаю, незамеченный никем,
В поисках божественного слова,
Чтобы, красками нарисовав эдем,
Умереть и возродиться снова...

День крещения Руси

Сегодня день крещения Руси.
Колокола пронзительно поют.
И я читаю вслух: «...иже еси...»,
Чтоб спокойно жилось людям тут.

Велик и многогранен этот мир,
У христианства в нём особая стезя.
Оно душе в пути ориентир,
Когда душа горит и страждет вся...

Гений

Эпоха сменяла эпоху,
Но он не менял убеждений.
По-честному, жил он неплохо,
Простой и обычный гений.

Вставал, как обычно, рано
И шёл на свою работу.
А ночью зализывал раны
И в рифму записывал что-то...

Он пишет краткий некролог

Чем сильнее тьма,
Тем ярче светит молния.
И слово в тишине –
Раскаты грома.

Дождя незванный монолог
Крадётся прямо в душу.
Бегут прохожие, а Бог
Босой бредёт по лужам.

Он пишет краткий некролог
Событиям ничтожным,
И в этой сводке новостей
Мелькнём мы с вами тоже...

Муза

Непредсказуемый характер;
Приходит вдруг, когда не ждёшь.
И как искусный архитектор
Рисует на листочке дождь.

А иногда, обычно ночью,
На звёзды глядя из окна,
Её встречаешь, и воочью
Ты видишь, как она больна...

И я сам себе был апостол...

Заблудился я в поисках рая,
Потерялись ключи от дёри.
Если путь начинался в мае,
То сейчас я уже не уверен.

Я брожу по родному краю,
А вокруг меня дивная осень.
Свет фонтанами Бахчисарая,
Лес в гирляндах, простоволосый.

Моя память ведёт меня в лето.
В нём всё было легко и просто.
Я на всё находил ответы,
И я сам себе был апостол...

А за далью новые дали,
Полыхает огнём горизонт.
Не все крепости в мире пали,
И я снова иду как на фронт...

Белая сирень

Мы вырастаем и не верим в домовых,
И нас гнетут житейские дела.
И мы, запутавшись в проблемах мировых,
Уже не помним, как сирень цвела.

Её мы в детстве обрывали лепестки
И ветер уносил их в небеса.
Как та сирень, белы уже виски,
Но я всё так же верю в чудеса...

Веет ветер задумчивой грустью...

Веет ветер задумчивой грустью,
Раздувает осенний пожар,
И деревьям из захолустья
Золотых не жалеет тиар.

Отзывается прошлое хрустом
Облетевших забот и идей.
Помнить прошлое – тоже искусство,
Каждый миг, каждый час, каждый день.

Я горжусь своей маленькой Русью,
Поселившейся в сердце моём,
Без неё одиноко и пусто,
И так радостно с нею вдвоём...

В безмолвном сиянии света...

Летят вереницей года
Навстречу течению Леты,
И плещет живая вода
В безмолвном сиянии света.

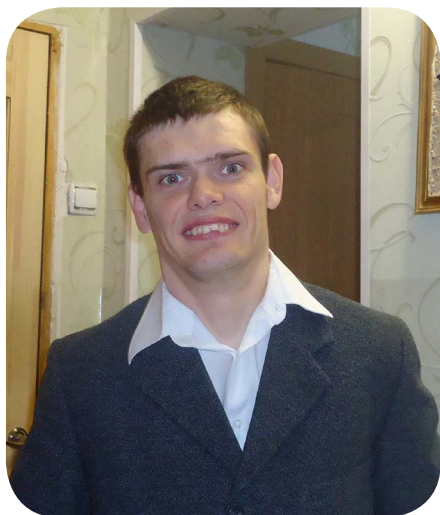
Галактики новых миров
Рождаются и умирают,
А мы на одном из пиров
Проводим торжественный раут.

Как быстро кончается он,
Как будто сгоревшее лето,
И вот уж другой пантеон
Стремится принять эстафету...

Тихая звёздная ночь...

Тихая звёздная ночь.
Светит во мраке луна.
Малой Медведицы ковш
Тихо качает волна.

Брезжит рассвет вдалеке,
В путь собирается день.
Лучше входить налегке
В тайную жизнь ойкумен...

Максим Прокофьев

Азов

Причал

Вспомню ночь у звёздного причала,
Лунную дорожку, и опять
Жизнь свою пришлось начать сначала,
Но теперь мудрее в жизни стать.

Господи, исправь мои ошибки!
Согрешил – прошу, не осуди,
Счастье оказалось очень зыбким,
Замерзаю в ледяной ночи.

В этом мире грязи и порока
Так хочу подняться в облака,
У судьбы отмеренные сроки,
Я прошу, Господь, прости меня!

Снег опять за окнами кружится,
Посмотрю с надеждой в небеса,
Вспомню запах ладана, душицы,
Потечёт из глаз моих слеза.

Может, не такой, как те, другие,
Не умею в лести, хамстве жить,
Чувства настоящие – святые,
Для меня всегда надёжный щит.

Осенние вариации

Холодный град над мокрою листвою,
Злой ветер рвёт фонарные столбы...
Напрасно спорил со своей судьбою
И тщетно в ней искал следы любви.

Дождём их смыло утром на рассвете.
Я под зонтом безмолвия иду,
А мимо в юность пробегают дети,
Рассветную нарушив тишину.

Плаксивый дождь размочит краски лета,
Наденет парк багряный свой колпак,
И спрячется в осенние рассветы
Любимый, несравненный мой Азак.

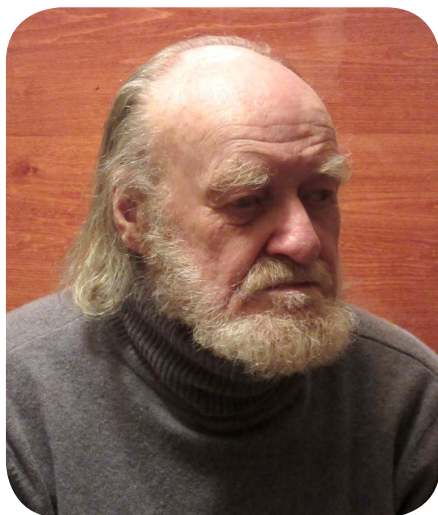
Покаяние

Я покаюсь за то, что содеял,
Мне не важно, поймёте ли вы!
По-щенячьи скулил, не был зверем,
Верил в счастье, мечтал о любви.

Не гонялся порой за деньгою,
Не глумился над тупостью масс.
Болен очень, но спорил с судьбою,
Всё мечталось – хоть в этот-то раз...

Быть хотел просто понят толпою,
Задышался совсем без любви,
Я грехи свои Богу открою
И покаюсь: «Господь мой, прости»...

Лев Пряхин

Нижний Новгород

ДРУГ БАЕТ: «НЕ ЕРШИСЬ: ЗИМА ЛЮБАЯ – ЖИЗНЬ»

Баламутным лицам Надобно напиться

Убежала осень
В старых башмаках.
Валенки разносит
Зимний кавардак.
Как ему усвоить
Кучу разных тем?
В части... Если воет
Ветер – плохо всем:
Людам, кошкам, птицам:
Се для них не шутка,
Ежели не спится
Вопреки желудку.

Зимний день примчится скоро... Зреют наглые миноры

Зима всё ближе, ближе...
Осенний беспредел:

Его дождями движет
Холодных утр удел.
А вслед метелью дивной
Засыплет землю снег.
Чтоб наш теплолюбивый
Нос вылезти посмел.
Но это лишь до бучи:
А вслед за ней – мороз!
Причём совсем трескучий:
А значит, он всерьёз.
Спасайся кто как может!
Невроз! Психоз! Вопрос:
Как бы из тёплой кожи
Сбежать нам не пришлось?
...Но где оно, раздолье?
Хотя б на дне ведра.
Всё только на здоровье.
Не думай, чтоб с утра.
Жара? Мороз? Что хуже?!
Всё лучше, чем хандра!
Душою занедужил?!
Когда? Позавчера?
Тогда зима и лето,
И осень, и весна
На се наложат вето,
Чтоб не пришла хана.
Что рядом, всё целебно...
А ежели давно
Зима, весна и лето,
И осень – всё равно.
Тогда кончай собачить
Свой быт и бытиё.
Серьёзно всё... Иначе
Твоё житьё – хламьё.
И никакое время –
Ни холод, ни жара –
Тебе отнюдь не стремя
Ни с ночи, ни с утра.
Ни в вёдро, ни в морозы...
Так что кончай хандрить.
Ведь вместо жизни грёзы
Твой облик будут вить.
Плохо лишь в такую пору,
Когда жизнь не шпарит в гору.

Наведём ли тень Мы на ясный день?

Жизнь не что иное как целенаправленность.
Только ею оправдаться можно
За ошибки, где несостоятельность
Не причина хитрости дотошной.
Честность! Только ею мир не погибает.
Мир, одетый в сапиенс разумный
Там, где мысль надеждой созревает
И находит путь не конъюнктурный.
Что бывает редко: не по дури.
Правило? Тут всё наоборот.
Здесь не обойтись без «увертюры»,
Без её непознанных щедрот.
Ибо смысл – отменно сдобрить почву,
Чтобы не слететь в тартарары.
Делу таковому не шажочек,
Как идёт при «правилах игры».
Надо суть создать и укрепить
Все её опоры и запоры.
И меж ними нити проложить
Те, что связям создают дозоры.
Только после жизнь включает ритм,
Целеустремлённый и безгрешный.
И дальнейший путь уже торит
По любым опасностям успешно.
И тогда ликуй, простой народ!
...А за ним банкуй, народ умелый!
Лишь тогда. Не то? Наоборот:
Общество становится созрелым.
И ему что чёрт, что демократ.
Даже либерал ему по вкусу.
Всякий типус в нём свободе рад:
Этакому стельному союзу.
Не беда, что в нём царит хаос.
Горе в том, что есть в нём «запевалы»
Сплошь такие, что с них гладок спрос.
На «местах» все. Профессионалы.
Так что к ним народам не пристать.
Не разбавить их великий гонор.
Ибо в них особенная статья:
С ней у них любой выходит номер.
Но когда? Естественно, тогда,
Когда без молитв живут народы.
Значит, их привычная среда
Равновесна мусоропроводам.
Кое-что присутствует для них

У владельцев необъятной силы.
Чтобы те могли из шутовских
Дребеденей учинять настилы
Для «простых» людей, не усыплённых
«Верой» в либеральный пантеон,
Счастьем безнадёжным окроплённый
Вместе с людом верным без препон.
Посему обязанным купиться
На определённых типов тон.
Важно выступают вереницы
«Гениев», которых чтит притон.
А народы что при том при сём?
Чем размах притонов многогранней,
Тем в народах крепче связь с ПЛЕТНЁМ:
Непоколебимей, первозданней.
Всё возможно! Хоть не меркнет вздорность.
Но ей цельных не перемудрить!
В человечестве жива СОБОРНСТЬ:
Мир ничем иным не пробудить.

Будь всегда категоричен, Если не нашёл отмычек

Что такое неволя?
Это необходимость
Тех, кем избрана доля
В жизни как одержимость.
Безошибочность – сказка.
Люди – не без упрёка.
Где ошибка, там встряска
Как преддверье урока
Жёсткой смычки невольной,
Что спасает от стресса
В холе вроде б раздольной.
Но вдруг тесно... От беса.
Сам в неволю отдайся
Своему размышлению.
Но в нём не потеряйся:
Будь хозяин решению.
Чтобы – под стать приговору,
Где не видно затычек,
Даже если и в пору
Верить в силу отмычек.
... Впрочем, с чушью не справиться
Под водительством кроликов,
Если мудрикам нравится
Умножение ноликов.
Выход прост: расстараться

В рамках только неволи!
В ней рождается братство
Вместо всякой юдоли.

Природа и нечеловечество... Тут сравнивать вроде бы нечего

...Природное и человеческое.
Считается: всё здесь извечное.
Об этом нам бает история
Своей безупречной теорией,
Хоть и не в любых ублажениях:
«Мир целен во всех отношениях».
Поскольку одних (явно!) мыслей
(Другие ей, видно, не снились).
А в целом у мира извольте
Узнать подноготную долю
Природы?! Она вам откроет
Желание жить во всей воле
Своей! Ни в чём не человеческой:
«Не с вашей, совместно заверченной!»
... Такое оно, человечество.
В нём жизнь эгоизмом помечена.
Ему всё... И гибнет Природа
Под бахом слепого уroda:
Народца – творца катаклизмов
Под видом строительства жизни.
Бедует Природа и плачет.
Дождями? Когда б не иначе.
Нет людям нигде укороту,
Хоть мы не чета бегемоту.
Тот чует пределы последствий
Издёвок над спешником с детства.
Он умный... Он ценит опору
Всегда и без всякого вздора.
Увы, люди не бегемоты.
Им лишь подхватить бы хоть что-то.
Полезное? Вряд ли: полезное.
Пусть даже оно и скабрзное.
Но к месту. Чтоб людям не тесно,
А главное, чтоб интересно
Жить было и там, где болото
Забыло бы про бегемота.
Особо у нас, где терпеть
Нам мелкость поможет медведь:
Наш символ с времён, что до лады,
Но вечно в объятьях отрады.
Медведь нас спасёт от разрухи

Духовной, от смут и непрухи,
Ему лишь поверит Природа
В наш дух голубиноного рода.
Иначе не будет, поскольку
Жизнь движется к этому толку,
Минуя (пора!) охлократию
К Природы (тут жизнь!) восприятию.

Опять о снежке, Но не накоротке

Снежок подумал и пошёл.
Но хорошо ли он подумал?
Там для него весь неба шёлк,
А здесь какие светят будни?
Но вроде б страхи ни к чему?!
Здесь человек! А он разумный!
Ему-то – по его уму –
Не быть ни нудным и ни блудным.
Так что найти с ним общий прок
Проблема (для снежка лишь?) чиха
Людей, когда идёт снежок.
А это, в общем-то, не лихо.
Но молодость лишь для того
Нужна, чтоб ею ошибаться.
А наш снежок был существом,
Кто с миссией (!) не смог расстаться.
Зимой закон: Природу греть –
Сокровищницу человечества,
Чтоб ей не перемёрзнуть впредь,
Когда везде морозы мечутся.
Весну же надобно поить
Не «просто так», а в стельку.
Не люди... Некого валить:
Обрадуешь земельку.
И всё! А где (всегда!) живёт
Людская справедливость?!
Грязь, газы предъявляют счёт
Снежку и всем «сварливым»!
Мы – люди! Нам лишь для себя
Ужать кус сквозь прогресс,
Всё лучшее вокруг губя:
Здесь бдит наш интерес?!
Клеймо всем людям грешным...
Природы жизнь – протест,
Укутанный успешным
Прожектом. До небес.

Алина Сысоева

Краснодар

Куда ходят наши кошки,
 Когда их дозваться трудно,
 Когда след их осторожный
 Растворился в нежном утре?
 И раскинулась над миром
 Россыпь звёздных хризопразов,
 Небо влажное покрыла
 Символов разнообразьем...
 Где-то в сливочном тумане
 Искоркой блеснёт улейка:
 В сливках плещется и манит
 Кошек в скрытые лазейки...
 Пьёт дурман кошачьей мяты
 Месяц молодой, игривый,
 Облака вокруг помяты,
 Ниспадая к травам гривой.
 И течёт, петляя пьяно,
 По камням чуть угловатым
 Ручеёк тропы скитаний,
 В свете фонарей горбатых.
 Та заветная дорожка,
 К домику простых желаний,
 Любопытным, смелым кошкам
 Открывается как тайна!
 Вот туда и ходят кошки
 С ведомым лишь им стремленьем,
 До магической сторожки;
 Будем ждать их возвращенья...

Сегодня вечер удивительный, сегодня
 ожил старый дом, камин пылает
 снисходительно, расставшись с пыльным
 летним сном.

Всё греет душу в этой комнате – и треск
 свечей и вязкий взгляд, который разум
 отравляет мне как самый сладкий в мире
 яд. И то ли флейта, то ли вьюга: звучит
 «перепелиный зов», и мы касаемся друг
 друга, став композицией без слов.

Дурманит шёлковая пряность, но запах
 нежный, колдовской, вдруг обретая
 многогранность,

вплёл розмариновый покой.

И эта встреча не случайна – зимы
 вельветовая блажь, в коричневой утопая
 тайне, продолжил разговор ты наш:
 «Да, Вы, пожалуй, не француженка,
 Но, право, *comme vous etes charmant!*
 Как только мы закончим с ужином,
 То будет на десерт – роман!

Пусть неприветлив облик вьюжный вам
 Изнанки обветшалых гор,
 Поверьте, рад Эльзас знакомствам,
 здесь –
 Любовь, охота и задор!»

Здесь – Мудрость, ты познай, благоговей,
 лишь яства сотворяют в душах мир.
 Висит луна, как вызревший в портвейне
 стилтёнский белый ароматный сыр.
 Вино поёт изысканно и звонко,
 я наслаждаюсь померанцевой зарёй
 и белым мясом нерождённого ягнёнка.
 Как тонок аромат – мы все зверьё!
 Обряд ножей и вилок безупречен,
 как пирамиды Юкатана, очень стар,
 неугасающим огнём желанья вечен,
 всех подчиняющий без наведенья чар.
 Безумна радость сочетанья базилика,
 иссопа, мяты, майорана и шалфея.
 Блаженна трапеза средь серости безликой,
 подобна поцелую нежной Феи...

Кристина Судакова

Ижевск

Ножи

Знаю: всякий на Млечном Пути одинок,
Всякий штопал заплатками чёрные дыры.
И парнасский мудрец, и кабацкий пророк.
Конквистадоры. Идолы. И дебоширы.

Чья-то муза стихами, как финским ножом,
Открывала вино и запястья иллюзий,
А в столичном подполье, холодном, чужом,
Залихватски плясала в горячечном блюзе.

Чья-то песня вилась златозвучным руном,
Накаляла металлом душевные жилы.
Чья-то – спину согнув
под цензурным кнутом,
Отдавала поэтам последние силы.

Слово в облачном царстве своём –
государь.
Не уступит вовек он узды самозванцам.
Коли так, приговор нам – петля да фонарь.
И тебе.
И мятежникам.
И оборванцам.

Исповедь перед хулиганом

Сергею Есенину

«Брось мечты о морях
и заоблачном граде, –
Убеждали меня, распаяясь до визга, –
Не ищи ветхих истин и правд в Илиаде,
Путь твой будет сложней
корабельного списка.

Реставраций потребует крошечный рай –
Ной оставил штурвал отсыревшей галеры.
В заблудившийся пьяный
прогнивший трамвай
Превратятся обломки твоей твёрдой веры.

И беги – не беги по разнузданным тропам,
Сколько хочешь дрови
свою душу на крохи,
Хоть по дантовым кольцам
скачи автостопом –
Не сбежать тебе, Гензель, в чужие эпохи».

И когда выли болью сожжённые струны
И тоска обступала пустующим залом,
Неизменно в тиши вечеров жёлто-лунных
Восьмикрылою тенью меня укрывал он.

С ним не мерилась
меткостью стрел рифмопада,
Не тягалась огранкою острой сатиры –
С юных лет теплотой василькового взгляда
Златоперистый Лель направлял мою лиру.

Он учил превращать пустоту –
в поднебесье,
Интервалы меж строк и меж рёбер –
в сонеты.
С ним лились перезвончатым кружевом
песни,
Распускались из звёздной пылицы
первоцветы.

Он учил жить среди безъязыких Титанов,
Ветром северным виться
над пропастью пыли,
Чтобы, глядя назад, за границы туманов,
Не жалеть о прошедшей раскатистой были.

Я слагала баллады утраченным вёснам,
Вслед за ним воспевала
рассветы и вольность.
Быть поэтом, мой друг, удивительно просто,
Если Слову душой присягаешь на верность.

Ирина Шемонаева

Горно-Алтайск

Прогулка по Москве

В Москве бывала я однажды
И я горжусь этим всегда!
Там побывать хотел бы каждый –
Это заветная мечта.

И Храм Спасителя увидеть,
И Площадь Красную пройти,
И Кремль вниманьем не обидеть
Мне суждены были пути.

И Оружейную палату
Была я рада посетить.
Ведь там изделия из золота
Любого могут удивить.

Стоит так гордо, величаво
На речке памятник Петра,
Но есть в Москве и память Славы –
Это Поклонная гора.

Вмиг покорять своим обзором
И необъятной красотой -
Всё могут Воробьёвы горы,
Хотя и холмик небольшой.

Бывала я и на Арбате,
Каталась храбро на метро
И я не знала слово «хватит» -
Мне просто в жизни повезло!

В Москве бывала я однажды,
Хочу бывать я вновь и вновь,
И пусть поездка – день вчерашний,
Но не угасла к ней любовь.

Прости!

Ты подошёл не в этот вечер,
И я готова не была
К той самой первой нашей встрече,
Я развернулась и ушла.

Я понимаю твою боль,
Что я невольно причинила.
Прости меня, моя любовь,
Всё так случайно получилось!

Туман

Лёгким шарфом укутало землю,
Белым-белым, как молоко.
Людям холодно стало мгновенно,
Хотя он и повис высоко.

Тщетно солнце пыталось согреть всех,
Улыбалось, дарило лучи,
Только шарф тот – туман бессердечный –
Запирал весь обзор на ключи.

И не видно уж больше ни речки,
Ни берёзы, что рядом растёт,
Но и царство тумана не вечно –
Он, от солнца растаяв, уйдёт.

Он уйдёт, улетит и исчезнет,
От себя, не оставив следа,
И все рады так будут, конечно,
Ну, зачем нам нужны холода?

Ложные истины

Порой бывает, что напрасно
Мы ценим истины не те,
И то, что все считают красным,
Белеет в полной пустоте.

Но как, же нам отсечь плохое
И ложь из жизни выгнать вон?
Лжецы нам не дают покоя –
Атаки их со всех сторон.

Рената Юрьева

Кочневка, Новосибирская область

Привет!

Уныло и стыло. И осень простыла
В дождливые дни октября.
А я не забыла, что было так мило
В июньских днях календаря.

Сжигает рутинно огонь из камина
Мгновения нашей любви.
Рукой властелина свергает в пучину
Страницы счастливой главы.

В сети невозврата, в уюте халата
Держу молчаливый планшет.
А чтоб отогреться, всего-то и надо:
Стук в дверь и улыбка: «Привет!»

Серпантин

Плюшевый искристый палантин
Мягко обнимает землю нашу.
Скоро станем все мы вместе старше,
Вновь завьётся ленточкой тончайшей
Новогодний яркий серпантин.

Новогодний яркий серпантин –
Как тропинка с детства, длится, длится
Песенно, стремительно, как птица.

Жизнь идёт в режиме супер-блица
То на пике, то в тиши равнин.

То на пике, то в тиши равнин
Любим, ошибаемся, страдаем.
Даже возжелав награду Раем,
Грешных дел избежать не желаем, –
Множим усталь в сеточках морщин.

Множим усталь в сеточках морщин:
Кто же хочет быть виновным вечно?
В жизни, далеко не безупречной, –
Путь без остановок до конечной.
Значит, в путь, достойный лишь вершин!

*Значит, в Путь, достойный лишь вершин!
Новогодний яркий серпантин –
То на пике, то в тиши равнин.
Множит усталь в сеточках морщин
Плюшевый искристый палантин...*

Вечер

Монохромный вечер томный
Чёрно-белый, – цвета два.
Свет горит едва-едва.
Будто замер мир огромный,
Растеряв в тищи слова.

Бессловесны песни джаза,
Саксофон уносит вдаль.
В небе и в судьбе – вуаль
Не в алмазах, только в стразах.
День уходит. Сердцу жаль.

Жаль несказанных признаний,
Неслучившихся чудес
И непризнанных принцесс
На несбывшемся свиданье.
Всюду – только «не» и «без».

Верить глупо. Чувства скупы, –
Холодит их дефицит.
На доверие – лимит.
Абонент мой недоступен...
Может, утро всё решит?

Лариса Агафонова

Москва

Велосипедистка, или Первое впечатление

Ирина остановилась на светофоре, с удовольствием посмотрела на себя в зеркало, слегка поправила стильную причёску, полюбовалась на свежий французский маникюр и чуть-чуть расслабилась.

– Я отлично выгляжу. Меня точно возьмут на работу. Им не найти лучшей кандидатуры, – громко и чётко проговорила Ирина, глядя на своё отражение. – Только бы начальник попался вменяемый, – уже тише добавила она и по старой привычке скрестила пальцы на правой руке. – Так надоело прогибаться под богатых идиотов.

Сзади недовольно загудели машины – уже целую секунду горел зелёный свет. Ирина вздрогнула, и ни в чём не повинный старенький вишнёвый опель с визгом дёрнулся вперёд.

– Давно пора менять машину, – привычно вздохнула Ирина. – Ну вот сейчас выйду на новую работу, и всё у меня будет: и автомо-

биль, и свежий гардероб... и вообще жизнь наладится.

На очередном светофоре загорелся красный. Молодая женщина спешила с велосипеда и по всем правилам повела его рядом с собой по новенькой, недавно расчерченной зебре. Что-то неуловимо знакомое в этой женщине привлекло внимание Ирины. Худенькая, почти девчоночья фигура, гордо расправленные плечи и пушистый хвост ярко-рыжих волос. «Ну конечно, это же Машка. Машка-ромашка», – сразу вспомнилось прозвище лучшей подруги школьных времён. Ну почти лучшей. Соперницы, если уж не лукавить. Хотя Машка, кажется, даже не подозревала, что Ирина с ней соперничала.

Неброская спортивная курточка, тёмные джинсы, голубая кепка на рыжей гриве, яркий рюкзак за спиной и, кажется, никакой косметики. «Вот уж ни тебе стилия, ни тебе красоты, – злорадно усмехнулась Ирина. – Если б не волосы, вообще б её не заметила», – покривила она немного душой. Фигурка, конечно, у подруги осталась прежней, не то что у неё, у Иры, поднакопившей десяток, а то и больше килограммов с выпускного вечера в школе, когда она видела Машку в последний раз.

Желание похвастаться пришло мгновенно. Ирина дождалась зелёного сигнала светофора, прижалась к правой стороне дороги, догнала Машку, уже катившую на своём драндулете по тротуару, и, опустив стекло, громко позвала подругу. Та отреагировала не сразу и лишь через время, заметив, что вишнёвый опель медленно едет рядом с ней, взгляделась в водителя, остановилась и вытащила наушник.

– Ирина? – Маша с искренней улыбкой узнала бывшую одноклассницу. – Ну надо же! Ты откуда здесь? – она слезла со своего двухколёсного транспорта, поставила его на подножку и подошла к автомобилю.

Ирина неторопливо вышла из машины, одёрнула тёмно-зелёный костюм (всё как положено: юбка чуть ниже колена, строгий пиджак и белая блузка).

– Ну ты красотка, – улыбнулась Машка, не делая никакой попытки обнять старую знакомую.

«Вот такая она и всегда была – закрытая и себе на уме, – мелькнула у Ирины мысль. – Ледышкой была, ледышкой и осталась».

– Женщина должна быть стильной, – покровительственно ответила она, изо всех сил демонстрируя уверенность деловой леди. – А ты так и предпочитаешь кэжуал¹? Пора бы уже во взрослую жизнь.

– Мне так удобней, – пожала плечами Машка. – Да и на моём транспорте в юбке, сама понимаешь, не поездишь. А ты в город давно вернулась? Говорили, в самой Москве работала. Я сама-то, как отучилась, сразу вернулась и здесь, в нашем городке, так и осталась. Где родился, как говорится.

– И жила, и работала, – театрально погрузилась Ирина. – Только мать у меня заболела, пришлось вернуться. У неё же больше никого нет, – привычно умолчала она о настоящей причине спешного бегства из столицы. Сколько она ни пыталась устроить личную жизнь, ничего не вышло. Не хотели столичные мужчины стелить ковровую дорожку и тратить заработанные миллионы на приехавшую из провинции девушку. И с работой не вышло. Филологи никому не нужны. В школе гроши платят, в секретари идти самолюбие не позволяет: за копейки ломаться – что за удовольствие? – Так что теперь я снова местный житель. Вот еду на новую работу, – снова покривила она душой, опустив информацию о предстоящем собеседовании. – Ну, мне пора, рада была повидаться. Да, вот моя визитка. Позвони как-нибудь, в кафе посидим, юность вспомним.

– А у меня с собой нет визитки, – развела руками Машка. – Я позвоню, – помахала она рукой, нацепила наушники, оседлала велосипед и покатила по тротуару.

«Забыла она визитку, как же», – усмехнулась Ирина, села за руль и поехала на собеседование.

Парковка у бизнес-центра оказалась забитой под завязку, машину пришлось приткнуть неподалёку, около сетевого супермаркета, втиснувшись между газелью и побитой жизнью шестёркой. «Ничего, будет и на моей улице праздник», – привычно проговорила про себя Ирина и пошла к дверям сверкающей панорамными окнами высотки.

– Вам в какую организацию? Пропуск заказан? Позвольте ваш паспорт, – строгий охранник тщательно сверил фотографию на паспорте с оригиналом. – Девятый этаж, налево. А там сами увидите.

Ирина царственно, как ей показалось, кивнула охраннику, повернулась в сторону лифта и краем глаза заметила Машку. Да, точно. Она, рыжая, с приметным рюкзаком. Машка задержалась возле охранника, тот мгновенно заулыбался, стерев суровую строгость с лица и став обычным пожилым мужчиной, а не мрачным стражником.

«Нет, ну надо же, она на короткой ноге с обслуживающим персоналом, – скривилась Ирина. – Курьером, что ли, работает? Это ж как надо было упасть?» Училась Машка почти лучше всех в классе. А какие сочинения писала! Ирина чёрной завистью завидовала. Сама-то она до посинения сидела над пустым листом, вымучивая ровные строчки, а Машка – раз-два и готово, почти на коленке перед уроком за полчаса такие тексты писала. Русичка глаза закатывала от восторга, зачитывая Машкины шедевры вслух. Ирина и на факультет журналистики из-за Машки поступила, хотела той нос утереть. Мол, сочинения сочинениями, а журналистом она, Ирина, станет. У неё золотая медаль за все её мучения, а Машка с четвёрками по химии и обществознанию школу окончила. И собиралась вовсе не на филологический, а на экономический поступать.

С журналистикой Ирина пролетела, попала по конкурсу только на филфак пединститута. А Машка куда-то пропала. Кто-то говорил, замуж вышла, кто-то – в университет не поступила. В общем, в какой-то момент не до неё Ирине стало, своих проблем хватало. А теперь вот на тебе – встре-

¹ *Casual* – повседневный стиль одежды.

тились. «И поди ж ты, Машка-то ничего не добила», – почти злорадно думала Ирина, поднимаясь в бесшумном лифте.

– Девятый этаж, – объявил в умной машине приятный невидимый голос.

Архитектурное бюро «Терем» явно занимало весь девятый этаж, поскольку вывеска в холле возле трёх лифтов была всего одна. Ирина пару раз глубоко вдохнула, поправила причёску, чуть-чуть растянула губы в вежливой улыбке и толкнула входную дверь.

– Вы на собеседование? Проходите, директор вас примет в назначенное время, – приветливо улыбнулась девушка-администратор.

Дверь распахнулась, и в холл стремительно вошла Машка. Ирина подавила возникшую мысль отвернуться и сделать вид, что они не знакомы: Машка в своём полуспортивном наряде явно не вписывалась в здешнюю атмосферу.

– Ирина? Ты к нам? – удивлённо подняла брови Машка.

– На собеседование, – сквозь зубы процедила Ирина. Нехорошо вышло, получается, что соврала она Машке про новую работу.

– Чай? Кофе? – с улыбкой спросила Машка.

Ирина отрицательно покачала головой, ехидно подумав про себя, как Машка низко пала – секретарша в офисе, вон, чай-кофе посетителям предлагает. «Эх, надо было согласиться, – запоздало пожалела Ирина об отказе. – Как было бы приятно, что Машка мне прислуживает».

– Марина, добрый день, – улыбнулась девушка-администратор вошедшей Машке. – Там на столе бумаги. И ещё, Олег просил, чтобы ты зашла на минуточку.

– Да-да, Анечка. Ты сегодня с новой причёской? Тебе очень идёт, – Машка, улыбнувшись, зашла в неприметную дверь, а девушка Аня даже покраснела от удовольствия.

«Марина? – недоуменно слушала их разговор Ирина. – Ах да, точно, Машкино полное имя – Марина, но она его не при-

знавала в школе, откликаясь исключительно на Машу». Это она, Ирина, с пятого класса раз и навсегда запретила называть себя Ирой, того хуже, Ирккой, только Ириной. И красиво, и сразу значимости придаёт. «А Машка, кстати, как была простушкой, так и осталась, – продолжила рассуждения Ирина. – И дружит с такими же, как она, простенькими Анечками. Вон как той мало надо – получила комплимент от секретарши – и счастлива».

– Пойдём?

Ирина вздрогнула, вынырнув из своих мыслей.

Рядом с ней стояла Машка. Это Машка?! Ирина потянулась рукой протереть глаза, но вовремя вспомнила о тщательно нанесённой туши и едва заметных светлых тенях. Брючный костюм цвета электрик удивительно шёл к рыжим Машкиным волосам, собранным в строгий пучок, туфельки на тонкой шпильке взамен кроссовок завершали образ невероятно стильной молодой женщины. И это Машка?! Ирина вскочила со стула, беззвучно хватая ртом воздух.

– Пойдём? – повторила Машка. – Так всё-таки чай или кофе?

– Чай, – прохрипела Ирина. – Зелёный, если можно.

– Анечка, сделай, пожалуйста, чай для Ирины, а мне как обычно.

– Да, Марина, конечно. Олега звать на собеседование?

– Не стоит, – мягко улыбнулась Машка. – Я сама.

– Ты кто? – оправившись от первого шока, спросила Ирина, войдя вслед за Машкой в большой светлый кабинет.

– Я – директор и учредитель «Терема», – Машка прошла за большой удобный стол, на котором были разложены какие-то чертежи и макеты. – И мне сейчас позарез нужен начальник отдела технических писателей. У меня была чудесная коллега на этой должности, но она в декрет ушла. Я без неё как без рук. Ты же на эту вакансию откликалась?

– Да-да, – поспешно закивала Ирина. – А как ты в архитектуре оказалась? Ты же вроде на экономический собиралась.

– Я и его окончила, и архитектурный. Без математики в бизнесе никуда, а рисовать я всегда любила, если ты помнишь.

– А как же сочинения на пять с плюсом?

– Ну так в юности все хорошо сочиняют, – махнула рукой Машка. – А ты что, когда на собеседование шла, не посмотрела наш сайт? Поэтому так удивилась, увидев меня здесь?

– Да я вроде бы смотрела, – промямлила Ирина. – Но не всё, как выяснилось. А ты почему в таком виде была? И на велосипеде?

– А, это... – рассмеялась Машка. – Хобби у меня такое. Летом – велосипед, осенью и весной – мотоцикл. А на машине, только когда уже совсем холодает, езжу. Вот и приходится здесь переодеваться.

Ирина немного пришла в себя и стала оглядывать кабинет. Никаких женских штучек в виде вазочек, статуэток и салфеточек. Выкрашенные в уютный светло-кофейный цвет стены, деревянная мебель, несколько картин с изображением необычных городских зданий и небольшое фото на столе, – всё украшение. Присмотревшись, Ирина увидела на фото Машку и девочку лет пяти, с такими же рыжими волосами и точёным, как у Машки, носиком.

– Дочка?

– Да, доченька. Олеся, – с любовью ответила Машка.

Ирина непроизвольно скосила глаза на её руки: тоненький золотой ободок на безымянном пальце левой руки. «Разведёнка с ребёнком», – мелькнула злорадная мысль.

– Муж погиб два года назад, – ответила на невысказанный вопрос Машка. – Ну так что, пойдёшь к нам начальником отдела? Я видела твоё резюме. Фамилия у тебя другая, так что тоже не сразу признала, – улыбнулась она. – Образование у тебя хорошее, да и помню я, что ты русским отлично владеешь. А командовать ты уже в школе умела, так что, думаю, справишься с моими зубастыми барышнями.

...Ирина села в машину, включила зажигание и опустила голову на руль. Тако-

го поворота она не ожидала даже от своей насмешницы-судьбы. Машка – надо же, Машка! – руководит крупнейшим в городе архитектурным бюро. Заклятая подружка добилась того, что ей, Ирине, и не снилось. И замуж успела сходить, и дочку родить, и люди от неё в восторге.

Вон охранник на входе, когда пропуск на выход подписывал, успел рассказать, какая Мариночка золотая, как она всем помогает, деньги его внучке на операцию дала без всякой отдачи, праздники устраивает, подарки дарит.

Ангел прямо, а не Машка. Ирина вздрогнула и зябко повела плечами. И что ей делать? Идти пахать на Машку и засунуть своё самолюбие куда подальше? Или гордо откататься и продолжать сосать лапу?

Вот уж попала, так попала...

Рекомендуем книгу автора

Заглянуть за горизонт

Роман

Мечтаете сесть за руль своей судьбы и самостоятельно выстроить маршрут? Вам интересно посмотреть, кто и почему сейчас становится дирижёром семейного «оркестра»? Тогда эта книга для вас. Познакомившись с героинями романа Ларисы Агафоновой, вы узнаете, как переписать типичный «женский» сценарий, навязанный окружением, победить личные комплексы и, наконец, после всех неурядиц обрести себя.

Любовь Александрова Гомель, Беларусь

СОЛЁНЫЕ ОЗЁРА ГУСЕЛЕТОВА¹

*Листая страницы детских
воспоминаний...*

Свой первый год рождения я встретила в поезде словами: «Мама, поехали!» Вместе с нами ехали несколько белорусских семей. По комсомольским путёвкам молодые люди с маленькими детьми уезжали поднимать целину и за... длинным рублём. Как поётся в песне:

*Вьётся дорога длинная.
Здравствуй, земля целинная!
Здравствуй, простор широкий!
Весну и молодость встречай свою.*

Наисуровейший климат Алтая: лютые зимние морозы под – 50° С, сильные снежные бураны, колючая пурга, высокие сугробы до пяти метров, заметавшие частные дома из самана, дерева или кирпича.

Летом – сезон пыльных бурь. Смерчи из пыли и песка способны захватить всё живое: и кур, и кошек, и даже корову... Закружить в вихре на большой высоте и где-нибудь на приличном расстоянии... швырнуть на землю бескрайней алтайской степи. Летняя жара до 40 градусов.

Беспощадные грозовые разряды, проливные дожди. Солёные озёра районного центра Гуселетова – ляжешь на спину и не тонешь. Золотые озёра пшеницы на зернотопке, где работали мама и двоюродный брат Пётр вместе с немцами, украинцами и русскими.

Необжитые просторные алтайские степи всегда привлекали молодёжь. Люди ехали туда не на пенсию, а чтобы начать новую жизнь: построить дом, вырастить ребёнка, посадить деревья, реализовать свои идеи, хорошо зарабатывать на семью и материальную помощь родным...

Стихия алтайской природы нуждалась в трудолюбивых, крепких руках, светлых головах и горячих сердцах скромных, но обладающих большой силой воли белорусов.

Именно к их числу и принадлежала моя мама. Она обладала редким здравым смыслом и природной красотой, которые притягивали к ней людей и позволяли противостоять любым опасностям.

Маме доверяли и ответственные должности, и сложную общественную работу. А за их безупречное исполнение поощряли благодарностями, почётными грамотами и статьями в прессе Алтайского края.

Своим примером она благотворно влияла на окружающих. Была прекрасной рукодельницей, портнихой, хорошо вышивала, была рачительной хозяйкой и великолепной рассказчицей, знавшей наизусть многочисленные стихи классиков.

Именно она и привила мне любовь к чтению, открыв волшебный мир сказок Пушкина, Андерсена, Чуковского и Ми-

¹ Гуселетово — село в Романовском районе Алтайского края. Административный центр и единственный населённый пункт Гуселетовского сельсовета.

халкова. Особенно запомнился дядя Стёпа – милиционер.

Кроме книг, я очень любила рисовать. Полы двух просторных комнат и кухни дома, построенного мамой на Алтае, были иногда сплошь покрыты белыми листами бумаги, на которых расцветала акварель. Вместе с мамой я любила также лепить из пластилина. Сначала она сама делала забавные фигурки (птичек, рыб, зверюшек, овощи и фрукты), а я их многократно повторяла, не достигая, конечно, совершенства маминой работы. Также под руководством мамы, с помощью ярких кубиков я постигала азы арифметики и грамматики.

Поздним вечером по возвращении матери я должна была отчитаться о проделанной за день работе. В мои обязанности входил также уход за домашней птицей. Ни в коем случае я не должна была выбегать на улицу – за пределы нашего большого двора.

Рядом с нами жила семья Котельниковых со всем известным неадекватным сыном Вовкой по прозвищу Соловей-разбойник. Он стрелял чем попало из рогатки по всему, что движется, но самое страшное – жестоко истязал щенков, котят и птенцов. Позже невероятная агрессия пятилетнего мальчишки распространилась и на сверстников – соседских малышей.

Как-то раз из окна дома я наблюдала надвигающуюся пыльную бурю. Небо вдруг резко потемнело. Свистели порывы ветра, то и дело вспыхивали молнии. Грохотали раскаты грома. Мимо Вовкиного дома бежал незнакомый ребёнок с бумажным змеем на верёвочке. На улицу выбежал Вовка и схватил малыша. Тот стал визжать, а змей улетел навсегда. И так истошно кричал этот несчастный, что я (несмотря на строгий запрет не выходить за калитку) побежала на помощь. Пострадавший, исцарапанный Вовкой, пользуясь моментом, с отчаянным воем скрылся... А я... снизу вверх смотрела на Котельникова, вцепившегося мне в горло... Задыхаясь, как будто провалилась в чёрную пыль бури, я только

смутно услышала чей-то крик. Больше ничего не помню.

На моё счастье, мама с соседкой в это время возвращались домой. Как раз вовремя. Все мои царапины и ссадины были замазаны кусочей зелёной. Но не это было главным наказанием. Мама с тётёй Олей долго ругали меня, приговаривая: «А ведь Вовка мог просто задушить тебя! Не выходи за калитку! Не подходи к хулигану! Его все дети боятся». А когда я спросила: «А кто не боится Вовки?», мама ответила: «Дядя Стёпа – милиционер!»

Через несколько дней к дому Котельниковых подъехал «козлик» – милицейская машина, из которой вышел дядя Стёпа – милиционер, точь-в-точь как в книжке Сергея Михалкова. После этого Вовка перестал бегать по улице и только украдкой наблюдал за мной через щели забора.

Я возилась во дворе, как бы не замечая его. Однажды, выглядывая из-за забора, он спросил, что я делаю. Он улыбался! Его лицо было добрым! Я обрадовалась и вынесла во двор книжки, краски, пластилин и «Азбуку». Показала свои рисунки и пластилиновые фигурки и самое ценное – кубики с картинками, буквами и цифрами. Долго рассказывала о любимых книжках. Но Вовка молчал.

Я показала ему, как лепить кочан капусты, которая растёт прямо у нас на огороде: сначала скатать шар, а потом из тонкого слоя пластилина палочкой вырезать круги разного диаметра и последовательно накладывать друг на друга, начиная с малых... Вовка повторял за мной, но вскоре ему надоело. И недоделанную фигурку... он размазал по забору. Я забрала все свои сокровища и удалилась восвояси. С этим негодником мне было явно не по пути.

Школа находилась за 6 километров. Нужно было идти через степь. Зимой – на лыжах, а летом – на велосипеде мы с мамой ездили к друзьям, у которых были дети – мои ровесники. С ними мне было интересно и весело. У моих друзей, как и у меня, были

те же детские книги, краски, пластилин, а главное – такая же роскошная «Азбука»!

Вскоре мы вернулись в Гомель, поближе к бабушке и дедушке. Здесь школа была совсем рядом. В 1936 году дед принимал участие в её строительстве, а также стройке Кузнечного моста, Дома-Коммуны, ДК железнодорожников, а после войны он восстанавливал их.

Перед самой войной мама закончила ускоренные шофёрские курсы при ДОСААФ. Во время войны возила грузы в медсанчасть, помогая партизанам. Там она и познакомилась с моим отцом, участником освобождения Гомеля.

Именно мама оказала на меня сильнейшее педагогическое воздействие силой примера. Это был безупречный образец трудолюбия, ответственности, дружелюбия, такта и моральной чистоты во всём и всегда.

В начальной школе я встретила с Татьяной Матвеевной – лучшим Учителем, которого я когда-либо встретила за всю свою жизнь. Училась я «на отлично». Все предметы были любимые, но особенно – математика и русский язык. Класс наш был очень сильным. И сейчас стоят перед глазами три ряда по семь парт в каждом. Сорок два ученика! И каждый – неповторимая личность с уникальной судьбой.

Юра Чувашенков, Петя Хименков, Вова Шаманов, Аркадий Кофман, Надя Лисова, Оля Никитина, Таня Задорожная и многие другие... Где их пути-дороги?

Хорошо помню торжественные линейки, когда нас принимали в октябрюта, а в треть-

ем классе – в пионеры! В парке имени Николая Островского на одноимённой улице старшие пионеры повязывали нам алые пионерские галстуки, и мы их с гордостью носили под белыми воротниками синей школьной формы.

Моя мама была активным членом родительского комитета, активно помогая родной школе, где до войны училась сама.

Особенное внимание Татьяна Матвеевна уделяла урокам патриотизма. Благодаря ей любимой моей книгой стал роман А. Фадеева «Молодая гвардия», а любимым фильмом – одноимённая картина, снятая великим С. Герасимовым. О бессмертном подвиге советского народа мы узнавали на её уроках и внеклассных мероприятиях, несущих свет и дающих нам ЗНАНИЯ с большой буквы – ресурсы света, мира и добра.

Мы очень тепло и искренне дружили с Татьяной Матвеевной до 2015 года – нередко встречались, беседовали, вспоминая счастливые школьные годы.

Однажды Татьяна Матвеевна рассказала, как на вступительных экзаменах по русскому языку она написала сочинение в стихах... И получила высший балл! При поступлении в вуз я также написала сочинение в стихах, которое было оценено «на отлично». А в младших классах мои стихи часто публиковались в газетах «Зорька» и «Піанер Беларусі». А потом я победила на областном конкурсе «Пяю маю Айчыну».

И всё это – благодаря бесценному педагогическому дару любимой Первой Учительницы – Татьяны Матвеевны.

Инна Андрианова

Калининград

Влюбиться и улететь

(Продолжение. Начало в № 2/2020)

Анна Николаевна не помнила, как они приземлились. Немногочисленные зрители аплодировали. Диспетчер крутил пальцем у виска. Простились сухо. Карелин ушёл на «разбор полётов», а Анна Николаевна поспешила скрыться в салоне автобуса. Полёт ошеломил её. Поэтому она никому ничего не рассказала: отговорила от расспросов Глаши и ничего никому, даже внучке Анюте, с которой дружила. Как ни тянуло её на аэродром, она запретила себе даже думать об этом. Её смущало чувство непонятной вины.

Незаметно ушло лето. Но в сентябре было ещё очень тепло. Анна Николаевна занималась заготовками для семей своих вечно занятых дочерей, приведением дачного участка в порядок перед долгой зимой. Но нет-нет серые глаза смотрели в небо и почему-то наполнялись слезами. Небо бывало разным, но, когда поднимаешься к нему, оно иное, не такое, каким кажется с земли. Как там, на аэродроме? Что подельывает Карелин?

А на аэродроме желающих летать осенью даже прибавилось. Некоторые, совершив восемь-девять полётов пассажирами, начинали занятия с инструктором, осваивая азы лётной грамоты. Но она больше не приходила. Почему? Ведь Карелин точно почувствовал, что её ошеломило небо и безошибочно угадал её доверие к себе. Он теперь часто ходил в «Крымские чебуреки», где весной мельком увидел её, и вспоминал большие серые доверчивые глаза, тихий голос и эти маленькие кулачки, утонувшие в его ладонях.

– Не закасай, Карел! – сказал как-то Степаныч. – Поищи её сам.

Но как искать? Никаких зацепок. Нигде...

В холодный день конца октября Карелин вдруг угадал её среди людей, спешащих к электричке, идущей в сторону моря. Не раздумывая, он рванул за билетом и едва успел запрыгнуть в тамбур последнего вагона, как двери захлопнулись. Он решил не искать в вагонах Анну Николаевну и сел на одно из свободных мест. За окном ветер рвал последние листья. Всю дорогу Карелин боялся, что Анна Николаевна сойдёт на промежуточной станции.

Спустившись на перрон последней остановки в курортном городке, он увидел её впереди, медленно идущей в сторону моря. Как подойти? Догнать или обогнать и пойти навстречу?! Всё глупо. Его шаг был шире, он поравнялся с нею и поздоровался. На лице, повернувшемся в его сторону, замечна была досада. Но вдруг глаза вспыхнули радостью узнавания.

– Как вы здесь? Тоже любите одинокие прогулки у моря? – спросил Карелин.

Они остановились у спуска на променад.

– Если хотите побыть сама с собой, я уйду, – сказал он.

Она улыбнулась и взяла его под руку. Спустились молча. Волны слизывали песок пляжа. У самой воды маленькая девочка отламывала кусочки от батона и подбрасывала вверх: там их подхватывали чайки.

– Не люблю чаек – вдруг произнесла Анна Николаевна – прожорливые, противно кричащие птицы. Не понимаю, почему это символ чего-то возвышенного...

Карелин поразился схожести ощущений.

Гуляли долго, говорили и ни о чём, и обо всём (как говорят в молодости), выпили кофе. В город возвращались на автобусе. Когда подъезжали, Анна Николаевна вдруг снова замкнулась, и Карелин не решался попросить номер телефона.

И снова никаких зацепок, будто приснилась всё. Уходили дни, он работал днём (летали в преддверье, правда, меньше), а по вечерам вспоминал прогулку и тосковал: по молодости, по любви, по жене и по ней,

Анне Николаевне. её молчаливому пониманию и сопереживанию.

Однажды, когда его навестил старший сын, Карелин спросил, сможет ли он по имени-отчеству и описанию найти человека, который, по-видимому, не любит жить напоказ.

– Опер сможет всё – самодовольно ответил Колька. – Что за человек? Женщина?! Ну, батя, не узнаю тебя. С этого места подробнее.

– Обойдётся, разволновался. Спрашивай по делу. Берёшься? А секреты хранить не разучился?

– Что мне остаётся? – ответил Карелин-младший.

Через две недели Николай заскочил вечером минут на пять. – Вот, батя, всё, что надо. Фамилия – Басаргина, преподавала французский. Муж, моряк-штурман, погиб в рейсе: несчастный случай. Две дочери замужние, три внучки. Все социально адаптированы. Никто не привлекался. Но я вправду удивлён, – повторил он, протягивая листочек бумаги с адресами почтовым, электронным и номерами телефонов.

– Тебе к лицу удивление, – заметил Карелин.

Прошло ещё две недели, но Карелин так ни на что и не решился...

Тем временем Анна Николаевна места себе не находила. Всё валилось из рук. И поговорить не с кем. Близкая со студенческих времён подруга живёт в другом городе. Не с внучкой же делиться этим. «А чем, этим?» – спрашивала она себя и не находила ответа. Не выдержав напряжения, позвонила Глаше. Глаша, в прошлом проводница в поездах дальнего следования, удивилась и обрадовано пригласила на чай с изумрудным вареньем, чувствуя, что у Нюрки (так она про себя называла Анну Николаевну) что-то невероятное произошло. Была Глаша доброй, не сплетницей, человеком, который за годы работы слышал множество откровений от разных людей.

Анна Николаевна принесла любимых конфет Глаши (она всегда запоминала такие

вот значимые «мелочи жизни»), та испекла фирменный быстрый вкуснящий пирог, который был из «топора» и назывался «Пирог для бедных». Понимая, что начать всегда трудно, достала вишнёвую наливку. Дома никого не было: кто в школе, кто на работе.

Расположились уютненько на кухне, и Анну Николаевну прорвало. Выслушав сбивчивый рассказ, Глаша произнесла – Завидую тебе, Николаевна! Это же подарок от Бога на оставшуюся жизнь. И какая вина? Перед кем? Все уже при деле. А он непременно объявится.

Долго пили чай: сначала с пирогом, потом с конфетами, потом с вареньем. Так они и скоротали времечко.

А на следующий день позвонил Карелин. Звонок был полной неожиданностью. Анна Николаевна помнила, что не сообщала номер своего телефона. Карелин смущённо пригласил её на вечернюю прогулку по свежевывапавшему, скорее всего недолгому, снегу. Подумав секунду-две, согласилась

– Буду ждать вас возле вашего дома через два часа, – отрапортовал Карелин, и связь прервалась.

Анна Николаевна растерянно взглянула на часы, потом в зеркало и покраснела.

Карелин положил трубку, выдохнул и посмотрел на Степаныча.

– Ну вот. А ты боялся, – сказал тот. – Не за горами Новый год, и мы с Галкой приглашаем тебя и её встретить вместе. И не где-нибудь, а в моем «родовом поместье», я отстраиваю его: старость близится.

– Так это же черт знает где! – вскричал Карелин.

– Дурак ты, Карел! Твой Боливар вывезет двоих. Выезжать, правда, рано надо. Там тишина, воздух, красота. Только не напугай, сумей уговорить.

– Разве я страшный?

– Нет. Ты одеревеневший. Или оловянный солдатик.

Карелин запустил в друга диванной подушкой.

– Созвон, – возвращая её на место, пропел Степаныч и, довольный, исчез.

В декабре темнеет рано. Поэтому соседка Анны Николаевны, смотревшая в окно, даже лбом стукнулась о стекло от удивления.

– И с кем это наша тихоня с третьего этажа пошла? Иди, погляди! – прокричала она мужу.

– А тебе дело какое?

– Как какое? С мужиком. Высокий, видный.

– Давно пора. Николаевна – женщина правильная. Хорошей женой Виталию была. Настоящая подруга моряка. Не то что другие некоторые, – прозвучало в ответ.

А они шли молча, вдыхая с удовольствием чуть морозный воздух. Карелин поддерживал Анну Николаевну под локоть – было скользко. Вдруг она резко остановилась, вглядываясь в пятачок света на противоположной стороне улицы.

– Внучка с каким-то мужчиной весело так беседует. Совсем ведь ребёнок ещё...

Карелин повернул голову и узнал Кольку.

– Не волнуйтесь. Он, конечно, шалопай, но ничего плохого девушке не сделает. Это мой старший сын. Если хотите, я поговорю с ним.

– Нет-нет! Сами разберутся. Я Анюте доверяю. – Анна Николаевна растерянно посмотрела в лицо Карелина. – Он не женат, надеюсь?

– Нет. И я нет.

– Это я уже поняла, – улыбнулась спутница.

Карелин смутился и от смущения без предисловий брякнул:

– Мне очень хочется встретить Новый год с вами в компании моего друга и его жены у них на даче. Не бойтесь. Не отказывайтесь, прошу вас.

Она остановилась, подобрала веточку, написала на снегу: «Согласна», и засмеялась – будто колокольчики зазвенели.

– Тогда ничему не удивляйтесь. Я позволю вечером накануне отъезда, не раньше.

– Отъезда? – удивилась Анна Николаевна.

– Не спрашивайте ни о чём – взмолился Карелин. Она потрогала пальчиком его

мгновенно взмокший лоб и промолчала. Они прошлись ещё немного и простились возле её дома.

В прихожей, не раздеваясь, она рухнула на скамеечку и долго растерянно молчала, разглядывая кляксу на обоях. «Что я делаю? Зачем мне это?» – думала она, но какая-то неподвластная воле сила уже увлекла её. Ночью во сне она шла и шла по тонкому льду, прогибающемуся под ногами.

Времени до Нового года было ещё достаточно, чтобы привести себя в порядок. Обычно её дочери с семьями собирались праздновать у неё. Теперь же Анна Николаевна позвонила и Кате, и Варе, сообщая, что хочет встретить праздник в компании своих друзей, но объяснить ничего не стала. Катерина, старшая, собрала всех по тревоге на семейный совет, где решено было послать на разведку Анюту, любимую бабушкину внучку.

Карелин тем временем озаботился состоянием своего автомобиля – не хотелось неожиданностей в пути. Степаныч уехал загодя, сказав, что они с женой ждать будут очень-очень. Маршрут Карелин знал, бывал в этой белорусской деревне не однажды.

Сыновья его жили вдвоём в двухкомнатной квартире. Кольке было уже 30, Лёньке 28, но семьями обзаводиться они не спешили. Как правило, в Новогоднюю ночь Колька спроваживал спокойного Лёньку к отцу. Но теперь вышел облом, отец уезжал куда-то и ключи забирал с собой.

– Разбирайтесь со своим бабьём где и как хотите. Здоровые мужики, а ни дом построить, ни дерево посадить. Внуки где? – отрезал он пришедшему в гости Лёньке. Сыновья изумились, но решили поглядеть, что дальше будет.

В воскресенье, дней за пять до Нового года, к Анне Николаевне заглянула Анюта. Повертев хорошенькой головкой, она нашла, что всё как обычно.

– Ну как ты? Что нового? – спросила бабушка.

– Да, ничего, всё как всегда, – лукаво улыбнулась Анюта. Увидев дорожную сумку, спросила: – Уезжаешь?

Анна Николаевна будто не слышала вопроса.

– Неужели ничего нового? Ухажёр ведь новый?

– Откуда ты знаешь, ба?

Они посмеялись и начали обсуждать предновогодние дела и хлопоты.

– Я люблю тебя, ба, – прощаясь, прошептала Анята. Матери же сказала, что ничего подозрительного не заметила. – Ну может же человек хоть раз за много лет провести время со старыми друзьями! – заключила она. Слово «старыми» успокоило мать и тётку. Дел было невпроворот, думать некогда. Пусть почудит бабуля, пошустрит в свои 58 лет.

Карелин позвонил 30 декабря в 18:00.

– Завтра в пять утра я буду ждать вас у вашего дома. Возьмите самое необходимое на два-три дня. Да, и оба паспорта захватите. Заграничный у вас в порядке? – он с облегчением вздохнул, услышав утвердительный ответ.

Собираясь, Анна Николаевна вопросов себе не задавала: её уже несло быстрое течение. К берегу ли?

Спала она плохо. В четыре прозвонил будильник. В пять часов десять минут она уже сидела в машине Карелина. Ехали быстро, останавливаясь лишь на границах в пунктах пропуска. Она не спрашивала, куда он везёт её, лишь улыбалась, подавая то бутерброд, то кофе из термоса.

Дом Юрки (Степаныча) приветливо светился окнами. На стук никто не откликнулся. В доме тоже никого не было. Сияла ёлка. На столе, покрытом старинной скатертью с вышивкой и кружевами, стоял самовар и лежала записка, придавленная ключами: «Карел! Извини: обстоятельства изменились. С праздником вас! Еда в холодильнике, дрова знаешь где, баня протоплена, соседи предупреждены. Соберётесь уезжать, ключи отдай соседке, Ольге Петровне. Отправьте мне и своим эсмэски и отключайте телефоны. С Богом!» Карелин обескураженно протянул записку Анне Николаевне, наблюдая реакцию. Она загадочно улыбнулась:

– Умыкнули, значит! Так давайте же готовить встречу Новому году: всего ничего осталось.

– Утром холодно станет, а я печку топить не умею, – уныло произнёс Карелин.

– Я умею. Я же деревенская и рано осиротела.

И они засуетились, собирая на стол, рассказывая наперебой друг другу о себе, боясь замолчать. Потом он ушёл в баню. а она только слегка умылась в кухне, раскопчегарила затухающую печку и села на чурбачок, глядя на пляшущие языки пламени. Войдя, он примостился рядом.

– Несите же шампанское, сейчас Новый год войдёт.

Так, сидя на чурбачках, они и встретили незнакомца.

Последовавшую неловкость прервала она, положив голову на его плечо. – Не волнуйся так, Саша! Нет ни прошлого, ни будущего. Слышишь, только снег шуршит по оконному стеклу. Это наше время пошло. Только наше, сколько бы его ни было.

Благодарный, он крепко сжал её хрупкие плечи.

Влюблённые не помнили, как прошли ночь, день, ещё ночь. Не знали, спали или нет, ели ли. Помнили только, как 1 января утром выбежали во двор побросаться снежками. Под утро второй ночи провалились в сон. Карелину приснилось, что Анна ушла в лес и не возвращается. Он вскочил в ужасе. В тишине, полумраке на него смотрели внимательные большие серые глаза:

– Здравствуй, Саша!

– А твоё имя Ая, – ответил он. – Почему?

– Когда ты рассказываешь о своих, мне всё время хочется вскричать: «А я?» Но теперь они все ведь наши?!

Завтра надо было уезжать. Прибирались в доме, снова говорили много, наперебой.

– Спасибо за сказку, Саша!

Он посерьёзнёл

– Ая! Я не воспринимаю эти модные «гражданские браки», «серьёзные отношения» без ответственности. Выходи за меня. Ты – родная. Всё бытовое я решу: никто не

пострадает. Только отвечай сразу: да или нет.

– И она ответила «да», и испугалась своего ответа.

Карелин вышел расчистить дорожку, набрал Степаныча.

– Слушай, Юрка! У тебя там в загсе кто-то есть. Поговори, чтоб расписали без испытательных сроков. И избушку мне надо купить; да, хоть на курьих ножках. Поможешь?

– Ого! Какая прыть! Галка изнывает от нетерпения познакомиться.

– Позже, – отрезал Карелин.

Вечером они с Аей вышли прогуляться, зашли в церковь. Ещё длился Рождественский пост, но всё здесь уже дышало предощущением чудесного праздника.

В эту ночь его лихорадка утихла, и он был бесконечно нежен с нею.

– Так не бывает, – всё шептала она, окутываясь его любовью.

Вечером следующего дня они вернулись каждый в свой дом.

– Будь наготове, Ая. Ты не передумала?

Она покачала головой и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала ямочку на его подбородке.

Карелин не давал о себе знать несколько дней. Анна Николаевна не тревожилась в безграничном доверии к этому словно с неба упавшему человеку. А ведь они жили много лет в одном городе, не подозревая о существовании друг друга. Значит, так надо было.

К Карелину тем временем прилетел Степаныч:

– Да ты помолодел, Карел! Ладно-ладно, молчу. В загсе договорился на 10 января.

– А я нашёл избушку на самом краю города, вернее, половину довоенной избушки. Денег хватило. Небольшой ремонт нужен

– Ну, это не проблема. Бросим ключи среди своих!

«Свои» откликнулись мгновенно:

– Карел! И женится? Ну-ну, – приводили в порядок комнату, кухню, подвал, чердак, разыскивали мебель времён своей молодости.

Обитатели второй половины дома (молодая семья с близняшками) диву давались: и чего это старпёры рухлядь таскают и ещё веселятся. Степаныч быстро нашёл с ними общий язык, и они тоже заулыбались. У крыльца росла старая яблоня, и был небольшой клочок земли. Под цветы – решили все.

– Свадьбы не будет, – отрезал Карелин. – Пригласим на новоселье.

Вечером 9 января Карелин пришёл к Ае домой, достал из недр своей куртки букетик незабудок-сухоцветов, восхитивших её, и сказал, что завтра утром они распишутся и поселятся на новом месте. Вдвоём. И ни у кого ничего не отберут. Её большие глаза сделались огромными. Он не остался, только долго целовал её у порога, будто боялся отпустить.

В одиннадцать часов утра 10 января Карелин бережно взял её руку и надел на безымянный палец тоненькое колечко чёрнёного серебра.

– Ну вот: теперь ты Ая Карелина. Поехали домой, жена! – не без волнения вымолвил он.

Новый дом ей сразу понравился, словно в молодость вернулась.

– Я так боялась, что ты привезёшь меня в металлопластиковый «рай»! А здесь полы деревянные, рамы тоже – дышит всё.

Он облегчённо вздохнул.

Стали готовиться к новоселью в старый Новый год (смеялись: только у нас в стране не понимают, что такое старый Новый год). Ждали всех детей, его друзей с жёнами и Глашу. Между тем дети переполошились: старушка замуж вышла. За кого? Старик женился, сбрендил совсем. А что будет с жильём?

– Время покажет, – важно проговорила Аня. – Я тоже скоро выйду замуж.

– Школу окончи сначала, – заметила мама.

– Вот окончу и выйду. Бабушка вас с тёткой Варей студенткой родила и ничего. А я не смею, что ли?

Взрослые посмеялись. Они ещё не догадывались, что Аня говорит серьёзно.

Накануне новоселья Анна Николаевна разволновалась.

– Да ты дрожишь вся. Температура? – встревожился Карелин.

– Нет. Просто страшно отчего-то.

– Обойдется. Юрка всех «построит», потом рассадит и всё популярно объяснит. Он с молодости такой. Поэтому и зовём – Степаныч.

Так и случилось. Было тепло и весело. Катя с Варей и внучки Анюта, Вероника и Ангелина исподтишка разглядывали Карелина и убранство домика. Колька и Юркина Галка пялились во все глаза на Анну Николаевну, что забавляло её, а Лёнька приглядывался к Веронике. Глаша (Глафира Порфирьевна – так отрекомендовалась она) ухаживала за гостями, подливая, подкладывая, незаметно убирая лишнее. Ушла она первой, пожелав хозяевам добра и счастья. За ней потянулись и остальные.

– Красивая. И седина её не старит, – ревниво поделилась Галина с мужем. Степаныч только легонько щёлкнул её по носу.

А Карелины, проводив всех, со следующего дня стали налаживать быт в совсем своём доме, потихоньку успокаивая обескураженных детей.

И всё бы хорошо, но с приходом весны Ая занемогла.

– Ты всегда будешь со мной, Саша? – спросила мужа.

– Я всегда буду только с тобой, – успокоил Анну Александр. Но в душе его поселилась незваной гостьей грусть: он стал замечать, что Ая похудела, будто тает, как Снегурочка.

– Просто молодею, – отмахивалась она, а сама уже знала про свою четвертую стадию рака, про отказ от лечения и с ужасом ждала начала нестерпимых болей.

Первыми догадались дочери: Катя – врач, Варя – медсестра. «Знает ли он?» – мучились вопросом, потому что ОН сёстрам понравился.

Карелин догадался сам, но скрывал от Аи свои догадки. Поделиться Карелин мог только со Степанычем. Тот лишь беспомощно кричал в ответ. В начале апреля Ая слегла. Катя «закрыла» все вопросы, связанные с паллиативной помощью. Ухаживал Карелин сам, никого не подпускал. С работой пришлось проститься, и с его уходом все друзья тоже разбредлись.

Приходила навестить Глаша. Однажды она принесла какой-то чудодейственный травяной сбор. Заварили чай: Ае стало легче.

Карелин вышел на крыльцо посмотреть, нельзя ли вынести Аю подышать, прикинули бы вдвоём, где и какие посадить цветы. В небе, курлыкая, летели к северу журавли. Он вспомнил, как когда-то давно сердитая цыганка прокричала ему, что он умрёт, когда прилетят журавли. «Ну, вот и заканчивается моя жизнь», – подумалось ему...

...Прошёл год. После похорон Карелин стал походить на старое дерево у крыльца. Жил он вдвоём с прибившимся котом Укусом, получившим кличку за вечно недовольную морду. Работал теперь охранником в храме, который любила Ая (правда, это называлось не «работа», а «послушание»). Изредка по скайпу связывался с «родовым поместьем» Степаныча.

Николай женился на студентке Анюте. Жили они в Аечкиной квартире, собирались подарить Карелину внука. Программист Лёнька перебрался в его однушку. А двушку брата сдавали в аренду: жизнь теперь непростая. А когда она лёгкой была? Каждое время преподносит свои трудности.

Летом Карелин обрабатывал Аечкину дачку и под руководством Глафиры делал заготовки для семей своих вечно занятых четверых детей. По вечерам они с Глашей усаживались каждый на своём крылечке и, размышляя о разном, согласно затягивали песню:

*Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии сверкали...*

Владимир Гуляев

Барнаул

«Штрихи к портрету» сибиряков

*(К 90-летию В. М. Шукшина)
Экскурс по рассказам*

«Сельские жители» – это «Светлые души». Потому-то я и «Выбираю деревню на жительство», где даже имея денег в кармане в сумме «Ноль-ноль целых», но чистое и доброе «Внутреннее содержание», можно надеяться на то, что «Земляки», а они ведь не «Чужие» совсем, всегда помогут и согреют в «Далёкие зимние вечера», пригласив к себе в гости, и скажут тебе запросто:

– У человека всегда должна быть «Крыша над головой», а иначе как же! Должна быть нормальная крыша нормального дома, а не просто, чтобы переспать абы как «Ночью в бойлерной».

А потом заведут за чашкой крепкого душистого травяного чая «Беседы при ясной луне», потому что они – люди, а не «Волки» какие-нибудь! И не «Демагоги» они, хотя и «Критики» всего происходящего отменные. А вот «Думы» у них завсегда о родной земле-кормилице, да о Родине, от того и «Крепкий мужик» у нас на Алтае, закалённый! И «Мнение» на жизнь он

имеет своё и рассуждение, а не просто так: «Верую!» и всё тут! А уж коли держат они у себя дома «Змеинный яд», так только для лечения суставов да хвори разной.

И если вдруг ни с того ни с сего будет «Дождь на заре» – сибиряки тебя из дома не отпустят, сказав вслед:

– Иди себе далее, «Залётный»!

А оставят в доме непогоду переждать. А чтобы не скучно было непогоду переждать-то, они зачитают какое-нибудь «Письмо», что написал совсем незнакомый тебе чей-то там «Свояк Сергей Сергеевич». А потом они, уже с простотой душевной, расскажут давно уже всем известную загадку про то, «Как мужик переправлял через реку волка, козу и капусту», смеясь и радуясь при этом, как будто эта история про них и была написана.

А если завернёт к ним какой-нибудь «Начальник» «Приезжий»: ну, допустим, новоявленный да молодой «Генерал Малафейкин», так они вначале выслушают его внимательно, подивятся на речи его длинные да на «Ораторский приём», послушают разные байки про «Космос, нервную систему и шмат сала» да про «Мечты» вселенские, ну и спросят потом этого лектора со всей своей сибирской простотой:

– А вот где она «Правда»-то? Вот вы говорите, что живут там где-то хорошо, даже здорово живут! А ведь и нам на земле-то своей, в деревне нашей тоже «Охота жить»! Вот ответьте-ка нам, мил человек?

И что же получится-то в конечном итоге от этой встречи-беседы, что останется-то на памяти у людей?

Да ничего!

Одни только разговоры у сельчан, да ещё воспоминания о том ораторе на половину дня от силы всего-то. И вздохнут сельчане затем с горечью и досадой:

– Да, «Забуксовал» оратор! Вспотел «Рыжий», вот и уехал восвояси – «Чудик»! А чего да и зачем приезжал-то? И совсем непонятно!

«Пост скриптум» ко всему вышесказанному:

«Сильные идут дальше».

А по сему:

«Шире шаг, маэстро!»

и

«Привет Сивому!»

Кусочек сахара

...Он взял из кулька кусочек сахара.

Этот маленький белый кубик напоминал ему то, откуда он только что вернулся. Только в очень миниатюрном виде.

«Откуда» – это могло быть сном.

А может быть, и явь.

– Интересно. Как здорово похож! Почему я раньше не увидел это и странно, что даже не задумывался об этом? А всё так просто и гениально.

В абсолютной темноте было совсем не страшно, а просто происходило всё как-то необычно, и только: она обволакивала и даже ощущалась мягкой, лёгкой и бесконечной. Он в ней не летел, а вроде бы «купался».

Нет, не то слово.

Не купался, а просто лежал расслабленный и спокойный. Хотя при этом казалось, что он движется куда-то вперёд с большой скоростью, но в то же время медленно. Медленно, потому что он чувствовал очень лёгкое прикосновение воздуха, а ощущение быстроты полёта просто было, как «знание стремительного движения».

Пальцами правой руки попробовал потрогать кончик носа. На месте. Значит, жив.

Впереди появилась какая-то белая точка и начала стремительно расти. Нет, она не росла, а приближалась, закрывая собой темноту.

Куб!

Белый, иссиня-белый. Куб приближался, покачиваясь как мяч на морских волнах.

Странно было в этой чёрной пустоте встретить что-то, не говоря уже о странности нахождения здесь его самого. Вначале поверхности куба показались сплошными, но по мере его приближения на них стали видны ровные круглые отверстия, находящиеся на одинаковом расстоянии друг от друга и уходящие в глубь этого огромного предмета. Но в них была одна странность – они не имели теней.

Ни одной малейшей тени!

Просто белые и ровные отверстия – цилиндры с бесконечным количеством белых и ровных отверстий – цилиндров, каждый внутри каждого.

Его внесло в одно из них, и он начал по нему стремительное движение то ли вверх, то ли вниз: просто ощущение верха и низа не существовало, оно исчезло.

Затем началось замедление.

А может, показалось.

Внезапно он «впал» в помещение, состоящее из мириад отверстий, посреди которого висел стол белого цвета. На столе лежал... кулёк с кубиками сахара-рафинада...

Он взял из кулька кусочек сахара.

Этот маленький белый кубик напоминал ему то, откуда он только что вернулся. Только в очень миниатюрном виде.

«Откуда» – это могло быть сном.

А может быть, и явь.

– Интересно. Как здорово похож! Почему я раньше не увидел это и странно, что даже не задумывался об этом? А всё так просто и гениально...

Александр Коломийцев

Зональное, Алтайский край

Агафья

(Продолжение. Начало в № 3/2020)

Фёдор заочно закончил физкультурный факультет и работал тренером в детско-юношеской спортивной школе. Здоровье его восстановилось, но о байдарках пришлось забыть. Своего единственного малыша супруги назвали Петей. Жили легко и весело. Фёдор был горазд на причуды и выдумки. Мог весной, утопая по колено в мокром снегу, отправиться в лес за первыми фиалками для жены. Водил своих юных подопечных в походы в горы и на озёра. После путешествий превращал ванную комнату в фотолабораторию. Печатал уйму снимков, делал слайды на цветной гэдээровской фотоплёнке. Крупным его достижением было празднование пятилетия сына. Со временем данное происшествие иначе как со смехом и новыми подробностями не вспоминалось. Но поначалу было совсем не до смеха.

По случаю юбилейного дня рождения Фёдор повёл сына в ресторан. В ресторане

заказал всевозможных закусок и по двести граммов водки. Сынок по малолетству пил виноградный сок, любвеобильный папаша выпил свою долю, сыновнюю, повторил. День рождения должен запомниться надолго. Фёдору в голову пришла великолепная идея. Влезши на эстраду, он запел песенку крокодила Гены. Работникам ресторана пение почему-то не понравилось. Завязалась перебранка, перешедшая в потасовку. Чадолубивого папашу отправили в вытрезвитель. Петруша, всеми забытый, сидел на стуле и горько плакал. Взбулгаченные происшествием официантки бросились утешать несчастного ребёнка, имевшего такого несуразного родителя. К счастью, пятилетний Петя затвердил наизусть домашний адрес и был препровождён под мамино крыло.

К мужниным выходкам и проделкам Агафья относилась терпимо. Поругивала, конечно, но не пилила и скандалов не устраивала. Фёдор любил жену по-настоящему, за что, она не знала, да и он не смог бы объяснить. Прожила Агафья с Фёдором двенадцать лет. Муж умер от рака лёгких. Сколько она себя корила за то, что вовремя не настояла показаться врачу. От всех уговоров Фёдор отмахивался, продолжал курить. На самопроизвольный сухой кашель не обращал внимания. Бесконечные простуды объяснял «купанием» на байдарке в ледяной воде горной реки. Дескать, что-то в его организме нарушилось, но ничего страшного. Когда начались боли в груди, кровохарканье, сделать ничего было нельзя. Время было упущено, и процесс зашёл слишком далеко. Что ни предпринимали (Агафья постаралась), ничего не помогало. Сгорел за полтора года. Эти полтора года были самыми тяжёлыми и мучительными в жизни Агафьи.

Когда Фёдор заканчивал свой жизненный путь, умами властвовал лучший колдун всех времён и народов. Отчаявшаяся женщина устраивала умирающего мужа перед экраном телевизора. Все попытки остановить болезнь были тщетны. Не помогли и «установки» великого мага и врачавателя. Начи-

налось последнее десятилетие уходящего тысячелетия. Денег не было. Работники бюро ритуальных услуг, надев на лица маски скорби и сочувствия, ломали несусветные цены. Агафья с ума сходила. Всё же извернувшись, похоронила по-человечески, тётка помогла. Через три года ушла и тётка.

В конце тысячелетия Агафья вышла замуж вновь. Второй муж был старше на десять лет. Как и Агафья, был вдовцом. Имел двух взрослых дочерей. Звали его Андрей Трофимович. Всю жизнь Андрей Трофимович работал «по снабжению», причём не кладовщиком или «завскладом», а занимал достаточно высокие и, главное, выгодные должности зама, затем заведующего базой. В перестройку и последующие годы остался на плаву и устроился на достойное и прибыльное место. Доходы его превышали даже достаточно высокую зарплату. Агафья не спрашивала, из какого «шкапчика» супруг берёт деньги. Деньги Андрею Трофимовичу были очень и очень нужны. Человеком он был не скупым, привык жить на широкую ногу. Страстью его были автомобили, которые менял едва ли не ежегодно. Он и жене купил автомашину с длинным названием – «Тойота Королла Спацио», и заставил выучиться водить. Дочери его привыкли жить, ни в чём себе не отказывая, так были приучены с детства. Отцовские доходы позволяли. Мужниных зарплат на все капризы не хватало, особенно у младшей. Старшего зятя Андрей Трофимович уважал. Тот служил в милиции, знал правила игры, всегда был при деньгах. Младшего откровенно презирал. Младший зять работал школьным учителем и, невзирая на уговоры жены и тестя, менять профессию отказывался. Тесть даже подобрал доходное местечко под своим покровительством – куда уж лучше, живи да радуйся. Но зять наотрез отказался. Несмотря на ссоры, дочь любила мужа и не разводилась с недотёпой. Это обстоятельство особенно раздражало отца. Её он жалел и делал подарки, что, в свою очередь, раздражало зятя, ущемляя его мужское самолюбие.

В быту Андрей Трофимович имел некоторые особенности. Не любил курильщиков, называя их «куряками». Любил борщ с помидорами и котлеты. Котлеты, по примеру некоего телегероя, любил величиной с мужскую ладонь. Ел их особым способом: клал пару штук в объёмистую миску с борщом. Кушал котлеты ложкой, со вкусом – с примочиванием и передыхами. Во время передыхов коротким мягким полотенцем вытирал пот со лба и шеи, вещал нравоучения. Причмокивание и нравоучения были неприятны, даже противны Петруше и выводили из себя. Сын жены норовил есть в одиночку. Нравоучения касались многих: Петьки, подчинённых, политиков, телеведущих. Высказываемые мысли в большинстве были дельными и правильными, но их словно бы излагал не обыкновенный смертный Андрей Трофимович, а всеведующий наместник Бога на земле. Перед обедом принимал чарку настойки на корешках, а после устраивался на часок на диване для обеспечения хорошего пищеварения.

Агафья покуривала. В угоду мужу пришлось изменить привычки. Сигареты держала на работе, там же и курила. В конце рабочего дня тщательно чистила зубы, жевала ароматизированную резинку. Агафья не ссорилась с мужем. Перед Петрушей маячила армия, надо было платить за учёбу. Супруг мог устроить всё в лучшем виде. Он многое мог устроить, такой был человек.

Андрей Трофимович привык чувствовать себя хозяином и благодетелем. Окружающие его люди должны видеть в нём отца родного и быть ему кругом обязаны. Жена должна жить в его доме, есть его хлеб, признавать в нём главу, чьё слово нерушимо. При этом Андрей Трофимович не был тираном и деспотом, ни на первую жену, ни на вторую ни разу руку не поднял, не только не поднял, но даже презирал мужиков, поколачивающих своих жён. Эта его особенность в полной мере раскрылась после женитьбы. Ещё одна черта нового мужа огорошила Агафью. Запасливость Андрея Трофимовича, на взгляд нормального чело-

века, доходила до уродства. Проводя в доме генеральную уборку, Агафья обнаружила в чулане мешки со старой обувью и коробки с банками сгущёнки и тушёнки ещё советского производства. Что-либо выбрасывать супруг категорически запретил. В памяти ещё были живы голодные годы горбачёвщины и ельцинщины, когда пыльную перловку, на которую раньше и не смотрел никто, продавали по пресловутым талонам. Оказалось, некоторые люди обходились и без талонов.

С пасынком Андрей Трофимович не ладил. С первых дней Петя дерзил отчиму на каждом шагу. Отчим аж зубами скрипел. В свою очередь зло высмеивал Петрушу. Бывало, пережёвывая за обедом пропитанные борщом котлеты, донимал пасынка:

– Вот скажи, Петька, что ты за мужик? Да ты на мужика-то не похож. Волосья до плеч, на шее цепь, как у бабы. Музыка какую-то придурочную слушаешь.

Музыку Петя слушал громкую, в ушах гремело. Агафья, чтобы как-то утишить скандалы, купила сыну наушники. Несмотря на стычки, Андрей Трофимович «отмазал» пасынка от армии и поспособствовал поступлению в институт. Андрей Трофимович прямо не говорил, но не беспричинно считал, пасынок ему обязан и должен выказывать почтение и уважение. Молодое дарование полагало, что весь белый свет в чём-то провинился перед ним и обязан ему. На третьем курсе схлопотав от отчима подзатыльник, Петруша перешёл жить в материну квартиру.

Схлёст произошёл из-за посягательства Петра на святая святых. Глава семейства имел свою особую комнату, вход куда был строго воспрещён. На полу комнаты лежала шкура бурого медведя, собственноручно застреленного Андреем Трофимовичем. На кронштейне красовалось чучело глухаря. Стены украшали олени рога, тут же висели и ружья. У длинной стены стояла тахта, на которой почивал охотник. Петя, нарушив запрет, вошёл в комнату, снял со стены «берету» и вертикалку – «тозовку» штучного изготовления, и, разложив на тахте, при-

нялся рассматривать. Заскочивший домой в неурочное время Андрей Трофимович потерял дар речи. Дело закончилось грандиозным скандалом. Прикосновение чужих рук к его ружьям было равнозначно посягательству на его женщину.

Кроме автомобильной, в такой же степени Андреем Трофимовичем владела охотничья страсть. Охотился на пернатую, прыгающую, рогатую и прочую дичь. Новая жизнь открыла новые возможности. Имелся у оборотистого человека хорошо прикормленный и кругом ему обязанный доброжелатель. Угодливый и пронырливый человек устраивал для избранных местных и приезжих vip-персон раз-другой в год охоту на вертолёт, с отдыхом по полной программе. Андрей Трофимович выступал щедрым и заботливым хозяином. Однажды случилось несчастье, вертолёт врезался в вершину скалы. Погибли все, и экипаж, охотники. Один из чиновников был федерального уровня, посему для расследования причин аварии приезжал следователь из Москвы. Причину определили быстро – ошибка пилотов. Почему они согласились лететь в тумане, осталось неизвестным. Попутно вскрылись различные злоупотребления – использование вертолёт за счёт бюджетных средств, охота в межсезонье, добыча редких зверей, на которых охота вообще запрещена. Главным виновником определили Андрея Трофимовича, но в связи с его смертью к ответственности никого не привлекли. Несмотря на вскрывшиеся злоупотребления, похороны vip-персон организовали пышные, за счёт областного бюджета.

Справив девять дней, Агафья вернулась в свою квартиру. Она и не собиралась оставаться в мужнином доме. Падчерицы в силу своих воззрений вообразили иное. На девятидневных поминках дочери мужа повели себя мерзостно. Вначале едва ли не открытым текстом принялись гнать из дома вдову. Агафья была готова разреветься от обиды, никто не приструнил сестёр, друзья мужа посматривали на неё косо, подо-

зревая в чём-то нехорошем, и она уверила падчериц, что в этом доме задержалась из-за похорон и поминок, завтра же её здесь не будет. Старшая не уgomонилась, брюзжала о том, что некоторые хорошо устроились. И надо бы проверить, на чьё имя записана тойота. Оставив в покое мачеху, сёстры затеяли между собой свару из-за дома. Младшая предполагала перебраться в него, а старшая пускай забирает обе машины. (Кроме легковой иномарки Андрей Трофимович владел ещё «газелью».) Старшая требовала предварительной оценки и машин, и дома. Кроме недвижимости после Андрея Трофимовича имелся ещё счёт в банке. Ссора грозила перерасти в скандал. Мужья, как могли, утихомиривали супруг. Всё же победила старшая, доведя своими издёвками младшую до слёз.

– Ты что с этой доминой делать станешь? Прикинь, сколько за коммуналку платить придётся. Нешто зарплаты твоего учителя лишки хватит? Ты же сама в жизни дня не проработала. В полумойки идти придётся.

Гости сидели, потупив глаза, не расходились из-за обильного угощения и разлитого моря спиртного. Вдова не стала ждать утра, когда гости наконец разошлись, собрала свои вещи и уехала.

Агафья решила не претендовать на свою долю наследства, дабы не набраться позора из-за дележа, и держаться от мужниной семьи подальше. Сама мысль о том, что придётся таскаться на суды, с искривлённым злобой лицом, брызгая слюной, доказывать, что то-то и то-то нажито при совместной жизни и она имеет полное право, показалась ей мерзостной. Слава богу, она имеет собственную квартиру, приличную зарплату, а Петруша уже выучился.

Андрей Трофимович неоднократно рассуждал, что неплохо бы продать лишнюю квартиру. Двигало им не желание обогатиться за счёт жены, а неудовольствие, даже обида, что жена имеет свою собственность и в какой-то степени независима от него. Внутренний голос удержал её от прометчивого поступка. Сдавать внаём

не получалось. Бывало, квартира месяц пустовала, случалось и наоборот, за месяц и дня без жильцов не стояла. Действительно, квартира пустует, а люди, односельчане, почти родственники, будут на гостиницу тратиться или по углам мыкаться. Как-то не по-людски это. Как Петруша переселился, и разговора о сдаче в аренду не стало.

С работой у Петруши не ладилось. Больше полугодом на одном месте не засиживался. То начальство тупое и придирчивое, то зарплата маленькая. Перебрав едва ли не все предприятия и фирмы, укатил с институтским дружкой пытаться счастье в Новосибирск. Где и как устроился, матери толком не объяснял. Если та пробовала допытаться, злился. Говорил, устроился хорошо и прекрасно. Тем не менее периодически просил подкинуть тыщенок пять, а то и десять. Практически вся пенсия у Агафьи уходила на коммуналку и поддержку амбициозного сына.

По вечерам Агафья смотрела плазму «Панасоник». Плазма появилась благодаря щедротам Андрея Трофимовича. Агафья всячески отказывалась, но супруг настоял. Телевизор, бесконечные мелодрамы, Агафья смотрела полужёла на диване. Порой придрёмывала, и смысл фильма ускользал. Наплывали воспоминания. Безрадостные мысли растревляли жалость к себе. Всё хорошее, увлекательное, завлекательное уже прошло и не повторится. Петруша, единственная радость, на которого жизнь положила, столько переживала, души не чаяла, стал к ней абсолютно равнодушен. Оставалось доживать свой век в тоске и одиночестве.

Валентина Григорьевна, медсестра с диагностики внутренних органов, неделю ходила зарёванная, сама не своя. Сын, отслужив полсрока, был комиссован и вернулся домой инвалидом, искалеченный и физически, и психически. Агафья приходила в ужас от приближающегося Петрушиного призыва. Воображение едва не приводило её в ступор. Что ждёт сына в

армии – издевательства, унижения. Его искалечат, сломают, превратят в урода. Армия хуже тюрьмы, зоны, лагеря. Что угодно, только не армия. Агафья была на всё готова, лишь бы спасти сына от службы.

Любила ли она Андрея Трофимовича? Она его уважала и хорошо к нему относилась, но не более того. Супружеские обязанности исполняла исправно, но безрадостно. Хоть бы и вовсе их не было. Муж тоже страстности не проявлял. Возможно, у него завелась молоденькая горячая любовница и весь свой пыл он тратил на неё. Вполне в духе времени. «Большим» людям по статусу положено иметь молоденьких любовниц. Иначе не поймут и уважать перестанут. Агафья гнала от себя такие мысли. Главное, Андрей Трофимович избавил сына от армии и оплачивал его учёбу в институте. Сама бы Агафья не потянула.

Отношения с первым мужем были совсем иными. С Фёдором была страстность и нетерпение близости. Внутреннее чутьё говорило – Фёдя чувствует то же. В ответ на её любовь Фёдя дарил ей блаженство, растворявшее окружающий мир, время, пространство, что оставляло их вдвоём во всей вселенной.

Как-то она спросила:

– За что ты меня любишь? Я же не красавица, попросту дурнушка. Мамины подруги предрекали мне вечное девство, – добавила со смешком: – Наверное, за котлеты и беляши полюбил.

Фёдор протянул руку, взял со стола пельницу, поставил на одеяло. Прикурил сигарету, протянул ей, себе прикурил вторую.

– Котлеты, беляши у тебя знатные, нигде таких не ел. Много твои тётки понимают. Любящий мужчина видит возлюбленную совсем иначе, чем другие. Когда любят ни за что, просто потому что любят, это по-настоящему. Если любят за что-то, это рационализм. Любовь и рационализм – понятия несовместимые.

В отрочестве материны подруги, бывало, приговаривали, сокрушённо покачивая головами:

– И-и, Тимофеевна, кто такую нескладуху да конопатую, как твоя Ганька, замуж возьмёт? Быть ей вековухой. Ты её пошли учиться ремеслу какому-нибудь.

Агафья и «ремеслу» выучилась, и замуж вышла, и сына родила. Всё как-то само собой вышло.

Приезжали односельчанки, занимали Агафью разговорами. Последний раз она приезжала в родную деревню лет двадцать пять назад, но была в курсе всех новостей. Темы разговоров были однообразны, кто на ком женился, кто за кого замуж вышел, кто с кем просто так живёт. Агафья не знала молодёжь, поэтому следовали длительные уточнения, кто чей ребёнок или внук.

Пятидесятисемилетняя Люська, громко швыряя, сёрбая, хлебала из вместительной фаянсовой чашки чай с шанежками. Последние обмакивала в густую сметану. Трёхлитровую банку сметаны Люська привезла с собой. Эдакую в городе не купишь. Так она Агафье и объявила, выставляя банку из сумки на стол. Огрудневшее тело гостыи придавило стул, и тот жалобно поскрипывал при каждом её движении.

Люська приехала в больницу. Завтра Ганя поведёт по докторам, лабораториям, и Люська ощущала потребность говорить приятные слова хозяйке. Но бес противоречия тянул за язык и вынуждал подмечать недостатки, недочёты, имеющие место быть в самом ухоженном доме, в том числе и в Люськином.

– Загляденье у тебя квартира, не квартира – картинка. А вот чувствуется, нет в доме мужика. Кран над раковиной покапывает, – сообщила она между делом.

«Мужика» действительно не имелось. Телефон «мужика» с утра находился «вне зоны». Встревоженная мать ещё трижды набирала номер, но в ответ слышала всё тот же опротивевший голос о «зоне». Может, телефон давно отключился, Агафья не знала. Последний раз звонила три дня назад, но Петруша скороговоркой ответил, что

ему некогда, освободится, перезвонит сам, и с тех пор молчал.

Люську распирало желание поведать некую наиважнейшую новость, но она сдерживалась, смакуя её про себя, готовя напоследок, а пока сообщая пустячные.

– У Шабанихи беда с сынком, – сообщила, отодвигая на середину стола расписную чашку. Полное лицо её с дряблой неухоженной кожей, маленькими глазками-бусинками покрылось испариной, словно Люська подержала его над кипящим чайником. Тонкие губы сокрушённо поджались. – Двадцать семь лет парнище, нигде не работают, дома ничё не делает. Картошки рыли, и то не вышел, не помог. На диване полёживат, в телевизор пялится, да пойло своё проклятушке хлебает.

– Так ему мать зачем деньги на водку даёт? – воскликнула Агафья. – Сама виновата. Денег бы не давала, он бы и не пил.

– Она и не даёт. Кормить кормит, одеват. Вот, полушубок новый справила. Дак как же она родного сына из-за стола погонит?

– Ну, он же берёт откуда-то деньги. Не от сырости же они у него заводятся, – проговорила Агафья, думая о своём.

– Дак он хариузьёв ловит, – воскликнула Люська, словно Агафья должна знать такие простые вещи и по бестолковости не сообразила. – Ловит и продаёт, на те деньги пойло и покупат. Придёт с рыбалки, сколько-то штук кинет матери ущицу сварить, остальные на продажу.

– Так то летом, а зимой? – спросила Агафья, с усилием удерживая нить разговора.

– Дак он и летом, и зимой ловит. Всякие у него мушки, мышкы-мырмышкы. И местá и как ловить знат. Всё про рыбу знат.

«Ты-то откуда про мышкы-мырмышкы знаешь?» – подумала Агафья с потаённой усмешкой.

Всезнающая сплетница продолжала:

– Как пойдёт, полведра завсегда натакат. Да крупного ловит, какие по полкило вытянут. Уходит в потёмках, хоронится. Которые парнишки выслеживали, иде он ловит. Туда же кидали, толку никакого. Он

только посмеиватся. Особые у него мушки да мырмышкы, заговорённые, не иначе. Парни из чего только мушки не делали, из медвежьей шерсти, из красной шерсти, из зелёной, никогда столько не лавливали, как он. У них по десятку, от силы полтора, у него – поболее полведра. Нарыбачит и в запой. Шабаниха чо только не делала, и отварами поила, и заговоры говорила, и к бабке Спиридонихе ходила. Всё без толку, пьёт без просыпу.

Люська утёрлась полотенцем, встала из-за стола.

– Ух, напилась, наелась. Идём в залу, чо я тебе расскажу, чо расскажу.

Петруша всё не звонил. Сотня «а что если...» стайей свирепых серых хищников рвала материнское сердце.

Хозяйка послушно прошла за гостьей в гостиную. Та уселась на диванчике, откинувшись на спинку и вытянув ноги.

– Ох, я прям как барыня!

Взяв в руки телефон, Люська принялась названивать всем домашним по очереди, отдавая указания, без которых те не могли обойтись. Голос звучал громко, заполнив всю квартиру и вырываясь на лестничную площадку.

– Ты зачем так кричишь в телефон? – с некоторым недовольством спросила хозяйка. – Оглохнуть можно.

– Я всегда так разговариваю, – просто-душно ответила гостья.

Агафья включила телевизор.

– Ну у тебя и телевизор, во всю стену. Сидишь, как в кино. На хрена тебе такой? Электричества, наверное, прорву жрёт. Звук убавь или совсем выключи, – повелительно сказала гостья. – Ну его, меня послушай. У нас осенью прям Санта-Барбара приключилась. – Люська перешла на шёпот, словно кто-то мог подслушать её сплетни и жестоко наказать за них. Но шёпот получился громким и свистящим. – Настёнин Семён глаз положил на Чумаковскую Нюрку.

(Продолжение следует)

Ирина Курамшина

Москва

Бродяга

Остров обожал блуждать по водному пространству Планеты. Это было его любимейшим занятием. Недрами не корми, дай только волну попутную. Лёгкий на подъём, скорый на решения и не обременённый многовековой «корневой системой», он не имел привязанностей, так как был единственной твёрдой поверхностью над уровнем морей-океанов на Планете. И сама Планета, и её детище – Остров, были относительно молоды. Материк, частью которого когда-то был Остров, давно ушёл под воду, воспоминания о нём постепенно стёрлись из памяти Острова, и он очень бы удивился, узнав, что когда-то был маленькой частью огромного целого.

Островное население составляли пришельцы из соседней Галактики, с планеты Земля. Люди, как они себя именовали, попали на Остров случайно – их корабль заблудился в галактических мирах, приземлился на хрупкий в тот момент кусочек ближайшей суши да так и остался стоять проржавевшим напоминанием о далёкой Родине. С тех пор количество аборигенов достигло ста десяти тысяч с хвостиком особей. В основной массе это были добрей-

шие существа. Хотя среди них попадались и довольно редкие экземпляры, все как один – свободолюбивые бунтари. Именно их Остров почему-то любил больше остальных людей. Наверно, потому что сам имел похожий характер. Бунтари старались держаться особняком, сбивались в группы, а потом уходили бороздить океанские просторы. Отдельные отряды промышляли пиратством, но таким безобидным, что корсаров никто и всерьёз-то не воспринимал.

Люди, как это ни странно, считали Остров Материком. Ведь они попали на Планету значительно позже катаклизмов, приведших к уходу Материка в глубины Океана. На их Планете Земля блуждающие острова, а тем более материка были редчайшим исключением. Поверить в Планету без материковой части они никак не могли, потому просто приняли как должное странности твёрдой части своей новой Родины, свыклись с этими странностями и зачастую не обращали на них внимания. Подумаешь, сегодня солнышко взошло здесь, а завтра чуть в стороне. Ничего удивительного. И не такое случается в Галактике.

Народ жил рыбным промыслом, земледелием и скотоводством. Ни войн, ни каких-либо серьёзных раздоров с тех пор, как люди поселились здесь, не происходило. Атмосфера на всей территории Острова благоприятствовала приумножению населения и процветанию благополучия. Человечество с трепетом и вниманием относилось к окружающему их миру, и Остров ценил эту людскую заботу о нём. Энергия его бурлила шумными горными водопадами и изливалась горячими целебными источниками. Возможно, она и толкала Остров на авантюры и приключения. Короче, Остров слыл озорным и непредсказуемым шутни-

ком. Мореплаватели вечно ворчали и ругали озорника. Ещё бы! Морские карты переписывались по несколько раз в год, систему координат тоже приходилось то и дело менять. Рыбаки, те вообще организовали профсоюз, чтобы хоть как-то, но обязательно цивилизованно повлиять на непостоянство своего большого общего дома. Из-за непредсказуемого характера Острова у рыбаков не прекращались неприятности. Утром выйдут в море-океан, рыбы наловят столько, что лодки под вечер еле ползут под тяжестью. Возвращаются, а Острова-то и нет на месте, как нет и нажитого скарба, и жён с детьми, и домашних животных. Ищи-свищи его. Однако привычка – дело житейское. Плюс врождённое дружелюбие. Погорюют рыбаки, погорюют и приступают к поискам. Рано или поздно, но... чаще сам Остров спешил на выручку. Ведь он был скорее ответственным, чем безалаберным. Да и радиус его блужданий составлял не более двух километров.

Но однажды случилось нечто неожиданное. Остров несколько притомился от странствий и решил повременить с бродяжничеством. Выбрал место среди Океана – удобное для своего населения, в первую очередь, для рыбаков, и остановился. Одним словом – «бросил якорь». Тем более что за время своего существования он основательно разросся и вширь, и ввысь, и вглубь. Нижняя его часть потяжелела настолько, что сниматься с места, как раньше, и отправляться на прогулки становилось всё проблематичнее.

А незадолго до этого на Материке, скрытом многокилометровым слоем воды, начались необратимые процессы, благо-

приятствующие его «выныриванию» из просторов Океана. Но Остров-то об этом даже не подозревал. Именно во время своего длительного отдыха в один прекрасный день он не ощутил привычной свободы. Чувство было таким, как будто к его нижней части что-то прицепилось, сковало, стянуло клещами-щупальцами и как магнит тянуло вниз всё сильнее и сильнее. И появилось острое, не проходящее желание оторваться от этого магнита, взмыть вверх. Сила родительского объятия Материка явно не пришлась по нраву независимому бродяге, он сопротивлялся, как мог. Но... отческая хватка не ослабевала, и в конце концов со свободой Острову пришлось расстаться и подчиниться старшинству.

Через много-много лет, через века, а, может, и больше Остров превратился в центр Материка и стал его самой высокой точкой, главным маяком и важной достопримечательностью. Со своей вершины, которая терялась в облаках, он снисходительно наблюдал за малюсенькими отщепенцами-островками, которые были разбросаны по всему Океану до самого горизонта. Нет, он не завидовал братьям, бывший Остров был выше подобных примитивных чувств. Но порой нечто запоздало-щемящее, против его воли и только по своему хотению... раскаляло внутренности так, что гейзеры начинали бить с утроенной силой, водопады ускоряли свой и без того бешеный бег, а реки выходили из берегов совсем не по сезону.

Люди в таких случаях, вспоминая старинные сказки и мифы, говорили, глядя почему-то на небо:

– Ничего не поделаешь... стихийное бедствие... почти, как на Земле...

Наталья Султанбей

Воркута

Зарисовка

«Может, тебе нужен ключ, чтобы понять меня, но я уже, как будто, дал тебе пять ключей, а ты ни одного не вернула».

Этим утром я гадала на картах. Правда, географических. Завтра погадаю на звездах, в другой день на дороге, а затем на клубничном коктейле. Кто сказал, что лишь кофе умеет говорить правду?..

Это не сказка, но без ведьмы не обошлось. Потомственной, со взбалмошными волосами, скверным характером и чайным сервизом в сундуке древностей. На нем много замков. Внутри столько же хлама. Чашки в пыли, блюда с выцветшим от времени узором, какие-то минералы, дешевые украшения, старинная книга неизвестных рецептов, стопки прочитанных писем. Сверху шаль паутины.

Казалось, сундук был старше мира, и это было возможно. Ведь мир же должен был где-то храниться до своего появления? Просто ведьма его достала, стряхнула от пыли, пришила заплатки там, где моль сделала дыры и, может быть, постирала и явила мир миру.

Необъятное одеяло в большой колыбели.

Говорят, в сундуке было сердце ведуньи. Она его берегла для автора писем. Сервиз, кстати, тоже. И украшения. Хотела предстать перед ним колдуньей. Опасной, прекрасной, уверенной. Как будто и не ждала. Быть может, выдала бы ее только алая юбка, бубенцы на подоле которой не могли стихнуть. Все рассказывали бы, как металась хозяйка, надеялась и волновалась. Ведь за горизонтом, где океан касается неба и не миллиметром дальше, возвращался домой капитан. Со связкой ключей. Конечно, от замков сундука...

Ведьма знала все тайны, тоже гадала, по ночам пела песни и танцевала с огнем. Сушила травы, варила зелья, думала все о нем. Капитан не вернулся, забыл о ключах, только в прощальных письмах упрекал ее в мелочах.

Сердце билось на дне открытого сундука, только о том, что не надо ключей не знала она.

Этим утром я гадала на чашке. Из сервиза осталась одна. Все, что забыли, достала со дна сундука. Вместо писем пустые листы, вместо сердца сломанные ключи.

Юрий Табашников

Барнаул

Софиевка

(Очерк)

Не так далеко от города Умани находится знаменитая Софиевка, считавшаяся некогда чудом Украины.

До 1796 года на месте, где был разбит сказочный парк, находилась настоящая пустошь, с гранитными глыбами, обильно разбросанными по берегу ручья КАМЕНКА. Природа щедро наделила небольшой кусочек суши множеством удивительно красивых ландшафтов – из-под глыб били ручьи, а лесные поросли не являли собой непроходимой чащи и были как будто намеренно кем-то посажены в относительном порядке в глубокой древности.

Под шумящими при дуновениях ветра дубравами уманьцы издавна совершали прогулки и устраивали гуляния. В ту пору, когда гайдамаки разорили Умань, бунтовщики похоронили под глыбами своих павших товарищей, а вместе с ними и многочисленные сокровища, бóльшая часть которых была найдена любопытными и предприимчивыми горожанами в более позднее время.

Польский граф Феликс Потоцкий, в 1796 году проезжавший по удивительно красивой местности, услышал намёк от своей жены Софии, что, дескать, вот где можно было бы разбить неплохой парк. Слова Софии глубоко запали в память графа и в... сердце, ведь без участия органа,

которому приписывают власть над чувствами, у него наверняка ничего не получилось бы. Феликс позвал к себе Мецеля, своего управляющего. По национальности немец, тот изъездил в своё время всю Европу и видел самые прекрасные сады – от парка в Тюильри до красивейших швейцарских местечек. Распорядившись, Потоцкий с женой уехал за границу, а неутомимый Мецель принялся за титанический труд. С соседних сёл согнали тысячи крестьян. Огромные деревья выкапывались с корнями и перевозились за сотни вёрст. Громадные глыбы перетаскивались и укладывались по приказу строителя, которым руководила одна мысль – скрыть труды человека удачным подражанием природы. Он преуспел в этом, однако, непосильный труд стоил жизни многим подневольным строителям. Говорят, что однажды один огромный камень сорвался с крепежей и раздавил больше сотни рабочих...

Работы производились в строжайшей тайне, и вот в 1800 году польский граф с женой вернулся в Умань. Множество дворян и сановников получили приглашение от него и явились в назначенный день. В день рождения графини длинная вереница карет отправилась на прогулку за город. Кучеры знали заранее, куда нужно было привезти гостей. Более трёхсот экипажей вереницей потянулись к Каменке. Внезапно вся длинная процессия попала в сказку. Роскошный парк совершенно стирал грань между реальностью и фантазией. Каскады, павильоны и искусственные водопады чередовались с громадными камнями. Внутри гротов, в глуши деревьев, в самых затаённых местах неожиданно открывались мраморные и бронзовые статуи. Красивые мостики переносили гостей из одного континента на другой – так обильно Мецель перемешал местные растения с завезёнными.

В тот день ошеломлённые и изумлённые гости и дали название парку – Софиевка, в честь жены графа, Софии Потоцкой.

Крестоносец

(Очерк)

Нахлынула грозной и мутной волной на Урал новая власть: по слову – народная, по составу – инородная, по замыслам – бесовская. Жадные и озлобленные люди, ничего общего с Россией не имевшие, грезившие мировым пожаром, захватили власть в столице и принялись сеять смерть и ужас по всей Святой Руси. Ненавидевшие всё русское, алчно открыли они рты на природные богатства, готовые перешагнуть через миллионы трупов и совершенно безразличные до истории и культуры оболваненного ими народа.

Нахлынула грозной и мутной волной на Урал новая власть и сразу показала свой звериный нор.

Поднялись поголовно казачьи станицы и изгнали супостата со своей земли. Вдохновляли на борьбу станичников зачастую КРЕСТОНОСЦЫ, старики семидесяти и восьмидесяти лет отроду. Сразвевающимися седыми длинными волосами, перепоясанными чёрными лентами, с восьмиконечными крестами, нашитыми на груди, с иконами в руках и пением псалмов шли они впереди казачьих цепей на рычащие пулемёты.

Тяжёлой оказалась борьба. Один за другим гибли крестоносцы. Падали, сражённые пулями, но даже лёжа, пуская кровавые пузыри, в которых лопались последние дыхания жизни, шептали они синеющими губами слова молитвы, прося ангелов-заступников защитить и ободрить их сыновей и внуков.

Вскоре осталось их совсем мало. И самым знаменитым среди подвижников слыл старик Кабаев, вместе со Скобелевым ещё ходивший в походы в Среднюю Азию. Ни пуля, ни осколок от снаряда не брали его.

Был он словно заговорённый. Однако чудесную силу, что получил свыше, дарил он и тем, кто оказался рядом, – защитникам Яика. Спокойно, под бешеным огнём пулемётов красных подъезжал на усталом коне, нисколько не прячась к шеренгам залёгших казаков, поднимал их и вёл за собой. Кто шёл за крестоносцем, знал, что минует его вражья пуля. Видели не раз чудо и красноармейцы и в ужасе бежали с позиций или же вскакивали на бруствер, высоко поднимая руки.

Шепталась молодёжь:

– Ему что, его убить не может, потому он с крестом ходит!

Но вот однажды, находясь в цепи наступающих казаков, пытающихся отбить Уральск у врага, увидел Кабаев, как рядом убило казака.

– У, проклятые! – ругнулся крестоносец, и тут же пуля с силой ударила его в одну ногу.

Секундой позже недалеко поразило насмерть другого казака, и вдруг стало страшно неустрашимому. Немедленно вторая пуля нашла его и попала во вторую ногу.

В конце Гражданской войны нелёгкая судьба занесла старика Кабаева в Крым. Видели его в Севастополе, проповедующего крестовый поход против большевиков на площадях и рынках города. Приказчики и мещане лишь стыдливо незаметно совали ему мелочь в руки, но присоединиться к боевым частям не желали. Так он и остался всеми узнаваемый в приморском городе до самого последнего момента, когда его захватили большевики. Где сгинул последний крестоносец – никому неизвестно.

Нахлынула грозной и мутной волной беда на Русь и поглотила её всю, без остатка.

Алексей Терентьев

Омск

Сказка про реку тихую да деву юную

Давным-давно это было. Прежних лесов позже, нынешних степей раньше. Было это в то время, когда лес и степь дружили да в мире и соседстве жили. На земле, изначально звавшейся Тартария, разные люди обитали. Вот в одном роде степном, что вместо жизни кочевой на земле осел да кормилицу стал возделывать, народились детки малые. А среди тех, кто с небес душами предков сошёл, пришла в тот род одна девочка. Столь красивая, что очи её звёздный свет затмевали, лик солнце смущал, кротость ветер буйный унимал. Принял счастливый отец дитя своё. Пред богами да пред людьми своей дочерью назвал. Имя ей нарёк Омь¹.

Праздник в том роду был, веселились люди, и сама природа вместе с ними счастлива была. Скот плодился, земля урожаем дарила, добротню жили, ни в чём беды не ведали. Были в том роду не только землепашцы, славился тот род и охотниками добрыми, потому и лесá, которые рядом были, свою дань людям исправно платили. Много вёсен прошло с той поры, как родилась в роду Омь, на руках обоих пальцев хватит времечко отметить. Красавицей расцвела, добротой душевной распустилась, помощницей отцу с матерью сделалась, старикам да родственникам утешением стала. Горького слова от неё люди не слышали, злобного вздоха боги не видели, подлости животного не чуяла.

Так бы и шла день за днём жизнь человеческая, да ведь и после ясного дня ночь тёмная приходит. Вот и в род человеческий беда пришла. А случилось это до того, как Омь изменилась. Да вот как это с ней произошло. После лета жаркого да урожая сытного собрались охотники в лес за добычей, за пушным зверем да за мясом неж-

ным. Много взяли: полно зверей набили, птицы напотрошили; всяк под грузом важным из лесу шёл, да, пока по тропинке из леса выходили, на логово волка набрели. Не простого волка тот дом был. Царя волка белого. Не утерпели охотники, всякий бы на их месте мимо прошёл да богам хвалу вознёс, что смог мимо живым пройти и беду от себя мудростью охотничьей отвести, а они будто ума лишились да друг перед дружкой загордились. Стали логово разорять да волка белого выкуривать. Выскочила из дома своего волчица со щенком малым в пасти. Кинулась мать отчаянная на людей, они и опешили, а сама – в кусты да за деревья прятаться. Взяли след её охотники, по пятам пошли, не уйти ей от стрелы меткой, как ни старалась горемычная. Только и смогла, что щенка в овраг тёмный, глубокий кинуть, да за собой охотников уводить с того места стала. Но от судьбы не уйдёшь, коли людская жадность поверх меры горит. Взяли охотники волчицу, шкуру сняли да усы подпалили, чтобы дух её не мстил славным добытчикам. С гордостью домой возвратились, да на гнев шамана натолкнулись. Ох и ругал он их, обвинял да карами от богов пугал, а они, знай, посмеиваются, мясо на солнышко вялиться отправляют.

Хоть и плакали жёны, пытаюсь у богов прощения вымолить, а беда уже случилась, не повернуть время вспять, не вернуть жизнь, шкуру на мясо не нарастить. Услыхала обо всём, Омь да к охотникам на их слова хвастливые подошла, всё как есть выслушала, а потом зорким взглядом их обвела да заметила, что щенка-то и нет нигде; в лес без слов поспешила, по следам охотников в него вошла да до берлоги волка белого без труда добралась. Стала она лес слушать и заметила, откуда плач шёл, туда и пошла. Не убоялась в овраг спуститься да щенка на свет белый вынула. Тайком его в дом пронесла, приласкав, накормила.

Так прошло три дня, из памяти людской та охота уже испарилась, а волчонок осмелел да ожил от ласки и тепла девы Омь. Подросла полная луна, на небо звёзды частые высыпали, да мир человеческий в сон окунулся, что в воды тёмные. Не спала только Омь, с волчонок на пригорке играя да ему вволю

¹ Омь (с тюркского) – тихая, спокойная.

порезвиться давая. Играла, да секрет строго охраняла, а как позади неё человек оказался, так понять и не смогла. А человек не простой, шкурой белого волка, что второй кожей, обряжен. Вот и говорит он ей: «Прогневили охотники рода твоего бога леса. Придёт беда на их голову. Ты, за то, что спасла да добром зло победить пыталась, со мной пойдёшь да беду от всего рода отведёшь».

Повернулся в сторону леса после слов таких и пошёл. Побежал вслед за ним щенок, белой шерстью в лучах полной луны играя да запахи ночные лоя, в них кутаясь, будто в объятьях ласковых родительских пребывая. Не смогла перечить Омь человеку, пошла с ним в лес да там и сгинула. С тех пор три весны пробежало, а её так и не нашли. Да только со света белого она не пропала, у чудных лесных людей оказалась, всякому искусству у них обучилась. А как время пришло – с ними попрощалась да посох резной, в подарок полученный, прихватила, домой возвращаться стала. А как пришла, так и сама беда приспела. Случилось так, что племя одно дикое по степи кочевало да на род наскочило, поживиться скотом и рабами захотело. Налетели они, словно туча чёрная, убили всех охотников, скрутили землешцев, в петли пастухов побросали. Стали дома грабить да жечь, горе всему живому нести да злу верно служить.

А в ту пору как раз к дому и Омь подоспела. Не радостью её земля родная встретила, горечью жжёною. Не словами добрыми, слезами горькими умывались дети с женами рода её мирного. Вот тогда-то и пригодилось ей ученье, вот тогда-то Омь тихая стала воином-заступником. Поднимала она посох тот резной, поднимала да над головушкой. И пошёл тот посох ворогов бить, будто мечом траву косить. Глядь-поглядь, только самые юркие на коней вскочили да в степь лошадей удалили, себе и им живот сохранили. Поклонились люди да словами добрыми заступницу встретили, а она мрачней тучи по земле своей ходит да вокруг себя мужей собирает, с ними совет держит. С теми, кто выжил после горя горького, чтобы слова её услышать. Собирались мужи да по слову её делали, мыслили да смётку проявляли, дерева в две бороздочки

глубокие тянули да жилы на том рвали. В ту сторонушку, в которую ворог путь держал, да в ту сторонушку, от которой ждать беды новой приходилось.

Собирались вороги тучей чёрной, да ещё большей. Тьмой стрел острых туча та ощерилась, огнём злым, что кровавыми всполохами, обрядилась да на землю мирную направилась. Поднималось солнышко после ночки звёздной, поднималось да от тучи, что землю накрыла, лучи на всё живое не пускало. Выходила Омь – заступница к тем бороздочкам да ко вражей туче, что за три дня виделась во степи вольной. Поднимала она посох резной да с силой в землю тот посох перед собой бросала. Уж она о сыру землю падала да чрез посох резной оборочивалась: не зверем лютым, не птицей вольной, не рыбой глупой, становилась она чистой да прозрачной водицей. В те борозды да в глубокие руки свои она протянула, улыбнулась роду-племени, что за ней стоял да на её подвиг великий дивился. Улыбнулась да в каплях искристых рассыпалась. Потекла река от края и до края. Тихая да спокойная. Омь-река. День текла, два текла, а как третий день настал да показалась сила вражья да туча чёрная, потемнела тут Омь-река, зашумела, силушку собирая, поднялась царица-волна да за ней другая. Поднялись повсюду волны, да волны выше леса стоячего да ниже облаков летящих, грозному супротивнику дорогу заступая. Шла туча, тьмой объятая, шла, чтобы жизнь отнять у людей добрых. Да на всякую силу тёмную завсегда найдётся силушка светлая, самой землёй вскормленная да солнышком обогретая, добром сердечным поднятая, памятью ясной возвращённая. Пришла пора, и настигла Омь-река ту силу чёрную. Всю как есть водой залила. Была туча чёрная – да вся в миг один сгинула. Потекла Омь вдаль тихая, водой журча, каплями на солнышке искрясь, жизнь даря да добрым людям наградой служа. Давным-давно это было. Превших лесов на земле той и в помине нет, степей раздольных и след простыл.

А Омь была, есть и будет. Река Омь течёт, тихо плещется заступница да жизни дарительница. Дедам прадеды о той реке Омь рассказывали, а мы ту сказку подхватывали.

Игорь Щепёткин

Томск

Прогулка в квадрате Z

*Цветок распускается, когда тебя вижу.
Ветерок шелестит в кроне тополя, когда тебя слышу.
Падаю в бездну, когда думаю о тебе.
В бездну лететь легко: «Какой простор, какая свобода в бесконечности!»
Лечу и распадаюсь на фрагменты.
Смотрю со стороны – вроде цельный человек, но стоит подойти ближе,
так близко, что и одежды не увидишь, – ничего цельного.
Всё разрывается и разлетается, как после Большого взрыва.
Как вновь собраться? Где найти центр притяжения,
куда полетят осколки моей внутренней галактики?
А может, я уже попал под действие гравитации и каждая частица
в жилах заставляет жить...
Когда я приближаюсь, то удаляюсь.
Когда удаляюсь – приближаюсь.*

Если вам приходилось путешествовать в полупустой пригородной маршрутке, то легко можете вообразить такую картину. Зима. Молодой человек в чёрном драповом пальто, занявший обтянутое потёртым дерматином сиденье у окна холодного автобуса № 18, едет в институт морфогенеза, на «Спутник». В руках держит пузатую литровую банку. Плотной закрытая полиэтиленовой крышкой стеклянная ёмкость наполнена жидкостью с абортальной тканью. Автобус покачивается на неровной дороге, и белые волокна ткани вращаются, образуя спиральную структуру.

На другом сидении ссутулился лысоватый мужчина в очках. Он занят чтением трёхмерной матрицы текста: «...Для оценки

самоподобной размерности морфофункциональных фрагментов может быть использован фрактальный анализ... Если размеры фрагментов кратны числам последовательности Фибоначчи: 1, 1, 2, 3, 5, то...» Размышляя над смыслом прочитанного и пытаясь уловить связь с тем, что происходит вокруг, пассажир сжал ладонь и приложил нижнюю сторону тёплого кулака к заиндевевшему окну, на стекле образовалась замысловатая проталинка. Рядом с отпечатком несколько раз коснулся подушечкой большого пальца. Получилось нечто, похожее на след детской ступни.

Автобус продолжает двигаться вдоль леса. Параллельно дороге, под яркими фонарями проложена лыжня, по ней скользят

силуэты одиноких любителей лыжных прогулок. Я и сам был бы не прочь прокатиться по этой волшебной трассе. Как вы, наверное, уже догадались, один из пассажиров подобен мне.

Кондуктор, женщина в пуховом платке, задумчиво смотрит на мелькающие за окном вершины сосен. На груди – кожаная сумка с рулоном билетов, а позади – крылья. Видимо, перекрёстный свет создал такие причудливые тени.

Под шум колёс веки смыкаются, и на плечах у водителя я вижу голову-куб. Из куба, как из прожектора, льётся свет, выхватывая на ходу стволы деревьев. Они отбрасывают на бирюзовый снег непрерывный штрихкод. Это создаёт иллюзию движения. На самом же деле все изменения в этом веке уже закончились. Остались только другие формы состояния. Вспоминаю, как летом шёл по тайге.

В одиннадцатом часу вечера, после тяжёлого перехода через заросший карликовой берёзкой торфяник, я наконец решил немного отдохнуть и свериться с картой. В этом месте экспедиционная тропа шла вдоль подножия холма, на горизонте высился кряж. Ковёр ягеля серебрился в холодных лучах полной луны. Я подошёл к курумнику, достал карту местности и, чтобы перевязать растрепавшиеся оунчи, устало поставил ногу на выступ большого валуна. Другие камни вокруг были около трёх-пяти сантиметров в диаметре. Не успев наклониться, боковым зрением слева увидел *его*. Метеор летел сквозь тёмное пространство ночи. «Вот сейчас догорит и исчезнет», – мелькнула мысль. Но чем ближе он становился, тем ярче горел и тем медленнее падал. Я был очарован и не успел загадать желание, как делал в юности. Спустя секунду он бесшумно приземлился на россыпь камней, словно это был не метеорит, а первая ступень ракеты.

Я поднял оплавленное горячее тело размером с перепелиное яйцо и с минуту разглядывал фиолетовые прожилки на слегка бугристой поверхности с вкраплениями ка-

ких-то частиц. От него шёл сильный жар, но ладонь не чувствовала боли. Помедлив, положил его на землю. Ожога на руке не было. Я закрыл глаза, а когда снова посмотрел на эту россыпь, то понял, что уже не смогу отличить пришельца от остальных таких же тёмно-серых камней.

Способность мыслить наконец вернулась, и я забеспокоился: «Меня могут дисквалифицировать и запретить работать в квадрате Z». Образец не был взят. Было совершенно очевидно, что я не готов к своей миссии.

Подтянув лямки рюкзака, продолжил путь на запад. Над болотом с замшелыми и покосившимися елями поднималась огромная луна, и звёзды одна за другой зажигались на небосклоне.

Так я шёл и наслаждался красотой местности, но вскоре осознал, что уже давно не встречаются затёсы, что я иду по звериной тропе. Деревья плотно склонились, приходилось ступать на ощупь. Я достал фонарик, который всегда ношу в маршрутах с тех пор, как однажды ночью спускался вдоль водопада и освещал путь свечой. Вдруг в ближайшем ельнике раздался треск сломанной ветки. Луч фонарика выхватил два красных уголька. Меж тонких елей стоял олень. Затаив дыхание, я вернулся на тропу, которая через сто метров привела к небольшому озеру – видно, звери по ней ходили к водопою. Лес расступился, и, хотя луна здесь светила ярко, благоразумнее было начать поиски пути утром.

Я поставил палатку и развёл огонь. Сухие сосновые ветки горели жарко. Ветра не было, искры пунктирными змейками взмывали навстречу звёздам Летнего треугольника. Названия рассыпанных на огромном небе созвездий вспоминались сами собой. Костёр неумолимо догорал, но идти в палатку не хотелось. Расстелив спальник рядом с тлеющими углями, нырнул в него и торопливо уснул. Сквозь сон доносились какие-то шорохи, вздохи и чавканье, но я был не в состоянии открыть глаза и проспал до рассвета.

Наутро решил осмотреть окрестности. Озеро было овальной формы, с земляным валом по краю. К лесу спускались сиреневые заросли иван-чая, какие бывают только после пожара. И правда, кора деревьев была обгорелой, а некоторые лиственницы повалены в направлении от водоёма. На секунду представил себе грохот падающих стволов. Несмотря на обилие комаров, быстро сбросил одежду и вошёл в воду. Внезапно из-за коряги выплыл чёрный лебедь с грациозно изогнутой шеей, разогнался несколькими взмахами и с трубным криком взлетел над низкорослым лесом. Я покачал головой. Сердце работало ровно, как будто это был обычный случай.

Я пошёл мелкими шажками дальше, руками раздвигая воду, которая уже подступила к подбородку. Вскоре ступнями ощутил, что дно круто обрывается. От обилия гуминовых кислот вода была похожа на крепко заваренный чай. Пришлось согласиться, что без специального оборудования, взятия проб грунта и придонных сапропелей ответить на вопрос о карстовом или ином происхождении водоёма не удастся.

С лёгкостью я взобрался на высокую старую сосну. Во все стороны на десятки километров раскинулась девственная тайга. На западе возвышалась гора. Перед горой, в долине, должна быть река... Вдруг по соседней ветке прошмыгнула белочка и на мгновение коснулась моего затылка рыжим хвостом. От неожиданности я потерял равновесие, но чудом удержался. Белка зацокала где-то в кроне, выражая раздражение от непрошенного визита. Пожелав ей счастья, я осторожно слез и только стал на землю, как обнаружил на соседнем дереве старый затёс – впереди по сухому бугру пролегла эвенкийская тропа. Я вздохнул с облегчением, собрал вещи в рюкзак и почти бегом пошёл по тропе, оставив на стоянке лишь пепел костра.

Через несколько часов вышел к реке, о красоте которой сложено много хвалебных песен. Рядом виднелась переправа вброд по

перекатам. От берега навстречу шли четверо крепких мужчин в мокрых штормовках и несли паланкин, сделанный из тонких стволов молодых сосен. На носилках сидела Ганна. Длинные пальцы девушки сжимали мундштук, и когда она приподнимала руку с дымящей сигаретой к тонким полуоткрытым губам, рукав ветровки приспускался, обнажая предплечье с татуировкой – то был знакомый мне фрактал Мандельброта.

Я заменил одного из носильщиков. Носилки были шире тропы, и наши ноги ступали по кустам. Иногда один из нас проваливался по колено в торфяник, и тогда остальным приходилось приседать, чтобы сохранить рукотворный паланкин в горизонтальном положении. Моросил дождь. Полтора километра до базы мы прошли за три часа, то и дело останавливаясь для смены и передышек.

Вертолёт вызвали по радию. К вечеру он повис над болотом, разгоняя тучи обложного дождя. Скрывая волнение, Ганна улыбнулась – полёт пройдёт над бездной Большой котловины. Придерживая руками полы пурпурной шляпы, девушка исчезла в люке железной птицы. Я передал второму пилоту мешок с образцами и стал поодаль. Ветки багульника с белыми цветками бешено качались на ветру. Вертолёт приподнялся, и мощный поток ветра опрокинул моё тело навзничь, будто оно было вырезано из бумаги. Я упал в объятия сфагнового мха, а облака продолжали плыть, как в немом кино.

Так я долго лежал, пока не заметил обыкновенного богомола. Он смешно и быстро поворачивал треугольную голову набок, – должно быть, проверял, смотрю ли я на него. Я перевернулся и неожиданно для себя стал повторять: «Богомол, я тебя люблю, а ты, зелёная гора, прекрасна!» Природа замерла под моё бормотание. Мгла рассеялась, и вершины сосен засияли в золотых лучах заходящего солнца.

Я очнулся, когда кондуктор произнесла: «Остановка “Спутник”. Конечная».

Дарья Якупова

Саранск

ГОТОВ ЛИ ТЫ?..

Отважишься влюбиться с первого взгляда? В ту, кого совсем не знаешь. Поддавшись влечению, а не здравому смыслу, так глубоко укоренившемуся в тебе?

Неважно где и как. Просто сможешь ли ты, посмотрев на ее никому не адресованную улыбку, забыть старые принципы? Или же, увидев угрюмо сдвинутые брови, утонуть в ее бездонно-смышленных глазах?

Позволишь ли ты проникнуть нежданному чувству, вместе с запахом кофе, в твой организм?

Зайдя в кафе и устремив свои глаза в телефон, заменивший реальность, поднимешь ли ты их, чтобы впитать окружающую тебя обстановку? Остановишь ли ты свой взгляд на той самой, кто заприметила тебя еще при входе, но умеючи скрывшую свой интерес за обложкой книги? Впитаешь ли ты ее образ, как впитывает кофе сахар? Без остатка. До полного растворения.

Потому что она это уже сделала.

Не задумываясь о грядущем, она просто выбрала тебя. Всего на пять минут. Или полчаса.

Ты никогда не узнаешь, чем она руководствовалась, никогда не поймешь, кто или что подтолкнуло вас оказаться именно здесь и сейчас. Никогда не задумаешься, почему ваши феромоны выбрали друг друга.

А знаешь, все эти вопросы и не важны. Они не имеют абсолютно никакого значения перед лицом бытия и перед тем фактом, что твой напиток уже готов, и ты, оплатив, поворачиваешься к двери.

Так вот он, твой шанс. Ты можешь уйти... а можешь выбрать столик поближе к ней. Сесть уютно у соседнего окна и посмотреть, какая история могла увлечь ее настолько, что она купила уже вторую порцию латте. Ты можешь отпустить ситуацию и насладиться моментом, мимолетным чувством и ощущением свободы, окутавшего именно это мгновение.

Она поднимет на тебя взгляд и смутившись твоим вниманием, предпочтет мило улыбнуться и сделать вид, что не заметила интереса, написанного на твоём лице. Снова опустит глаза на страницы давно заждавшейся книги, пытаясь скрыть порозовевшие щеки.

Ну так что? Тебе хочется уйти? Или же все фибры твоей души стремятся к здешнему покою?

Ты желаешь прикоснуться к ней? Не обязательно физически. Хочешь залезть к ней в голову? Узнать, что она о тебе думает. О чем мечтает и что гложет ее. Чего она боится и какие видения посылает ей тьма. Хочешь понять ее мечты и стремления? Проникнуть к ней под кожу, завладев всеми важными органами, но не для того, чтобы напугать и поработить, а для того, чтобы защитить и не дать кому-то причинить ей зла. Готов впитать в себя ее запах, отвести ей – и только ей – место в своем теле, в своей жизни и освободить полку в своем шкафу?

А теперь? Готов влюбиться?

С первого недоуменного взгляда. С первой неловкой попытки заговорить. Тебе достаточно лишь улыбнуться.

Достаточно для того, чтобы влюбилась и она.

Но ты моргаешь, прогоняя видение и, опустив взгляд на часы, поворачиваешь ручку входной двери. Тебя провожает запах обжаренных зерен кофе и ее грустный взгляд, который ты уже не видишь, но чувствуешь всем своим существом.

Тебе не по пути, но ты пройдешь мимо окна, где сидит она, и не попытаешься побороть искушение посмотреть на нее в последний раз. А может, именно сейчас ты ее впервые увидишь... потому что ее глаза встретятся с твоими, и ты поразишься их голубизне. Всего на мгновение тебя посетит чувство великой утраты. Утраты того, что тебе не принадлежало, но было предназначено свыше...

Только потом ты поймешь, почему ее образ не выходит из твоей головы.

В ее руках была твоя любимая книга, протертая и поблекшая, ибо ее читали множество раз. Она держала ее так бережно, что сразу было понятно – это ее любимое произведение.

Ты отражаешься во всех, но тебе нет равных.

Бреду по вокзалу в поисках кофейни поприглядательнее. Вокруг меня суетятся люди. Они все что-то ищут, кого-то зовут, чего-то ожидают.

Мне же нужно лишь одно. Большой американо без сахара.

Не люблю вокзалы. Слишком много народу. Слишком много лиц и звуков. Слишком много жизни.

Слишком много для того, кто и проснуться толком не может.

Ожидая заказ, я сижу за стойкой у окна, которое выходит на табло. Мой взгляд не спеша скользит по толпе. Снова и снова. Пока не выхватывает ее.

Это сравнимо удару тока. Электрическому разряду, прошедшему по всем твоим нервам. Ядерному взрыву, произошедшему только в твоей голове.

Я не могу отвести от нее взгляд. Темные волосы струятся по спине, немного завиваясь на висках от влаги. Прямая спина, уверенно поднятый вверх подбородок. Она неторопливо исследует расписание, пока я исследую ее. Рука, унизанная браслетами, держит чемодан, который так и норовит уехать куда-либо без хозяйки. Телефон непрерывно мигает, получая новые уведомления.

Ее окружает десяток лиц, но все они будто меркнут пред ней. Она сравнима Моисеем, пред которым расступилась однажды вода. Она сравнима наводнению, которое захлестнуло меня целиком.

Мимо бегут люди, суетятся и что-то кричат на ходу. Кто-то ругается рядом, обжегшись кофе, другие толкаются и пытаются занять места получше. Кажется, что прошло уже десяток жизней, а мои глаза все еще прикованы к ней.

Ощущение, будто я ее знаю. Знаю, о чем она думает и куда направляется. Знаю, как она улыбается и сдвигает брови. Знаю ее историю. Ее мечты и привычки.

Но этого не может быть. Или может? Мое воображение уже наделило ее качествами и чертами характера, которые ей, скорее всего, не присущи, но остановить свое воображение я уже не могу. Да и не хочу. Может, это мазохизм, но процесс доставляет мне удовольствие.

Ее мимика кажется такой родной. Я уже представляю, как ее бархатный голос обволакивает мое нутро, а чувственный смех звенит в ушах.

Но это невозможно. Она чужая мне. Как и все остальные подобные ей. Множество. Множество других женщин, встретившихся ранее.

Она мне не нужна. К сожалению, не она.

Я отворачиваюсь, беру кофе и иду в противоположную сторону. Эта девушка никогда не узнает, что когда-то стала чьим-то наводнением. Чьим-то отголоском прошлого и прекрасным мгновением.

А еще она никогда не станет тобой. У сегодняшней девушки были твои волосы. А еще манера держать себя. Со спины вы были так похожи, что на мгновение я опешил, потеряв связь с реальностью.

Десятки лиц, которые я выхватываю их толпы ежедневно, для меня сливаются в одно. Ненужные люди напоминают самую необходимую. Самую желанную.

Я бы рад забыть твою походку, твои жесты руками и привычку прикусывать губу, когда ты думаешь, но, увы, это сильнее меня. Кажется, что все это стало мной и теперь откликается, когда чувствует подобное.

Ты отражаешься во всех, но тебе нет равных.

За сегодня я выпью еще один стакан кофе. Какая-нибудь девушка снова напомнит тебя, а я, устав, не стану переубеждать свое воображение и тело, истосковавшееся по родному. Я позволю ей на мгновение, а, может, и на два занять твое место.

Я не ищу «единственную» и «ту самую», потому что однажды уже нашел. И было больно отдирать ее от себя вместе с кожей. Сейчас я ищу лишь похожих.

Ольга Дудоладова **Красногорск,** **Московская обл.**

Приключения Шуры **Матвеева**

1. Как вредно быть здоровым

В 1977 году в НИИ медицины создали новое лекарство против морской болезни и повесили в МАИ объявление, чтобы студенты приходили на испытания за хорошую плату. Шура с друзьями решил подзаработать. Их поместили в камеры и стали вращать в разных плоскостях и трясти. Скоро всех стало тошнить, и им выдали новое лекарство. Только Шуру никакие вращения и тряски не смогли вывести из равновесия. Оператор долго потел с ним и наконец выгнал его без всякого пособия как непригодного. Шура был страшно обижен.

2. Как важно быть расчётливым

Пришёл Шура сдавать пальто в химчистку. Его спрашивают:

– Вам срочную или простую?

Шура испугался, что за срочную дорожке возмут, и замахал руками:

– В простую!

И выразительно прибавил:

– Как можно проще!

3. Как трудно быть женатым

Все Шурины друзья уже женились. Однако по субботам они по-прежнему норовят приехать к нему в гости – квасить. Первым появляется Чук в замызганной куртке:

– Я сказал жене, что у меня сегодня субботник.

Затем появляется Кириленко с портфелем и при галстукке:

– Я сказал жене, что у меня сегодня конференция.

Затем появляется Базилио с лыжами:

– Я сказал жене, что у нас институтские соревнования.

И только Шура, самодовольно улыбаясь, говорит правду:

– А я просто хочу попить пива с друзьями.

4. Лингвист

Шура позвонил Оле как филологу и спросил: как понимать фамилию «Ломоносов»? То ли он сломал нос, то ли лом носит? Или у него нос в виде лома?

– А ты посмотри в словарь, – посоветовала Оля.

– Уже хотел, но в нём так много страниц, я только до буквы «П» дошёл.

– Почему до «П»? Ты же мимо пролистал.

– А это смотря с какого конца начинать, – ответил Шура. – Я начал с «Я».

5. Как вредно быть невнимательным

Оля с родственниками вернулась из поездки к морю. Шура встречал их на вокзале. Он сразу схватил одну из тележек с поклажей – ту, что была побольше, – и повёз, не переставая рассказывать Оле новости. На пути возник подземный переход. Шура взял одну тележку под мышку, под другую – вторую и понёс их вниз по лестнице. Внизу он, увлечённый рассказом, забыл поставить тележки на пол и понёсся вдоль по переходу с ними под мышками, да ещё и успевал

вертеть головой в сторону едва поспевающей Оли.

6. Как опасно иметь плохое произношение английского языка

Шура подружился с Олей. Он был в восторге, что Оля знает английский язык. В разговоре с ней он старался проявить себя джентльменом, то и дело вставляя английские слова. После их первой совместной ночи, видя, что Оля собирается уходить, он сказал:

– Let's leave together¹.

– Yes, – слегка засмушалась Оля. – Let's live together!² Мне у тебя очень понравилось.

Поняв, что попал впросак, Шура и на сей раз проявил себя джентльменом.

7. Как важно быть предусмотрительным

Вскоре Шура узнал, что стал отцом. Он в это время был на военных сборах и получил от Оли открытку. Когда его отпустили, он кинулся домой со всех ног, вбежал в квартиру и склонился над кроваткой, где спала Поленька.

– Я сам буду кормить! – воскликнул он. – Давай сюда сиську!

Немного погодя, он удовлетворённо заметил:

– Хорошо, что у меня дочь, а то сын вырастет и мне в морду даст.

8. Как начинаются разводы

Шура где-то достал большую бутылку спирта. Он то и дело выходит из комнаты в кухню и прикладывает к своему сокровищу. Наконец, Оля идёт в кухню готовить ужин и видит, что Шура снова колдует над спиртом.

– Что, опять пьянствуешь? – говорит она.

– Нет, я просто перелил всё в другие бутылочки и теперь пробую, как получилось.

9. Как некстати проявлять заботу без спросу

– Кто заштопал пятки на моих носках! – встревожился Шура.

– Это я, – застенчиво призналась Оля.

– Зачем?! Эти дырки были для вентиляции. Теперь у меня ноги потеют.

– Но это же шерстяные носки! Ты же их летом не носишь?

– Ношу. У меня же нет других.

10. Свободный полёт

Оля отправлялась в Крым, а Шура её провожал. Он занёс вещи в купе скорого поезда и сидел теперь на противоположной полке, не сводя глаз с подруги и не выпуская её рук из своих. Расставаться не хотелось, хотя проводник уже второй раз прошёл по проходу с просьбой к провожающим освободить вагоны. До отхода поезда оставалось две-три минуты, но Шура всё не покидал насиженного места. Наконец поезд тронулся. Шура вскочил и опрометью бросился в тамбур. Но в этот момент, надо же такому случиться, с платформы прямо под ноги проводнику втиснулась в тамбур непомерно толстая бабка и уселась на пороге с отчаянным воплем: «Я без неё не поеду!» Проводник вцепился в узкое место между бабкой и стенкой, махая сигнальным флажком и крича, чтобы она убиралась в вагон.

Поезд набирал обороты, а за спинами этих двоих отчаянно метался Шура, пытаясь проскочить на перрон. Наконец, перешагнув через бабкину орущую голову, он выпрыгнул наружу, но при этом сплеховал и сбил с ноги проводника тапок. Проводник завыл не своим голосом что-то невразумительное. Но Шура был человек благородный и посчитал своим долгом исправить оплошность. Схватив тапок, он помчался

¹ Пошли вместе.

² Давай жить вместе!

вслед за поездом, ибо вагон как нарочно был последний. Привлечённые рёвом проводника и визгом бабки провожающие мигом сообразили, что надо освободить дорогу парню, мчащемуся по перрону с тапком наперевес. Всеобщий хохот потрясал весь вокзал, пока Шура, проявляя чудеса скорости, протягивал злополучный тапок, как эстафетную палочку, вытянувшись ему навстречу стрункой проводнику. Несколько мгновений картина не менялась, и вдруг хохот перерос в какую-то повальную истерику, когда тапок наконец шлёпнулся под платформу, а Шуру поймали у самого её неогороженного конца два дюжих милиционера – ведь он видел только пальцы проводника, сжавшиеся в последний бессильно угрожающий кулак.

11. Как полезно прислушиваться к младенцам

Шура с Олей ссорятся.

– Отдавай моего ребёнка! – говорит папа.

– Нет, это ты отдавай моего ребёнка, – вторит мама и хватает в объятия двухлетнюю Поленьку, играющую на ковре в кубики.

Папа берёт ребёнка за голову и тянет к себе.

– Отпусти! – говорит он. – Ты же не хочешь, чтобы я оторвал головку твоему ребёнку.

– Нет, это ты не хочешь отрывать головку своему ребёнку, – парирует мама, не отпускающая Поленьки.

Дитя оглушительно орёт.

Папа с мамой продолжают препираться и тянуть ребёнка в разные стороны.

Дитя орёт.

Наконец страсти утихают. Папа отпускает головку ребёнка, мама разжимает объятия. Дитя мгновенно замолкает, одёргивает платьице и озабоченно спрашивает, глядя то на одну, то на другого:

– Ну, что ещё делать будем?

12. Старая поговорка на новый лад

– Шура, что ты так долго спишь? – спросила Оля. – У нас дела. Знаешь поговорку: поздняя птичка червячка смекает, а ранняя носок прочищает?

– А я не птичка. Я как раз червячок. Зачем я буду ранней птичке на зуб попадаться? Да и поздней тоже.

И он повернулся на другой бок.

Так начинаются разводы.

13. Разные цели в семье

Шура наблюдал, как Оля моет пол, и заметил, что вместо тряпки она использует старый халат, который он когда-то ей купил. Он долго молчал, затем глубокомысленно изрёк:

– В этом доме ты всё расточаешь. Даже халат, который я подарил тебе к свадьбе. А я всё поставляю. Вплоть до половых тряпок.

14. Поход за пивом

Однажды вечером Шура позвонил Оле и сказал:

– Я в больнице.

Хотя они давно развелись и Шура был уже пять лет как женат на Веронике, он не переставал сообщать Оле обо всех своих бедах и с удовольствием выслушивал её соболезнования и утешения.

– Что случилось? – ахнула Оля.

– Пятку сломал.

– Как же тебя угораздило?

– За пивом пошёл.

– И поскользнулся?

– Нет, верёвка оборвалась.

– Какая ещё верёвка?

– Бельевая.

– Зачем же ты её с собой за пивом брал?

– Спустить надо было.

– Куда спуститься? Откуда?

– Из окна. Из моей комнаты.

- Вы же на втором этаже живёте!
- На втором. Вот я по верёвке и спускался.
- Почему в дверь не пошёл?
- Ключа не было. Вероника с собой забрала.
- А тебя заперла? Зачем?
- Чтоб за пивом не ходил.
- А ты всё-таки пошёл?
- Теперь уж не скоро опять пойду. Женщина всегда своего добьётся.

15. Свобода рождает философов

Радуюсь своей свободной жизни, Шура сочинил такое стихотворение:

*Я многодетен, да, и многотёщен.
Зато мне с жёнами попроще:
Их просто нет. Но есть подруги.
И с ними не страшны мне вьюги.*

– Я теперь часто смотрю на звёзды и на метеоры. И сочиняю стихи. Поэтому свой новый сборник я назову «Поэтический метеоризм», – заключил он.

16. Спортивные штаны

Однажды, в июле 2007 года, Шура вышел из дому за пивом и у входа в магазин был внезапно атакован наркоманкой лет тридцати: она хотела сзади незаметно выхватить у него бумажник из бокового кармана штанов. Тем не менее Шура вовремя спохватился и, зажав карман рукой, принялся ожесточённо отпихивать от себя грабительницу, в то же время опасаясь как-нибудь ненароком покалечить её. Однако та вцепилась в штанину как энцефалитный клещ и заорала на всю

улицу: «Отдавай мои деньги!» К несчастью, штаны оказались спортивные и по бокам имели вместо швов застёгивающиеся кнопки до самого низу. Под отчаянными усилиями обоих борющихся эти кнопки стали скоропалительно растёгиваться, обнажив бедного Шуру до трусов. Потасовка приняла самый отчаянный характер. Баба не переставала орать и пинаться, а вокруг уже собралось немало зрителей, что грозило привлечь внимание милиции, а уж тогда Шуру не избежать ответственности за избиение женщины или, по крайней мере, штрафа за дебош в общественном месте. Наконец, отшвырнув дуру на газон и высвободив таким образом злополучную штанину, Шура пустился наутёк, зажимая поруганные свои мужские штаны под мышкой. О слетевших в пылу потасовки шлёпанцах он уже и не думал, давая стрекача через улицу перед фронтом сочувственно тормозящих машин – босиком, в одном только исподнем, преследуемый всё той же негодяйкой, оказавшейся неплохой бегуньей. Она ещё и не переставала орать: «Он меня изнасиловал!» К тому же бежать бедному пришлось совсем в обратную сторону – чтобы отвести преследовательницу «от гнезда» (в то время он уже жил один). Только через два квартала, затравленный, озираясь и чутко прислушиваясь, со сбитыми ногами, прокрался наш философ к своему дому и юркнул в спасительную дверь. Кстати сказать, бумажник у него оказался пустой – он по рассеянности взял его с собой вместо кошелька. А ключ от квартиры он всегда носит на шее.

– В этом мире мужчины полностью беззащитны, – печально записал он в блокнот свой новый афоризм.

Владимир Тюльпанов

Аша, Челябинская обл.

Самоволка

Быль сия не является сценарием к одноимённому фильму с Жаном-Клодом Ван Даммом, где он, сбежав из Иностранного легиона, крушил своих врагов направо и налево. А повествует она о трёх первых славных днях моего пребывания в рядах доблестной российской армии. Как защищал я рубежи Родины от врага ненавистного. Какого врага, не скажу. То – военная тайна!

Было это в году одна тысяча девятьсот девяносто втором. Динозавры тогда уже вымерли, а вот мамонты попадались. Стриглись они, правда, налысо, прятались в Африке, Индии и «косили» под слонов. Многие тогда «косили». От армии. Я не косил. А пошёл служить спокойно.

Было это тридцатого мая. Явился я со своими родными к городскому военкомату. А там ещё одна семья призывника провожает. Был это Саня Р. Учились мы с ним в соседних школах и друг друга знали. Сообщили нам, что будем мы с ним только двое из Аши служить в одной части. Когда проходил медкомиссию, мне сказали: «Парень ты спортивный, слух у тебя хороший. Будешь служить в разведке». Да мне без разницы, где подвиги совершать, ордена да медали получать.

Построили нас с Саней и объявили, что к завтраму быть нам должно в стольном

граде Челябинске. Оттуда прибыть на пересыльный пункт в город Копейск, а от туда туды, куды нам Родина-мать перстом укажет! Вручили нам военные билеты, личные дела и отправили домой. Вечернего поезда дожидаться.

Надо сказать, что всех призывников всегда сопровождали представители военкомата и дела личные на руки не давали. А вдруг призывник выкинет дело, и поминай как звали. Но нам доверили. Не побоялись, что драпанём мы и лишится Воинство Русское двух чудо-богатырей!

Встретились мы вечером на вокзале, обняли родных, поклонились земле родной и, усевшись в паровоз, поехали до славного городу Парижу. Тьфу ты, до Челябинска. Едем мы с Саньком и дни службы считаем. Отслужили мы с ним, выходит, уже часов пять, а служить нам ещё полтора года. Немного дольше получается. Попили мы чаю и улеглись спать. Так прошёл наш Первый день воинской службы.

Наступил день Второй. Доехали мы до Челябинска. Сели на автобус и добрались до Копейска. А там язык довёл нас до распределительного пункта. Встали мы перед воротами КПП. Контрольно-пропускного пункта по-нашенски. Вышли из него два витязя. И молвят они нам языком человеческим:

– За какой такой надобностью вы прибыли в нашу тихую обитель? Откуда и куда путь держите? И где ваши отцы-командиры?

Мы хоть и из города уездного, а не растерялись:

– Молвим мы, что прибыли из Аша – Балашовской земли. Люди мы работные. Пришли Землю Русскую от супостата защищать.

Выслушали нас витязи, запустили в ворота железные и послали дорогой прямой до казармы. А там человек в погонах пошлёт нас ещё куда подалее. Долго ли коротко шли мы, и подошли мы через сто метров к казарме белокаменной. Встретили мы мужика в погонах. А он нам и говорит, что припозднились мы, что комиссия

сейчас уйдёт на обед, а потом и вовсе по своим теремам разъедутся господа. А нам нужно было доказать, что ноги у нас деревянной нет и крюка железного тоже. Потому как если будут они в наличии, то служить нам не на земле, а на море-окияне, в пиратских войсках.

Побежали мы по этажам докторов отлавливать. Кого в коридоре поймали, кого на лестнице. Один окулист только в своём кабинете убедился, что все глаза у нас на месте. В общем, минут за пятнадцать доказали мы, что можем служить на суше. А Великая Испанская армада и Шестой флот США выдохнули облегчённо. А то бы мы им таких торпед навалили! Солнце стало к закату клониться, отужинали мы чем Бог послал, показали нам кровати железные, и отправились мы вскоре почивать. Так прошёл Второй день нашей службы.

Наступил день Третий. Судьбоносный. Утром, как у Высоцкого, «разбудил нас не петух, прокукарекав, сержант поднял нас, как человек». Позавтракали, сходили на построение, развод – по-военному. Сказали нам ждать своих «покупателей». Народу на территории этого распределительного пункта тьма-тьмушая. Некуда даже своё мягкое место усадить. А на дворе птички поют, солнышко греет, первый день лета. И порешили мы тогда перелезть через забор и поваляться на волюшке. А ежели горнист на построение начнёт в свой бубен стучать, то мы тут как тут. К ратной службе готовы!

Перелезли через забор, лежим, отдыхаем, соломинки жуём. И тут пришла беда откуда не ждали. Нависла над нами туча грозная в виде двух курсантов военного училища. Говорят они нам:

– Являемся мы охотниками за головами – патрулём военным, а вы как есть беглые холопы. Покинули расположение воинской части, и ждёт вас трибунал военный, кандалы и каторга в Сибири.

Оправдания они наши слушать не стали и отвели нас на КПП. Встретил нас там дежурный по КПП. Забрал он у нас

военные билеты и поведаль, что так как мы присягу ещё не приняли, то мы ещё пока недосолдаты, недохины. И отправит он нас не в разведку служить, а в самое элитное воинство – стройбат! Но есть у нас шанс поправить судьбу. Выполнить боевую задачу. Вручил он нам два опытных образца самого совершенного оружия под названием «Метла». И сказал он нам мести от него и до поворота, которого и не видать совсем.

И пошла наша с Саней воинская служба. Я правую сторону дороги мету, он левую. И такую мы с ним пыль подняли, что ежели бы какой супостат решил бы нашу диспозицию с высоты полёта спутника изучить, то он не только бы Копейск не увидал, но даже стольный град Челябинск.

Вдруг видим, из пыли возникает образ человеческий. И молвит он нам, что пришла амнистия и ждут нас на построении на плацу. Глашатай там будет объявлять, кто какую вотчину оберегать отправится. И понеслись мы с Саней на плац быстрее скакунов арабских. Прибежали. Построились. Ждём своего назначения.

И стал глашатай фамилии выкрикивать и посылать служить кого в Тмутаракань, а кого в Тридевятое царство. И выпала нам доля лететь на Дальний Восток, в столицу его – город Владивосток. Это ещё дальше той Сибири, куда нас опричники сослать грозились.

Через пару часов приехал за нами гужевой транспорт под названием «автобус». Погрузились мы в него и поехали в аэропорт. Там мы сели в железную птицу – самолёт – и полетели охранять рубежи нашей Отчизны от врага. Не скажу какого. Военная тайна! Тем и завершился Третий день нашей славной службы.

Тпру-у-у-, залётные!!! Есть такое слово мудрёное – «постскриптум». Ну, так вот он, родимый. Отслужил я свои полтора года верой и правдой. В самоволку больше не ходил, а вот на гауптвахте пару раз посидеть пришлось! Ну да это уже совсем другая история.

Капитан Чёрный Шторм

Капитан Чёрный Шторм стоял на мостике корабля. Его длинные волосы развевались на ветру. Загорелый торс его был обнажён, на груди блестели чёрные волосы, на прессе чётко были прорисованы кубики. На боку его висела абордажная сабля. Капитан предпочитал её аристократической шпаге. От постоянных боёв саблей мышцы рук Чёрного Шторма дышали силой. Это был самый красивый и самый кровожадный пират Карибского моря.

Ветер надувал паруса, его корабль быстро достигал жертву. На преследуемом судне был полный трюм золота, которое везли из Нового Света в Европу. Ещё мгновение, и раздался удар бортов кораблей.

– На абордаж! – прокричал капитан, и пиратская команда стремительной лавиной ринулась на захватываемый корабль.

Чёрный Шторм был впереди своей команды. Он был бесстрашен как тысяча чертей. Его сабля крушила врагов направо и налево. Наконец противник сложил своё оружие и запросил пощады. Капитан, широко расставив ноги и скрестив руки на груди, стоял на мостике захваченного судна и смотрел, как его команда занимается грабежом.

Вдруг откуда-то снизу он услышал женский крик и увидел, как два пирата вытащили на палубу из каюты сопротивляющуюся девушку. Окружившие это зрелище пираты хохотали в предвкушении сладостной забавы.

– Молчать! – прокричал Чёрный Шторм и окинул грозным взглядом свою команду.

Зная горячий нрав капитана, пираты отпустили девушку и отошли в сторону. Они поняли, что этот приз им не достанется.

– Кто вы? – грубо спросил пират.

Девушка подняла на него глаза. Капитан был ослеплён. На него смотрела богиня красоты! Светлые волосы блестели на

солнце, серые глаза сверкали как алмазы, всего её великолепие было невозможно описать словами, их просто не хватало.

– Я французенка Элен де Владим, дочь графа де Владим. Он самый богатый человек во Франции и заплатит вам хороший выкуп, если вы отпустите меня, – робко, но с достоинством проговорила красавица.

– Отведите её в мою каюту. Позже решу, когда скормлю эту красотку акулам, а сейчас шевелитесь, дохлые осьминоги, тащите золото и всё, что есть стоящего, на наш корабль. Пора возвращаться.

Чёрный Шторм обожал наблюдать за тем, как богатства с захваченных судов перетекали на его корабль. С каждым новым грузом он становился богаче. Что-что, а деньги он умел считать! Но сейчас он думал о другом. Он слышал о графе де Владим, тот действительно считался самым богатым человеком Франции, слышал он и о том, что у того есть дочь. Про неё говорили, что она является самой красивой женщиной Европы. Говорившие не врал. Она была прекрасна, и вот теперь она полностью в его власти! Пират от возбуждения потёр руки.

После того как богатства перекочевали в пиратский трюм, капитан отдал приказ пересадить оставшихся в живых с захваченного корабля в шлюпки, а сам корабль сжечь. Ведь он был самым жестоким пиратом и ужасом морей. Затем он вошёл в свою каюту.

В полумраке, при свете свечей Элен казалась ещё прекраснее. Она стояла посреди каюты, молитвенно сложив руки на груди.

– Капитан, я умоляю вас, не убивайте меня и не отдавайте на поругание своей команде! Я чистая девушка и с первого взгляда полюбила вас. Я готова стать вашей наложницей, рабой, только будьте милосердны. Я люблю вас.

В её глазах выступили слёзы. Её пышная грудь, верх которой явственно был виден через разрез платья, ходила ходуном. Дыхание было частым, губы были влажны и блестели как рубины.

Пират безумно желал её. Он криво усмехнулся, слегка протянул раскрытые руки ей навстречу, закрыл глаза и вытянул губы для поцелуя...

Вдруг грубый окрик остановил движения его души и тела:

– Олег Петрович, я не собираюсь с вами целоваться. Где ваш годовой отчёт? После завтра последний срок его сдачи!

Чёрный Шторм опешил: «Абордажный крюк мне в бок! Какой ещё отчёт? Кто несёт этот бред?»

Он открыл глаза. На него смотрели те же глаза, только вместо мольбы и жара страсти в них теперь блестел лёд язвительности и злости. Это было то же самое лицо и те же глаза, но это были глаза... главного бухгалтера комбината Елены Владимировны!

Она посмотрела на него в упор и произнесла:

– Я последний раз вас спрашиваю: когда будет готов ваш годовой отчёт?

Олег Петрович издал крик раненого дельфина, с трудом проглотил слюну и заплетающимся языком пролепетал:

– Завтра...

Елена Владимировна медленно наклонилась над столом своего подчинённого и обдала его нежным запахом дорогого парфюма, показав через большое декольте платья то, о чём он только что грезил, и тихим сексуальным голосом прошептала ему прямо в ухо:

– Если к утру ваш отчёт не будет готов, я поставлю вопрос перед руководством предприятия о том, чтобы вас убрали из моего отдела. Хоть в преисподнюю к чёрту кочегаром, хоть гребцом на галеры!

Сказав это, Елена Владимировна медленно выпрямилась, повернулась спиной к Олегу Петровичу и, грациозно покачивая широкими бёдрами, стала удаляться. Сквозь толщу солёной воды Олег Петрович едва-едва видел её красивую спину, осиную талию и обтянутые коротким платьем ягодицы. Сейчас он ясно видел себя рабом, прикованным к скамье галеры. Галеры, стремительно погружающейся на морское дно с дифферентом на нос!

Жанна Куат

Санкт-Петербург

Единороги

Как превратить хмурю ручку в озорное облачко

В маленьком неприметном лесу, вдали от шумных городов, благородные единороги веками хранили хрупкий мир между сказочными существами и обычными лесными зверями. Всего единорогов было три – мама, папа и их малыш по имени Тучка. Тучкой его прозвали лесные жители за постоянно хмурый вид.

Ведь невзирая на мудрость и доброту родителей, Тучка рос очень капризным. Он отказывался дружить с зайчатами и бельчатами – он считал их слишком мелкими. И не сверкали они на солнце, и не было у них пышной гривы цвета радуги. Тучка мечтал дружить с такими же прекрасными единорогами, как он сам, только вот, беда – других малышей-единорогов в лесу не водилось.

— Лучше играть одному, чем со всякой мелюзгой! – думал Тучка, и подолгу гулял по извилистым тропам.

Однажды, во время такой прогулки, Тучка увидел огромный улей, и так ему захотелось сладкого мёда! Горделивый единорог не стал спрашивать разрешения у крошечных пчёл, и недолго думая, разворошил

улей рогом. Не успел он отведать лакомство, как полчище разъярённых пчёл начали жалить его со всех сторон.

Тучка завизжал что есть силы, и поскакал, куда глаза глядят. Его блестящая шёрстка измазалась в грязи, радужная грива запуталась, и весь вид его представлял собой печальное зрелище. Сел Тучка у речки, и горько плакал.

Услышав его плач, из кустов выскочили зайчата с бельчатами, и спросили:

— Что с тобой случилось, Тучка?

— Я хотел мёда, но пчёлы меня покусали и прогнали, – ответил Тучка.

Зайчата с бельчатами юркнули обратно в кусты и принесли Тучке красивый букет полевых цветов:

— Это, конечно, не мёд, но тоже вкусно, – сказали они.

Тучка и не думал съесть подарок от новых друзей. Они искупались в речке, весело поиграли, а когда Тучка возвращался домой с букетом в зубах, навстречу к нему подлетели те самые пчёлы.

— Разрешите нам собрать нектар из этих прекрасных цветов, а мы за это дадим тебе немного мёда, – предложили они. Тучка с радостью согласился, и поделился с мёдом со своими новыми друзьями.

Тучка понял, что для того, чтобы быть хорошим другом, зайчатам не обязательно иметь радужную гриву, а бельчатам – волшебный рог. Достаточно быть рядом, когда другу грустно. Тучка обрёл не только верных друзей, но и научился быть вежливым даже с самыми крошечными лесными обитателями, и из хмурой Тучки он превратился в радостное Облачко.

Наталья Кудряшова

Улан-Удэ,
Республика Бурятия

Как появилась радуга

Давным-давно, когда людей ещё не было и в помине, жили на Земле Цвета. Жили весело и дружно. Каждый день был у них праздником – весёлым, шумным и ярким. Цвета каждую весну, каждое лето и каждую осень разукрашивали Землю своими красками. В самом начале весны Зелёный начинал свою работу: разукрашивал деревья. Потом принимался за траву, и к нему присоединялись Жёлтый, Красный, Оранжевый и Фиолетовый – они рисовали цветы. Голубой и Синий рисовали Небо. К лету оттенки становились всё ярче, и уже не было на Земле такого уголка, где бы наши друзья не потрудились. А к осени Земля и вовсе полыхала обилием красок. И только зимой Цвета отдыхали, поэтому всё вокруг было белым. Отдыхала вместе с Цветами и Земля – дремала под толстым слоем белого-белого снега.

Так бы они и жили, да только откуда ни возьмись появилась Злая Колдунья. Очень её раздражали смех и веселье. И задумала

Колдунья во что бы то ни стало избавиться от Цветов, чтобы всё кругом стало грустным. Колдовством и обманом раскидала она Цвета в разные стороны света, а тропинки заколдовала, чтобы Цвета никогда не смогли встретиться.

Так и стали жить Цвета: в одной стороне – Синий, в другой – Жёлтый, в третьей – Красный, и так все остальные... Очень скучали они друг по другу и долго ходили по заколдованным тропинкам, но никак не могли встретиться. С каждым днём Злая Колдунья радовалась всё больше и больше, а Цвета бледнели от грусти. Вместе с Цветами загрустила Земля, а вслед за Землёй грустным стало Небо. И столько грусти накопилось у Неба, что грусть эта в один день превратилась в грозу. Загремел гром, засверкала молния, и полились у Неба слёзы – начался ливень. Он был таким сильным, что размыл все заколдованные тропинки, и Цвета наконец встретились.

Земля стала яркой, разноцветной, а на Небе засияло солнышко. В благодарность Небу Цвета соединились в одну большую разноцветную улыбку – радугу. И снова на Земле поселились смех и веселье.

Злую Колдунью больше никто не видел, но поговаривают, что она просто лопнула от злости.

С тех самых пор после каждого дождя Цвета улыбаются Небу, и появляется радуга!

Наталья Шарапова

Анапа

Модницы

В школу девочки шагают
Торопливо на урок,
Дождь и ветер не пугают,
Через пять минут звонок!

Но в портфелях, это ж надо,
Не учебники лежат,
Тушь, румяна и помада,
Диски группы «Ленинград»...

Что им Пушкин да Некрасов,
Проживут они и так!
Вот реснички бы подкрасить,
Нанести на ногти лак!..

Класс затих от трели звонкой,
И учитель бросил взгляд...
Кто за партами: девочки
Или тётеньки сидят?

Чернобровы и румяны,
Стрелки замерли у глаз,
Губки – красные тюльпаны...
– Вот так модницы у нас! –

Улыбнулся им учитель.
– Не встречал таких давно!
Красота порой, учтите,
Может выглядеть смешно...

Но девочки лишь вздыхают,
Как не краситься им впредь?
Ведь они давно мечтают
Поскорее повзрослеть...

Благодарность

Мы затеяли в квартире
Косметический ремонт,
Выбирали дня четыре
Ламинат, гипсокартон...

Неспроста со стен исчезли
И пират, и Дед Мороз,
Под шпаклёвкой скрылись щели,
С ними – метки, как я рос.

Взялся папа энергично,
И спустя короткий срок
Вышли очень симпатично
И полы, и потолок!

Стало в комнате внезапно
И красиво, и светло,
Даже солнышко украдкой
Заглянуло к нам в окно.

Позже снова удивился:
Стены в ромбиках... цветы!..
Папа мой не зря трудился
Каждый день до темноты!

Пот с него катился градом!..
Тяжело, что говорить...
Тут на ум пришло: мне надо
Папу отблагодарить!

И чуть свет проснувшись утром,
Лишь фломастер отыскал,
На стене гостиной с чувством
По обоям новым крупно

Я «СПАСИБО» написал!

Снеговик

Через горные вершины,
Живописные долины,
По сугробам напрямик
Шёл весёлый снеговик.
Со снежинками играя
Да метелям подпевая,
Не пугаясь воя вьюг,
Продвигался он на юг.

Слышал будто бы от ветра,
Круглый год живёт там лето!
Но тогда – возник вопрос –
Кто морозит детям нос?
У зимы большая сила!
Почему вдруг уступила?
Разобраться в Новый год
Он отправился в поход.

Долго, коротко ли... скоро
Показался южный город!
Он светился от лучей,
Словно ель во сто свечей!
Промелькнуло, что лукавить:
«Как дойти и не растаять?»
Вытирая пот со лба,
Снеговик пошёл туда.

Городок пестрил цветами,
Серый коврик под ногами!..
Удивился тут герой:
«Что за Новый год такой?
Нет ни снега, ни мороза,
Расцвели на клумбах розы...
Вот так диво! Где метель?..
Невзначай увидел ель!

И какую! С огоньками,
Разноцветными шарами...
А вокруг неё народ
Веселится и поёт!..
Снежный путник оживился,
Тотчас к ёлке устремился,
Церемонно рядом встал,
Ребятишкам замахал.

Те, забыв про карусели,
Оживлённо загалдели,
Облетел всю площадь крик:
– К нам приехал Снеговик!
Гость под солнышком искрился...
С ребятишками резвился
И внезапно занемог,
Таять быстро стал дружок.

Но ребята дело знали –
Льда, мороженого дали.
Снеговик, как только съел,
В тот же миг повеселел,
Даже в пляс пойти пытался.
Скоро в путь засобирился:
Всё же юг не для него,
Солнце светит о-го-го!

С ним морозу не ужиться,
От того зима и злится.
Но герой пообещал
Вновь прийти на карнавал,
Захватив с собой телегу
С белоснежным лёгким снегом!
Ведь на юге, он-то знает,
Снега детям не хватает.

Поварёнок

Не нарадуется мама:
– Дочка выросла у нас!
Убрала свою пижаму,
Принесла в стакане квас.
А потом сама лепила
И пельмени, и манты!..
И бабуля удивилась:
– Ей же нет ещё шести!

Ведь она совсем ребёнок!
Но услышала в ответ:
– Я сегодня – поварёнок,
Приготовила обед!..
И не страшно, что у дочки
Побелели от муки
Лоб, косички, нос и щёчки,
Платье, стульчик и носки...

Елена Шугалей Санкт-Петербург

«Я Александр»

Саня искал завалившиеся монетки и под тумбочкой в прихожей, и в карманах осенней одежды – не находились. Как только начались онлайн-уроки, ему перестали давать карманные деньги. 31 декабря, скоро вечер, мама наконец-то ушла. Папа на дежурстве, работает охранником: фирма обанкротилась, но ведь семью нужно кормить. Утром он сказал Сане: «На новогоднюю ночь ты у нас главный мужчина. Положи незаметно под ёлку эту коробочку», – и ушёл.

Подарок, подарок... Впервые он не подарит маме ничего? Не рисовать же поздравительный плакатик, Сане скоро двенадцать лет! Папе они положили под ёлку классные эспандеры.

Мама работала психологом, но консультаций стало мало, центр пока закрыли. Ещё мама была страстным книголюбом. Книжки были везде, папа делал дополнительные антресоли, но книжки расплзались по квартире сами. Иногда папа шутил:

– В какой же книжке ты меня нашла?

А мама нежно отвечала:

– Ты что, не помнишь? «Целовались не мы, а голуби...»

И они начинали целоваться, Саня видел в зеркале.

Саня перебирал книжки на маминой тумбочке. Вот бы подарить ей книжку. Открыл наугад первую. Макс Фрай. В глаза бросилась фраза: «Вижу вас как наяву, незабвенная».

Оказалось, это приветствие, красиво. Но Фрай у неё уже есть, неизвестно, что стоит на антресолях. Да и по ценникам ясно – денег не хватит, у ребят столько не перехватишь.

Конечно, «незабвенная», как можно забыть с этими контрольными, что деньги собирают заранее?! Тревога, досада, мама с грустными глазами, «как наяву»...

Сегодня она мыла хрустальные фужеры и плакала. Потом тихонечко сказала сама себе: «Ну да, сапожник без сапог. Цветов из-под рождественского снега не будет». Тут Саню осенило. Цветы! Он выскочил из дома, боясь столкнуться с мамой в подъезде.

Доехал до метро и пошёл прямо к цветочным ларькам. Играла музыка, светились, мигали гирлянды, в жидкий снег втоптались обрывки еловых лап. Они пахли грязью, а не хвоей.

Саня подошёл к цветочному ларьку, там пожилая тётка шустро привязывала бантики к букетам. Он заволновался, но подошёл и спросил:

– Простите, бабушка, мне очень нужны цветы для мамы. Она останется без подарка, мы сегодня одни. Можно, я чем-нибудь помогу, а вы подарите мне цветок?

– Это где это ты бабушку увидел, плесень?! Да я моложе твоей мамашки, небось, сороковник – не срок. Чему в школе вас учат, одной наглости? К папаше своему иди!

Саня извинился и отошёл. Ну вот кто их разберёт? Он был твёрдо уверен, что с тридцати лет все становятся старыми. Кроме мамы, конечно. Следующий ларёк молодая девушка уже закрывала. Он спросил, не помочь ли, но она сильно выругалась.

Так Саня прошёл почти до конца ряда. Слёзы непослушно щипали глаза.

Последним продавцом был мужчина восточной внешности из «понаехавших». Седоватый, с переломанным носом и очень смуглый. Может быть, цыган? Саня прошёл мимо, но вдруг услышал:

– Эй, парень, слёзы утри, ты мужчина!

Это было слишком. Слёзы полились, и Саня выдохнул:

– Мне папа тоже сказал: я в эту ночь единственный мужчина, я за него, а мама... Мама без подарка. Давайте я вам что угодно сделаю, помогу, а вы мне подарите цветок для мамы, хоть один!

– Ты мужчина? Надо же. Что угодно? Давай-ка убери за стенкой. Там загажено – ужас, пить не умеют, дебилы.

Он дал Сане совок и затрёпанный веник. Саня перестал дышать, но смотреть всё равно приходилось, чтобы убрать чисто. Стало легче, когда подметал просто мусор: фантики, окурки, пустые банки от пива. Закончил, подошёл:

– Что ещё нужно сделать?

Продавец проверил работу, посмотрел Сане в глаза:

– Мужчина. Какой ты хочешь цветок?

– Вон ту розу.

Роза была нежно-кремового цвета, мама такие любила. Продавец взял пять кремовых роз, добавил к ним штук девять-десять белых, зелёные веточки, а потом сказал:

– Давай сюда вставим одну красную, будет похоже на твою маму, ведь так?

Саня не мог говорить, только кивнул. Это было чудом! Продавец завернул букет в бумагу, чтобы цветы не мёрзли, сверху положил дешёвую шапочку Деда Мороза.

Саня прошептал:

– Спасибо вам.

– Ты честно заработал, ты мать любишь, это по-мужски. Как зовут тебя?

– Саня.

– Александр, значит. С Новым годом!

– С Новым годом вас, спасибо вам, спасибо!

И Саня бегом рванул на остановку. «Только бы мама ещё не пришла! Эх, обычно папа наряжался Дедом Морозом. А у меня есть только рыжая борода для спектакля. Ну да, мне же нет тридцать лет, я молодой Дед Мороз, не седой. Что бы такое придумать, чтобы мама не сразу узнала? И какой-то номер показать, но не стишок же.

Эх, я пока ничего не умею, только на руках ходить...»

До Нового года осталось полчаса. Мама накрыла праздничный стол, включила гирлянду на ёлке и зажгла свечи. Пора звать Саню. Тут дверь комнаты приоткрылась... И в комнату на руках вошло странное существо: ноги болтались над сползающим розовым пледом, рыжая борода падала на лицо, помпон от красного колпака подметал пол. Дед Мороз сделал кувырок назад, метнулся к двери и протянул большой бумажный свёрток.

Мама растерянно взяла его, а Дед Мороз закрыл лицо рукой, склонился в поклоне и басом возвестил: «Вижу вас как наяву, незабвенная, с Новым годом!»

– Как зовут тебя, рыцарь?

Она не подыгрывала, слова звучали серьёзно, глаза блестели, в слезах был отсвет огоньков.

– Я Александр.

Мама развернула бумагу...

Утром папа пришёл, обнял маму и широко раскрыл глаза на букет:

– К нам кто-то заходил тебя поздравить?

– Да, Александр.

– Это тот твой институтский поклонник?

Ох, я думал, ревность мы проработали, сапожник мой.

– Ко мне приходил рыцарь-жонглёр. Помнишь, у Честертона о Франциске Ассизском? Как жонглёр на руках танцевал перед Божьей Матерью, а она его благодарила?

Из комнаты выскочил Саня:

– Папа, папа, с Новым годом! Подари мне, пожалуйста, знаешь что...

Папа протянул ему коробку с небольшим ноутбуком. Это была взрослая мечта – собственный ноут.

– Прости, что не давали тебе карманных денег, сам понимаешь, сынок... А что ты хочешь ещё?

– Давай вместе учиться жонглировать. Давай прямо сегодня – на мандаринах!

– Договоримся сразу: если мандарин падает больше трёх раз, тут же съедаем. Да, Александр?

«Instagram для писателя»: как, кому, зачем?

Принято считать, что талантливый человек немного не от мира сего. Он обитает в сферах, куда закрыт вход простым смертным, лишённым дара свыше. Писатель создаёт миры. Он, подобно Творцу, наполняет целые планеты людьми или иными разумными существами. Для него нет тайн и секретов. Каждая мысль, каждое желание героев писатель предугадывает заранее и может рассказать о причинах и следствиях самых неординарных поступков другим, чтобы дать совет, преподнести урок, вместе поплакать или посмеяться.

Конечно, всё сказанное – правда. Однако способность испытывать вдохновение не ставит литератора выше реальности, в которой он живёт. Да, мыслью он парит в облаках. Но сам ходит по грешной земле, его книги материальны, а читатели, с которыми он хочет пообщаться через свои истории, – из плоти и крови. Всё это неизбежно заставляет сделать вывод: какими бы высокими порывами ни руководствовался человек, чтобы они коснулись кого-то ещё, ему

придётся принаравливать к суровой действительности и искать вовсе не эфемерные пути для продвижения своих идей в массы.

Двадцать первый век – эпоха невероятных возможностей. Интернет открыл перед каждым врата, от которых начинается дорога к успеху. Но идти по ней или остановиться на пороге – решать писателю. Лишь научившись использовать инструменты продвижения, он получает шанс поднять на высоту своей мысли миллионы других людей. И одним из таких инструментов является Instagram.

Мало создать свой аккаунт и выгрузить информацию о себе или книге. Необходимо регулярно, планомерно и грамотно пополнять страницу. Курс поэта, журналиста, книгоиздателя, члена Союза писателей России Ирины Малковой «Instagram для писателя» расскажет, о чём говорить со своей аудиторией, чтобы превратить равнодушных «прохожих» в преданных фанатов. Каждый пост должен иметь смысл, логику и цель. Нельзя пустить такое важное дело на

самотёк. Ошибка может стоить очень дорого. Ведь каждая потеря в рядах читателей – это как минимум неприятно. Для кого, как и о чём делать посты в социальных сетях, зачем это вообще нужно, что можно получить в итоге и каким образом использовать открывающиеся возможности, подробно узнают те, кто заглянет в Академию литературного успеха.

Да, можно издать книгу, потратив на неё время, силы и деньги, добиться, чтобы новинка появилась в магазинах, а потом понадеяться на слепой случай. Более того, кому-то даже повезёт обрести признание. Может, одному автору из миллиона желающих. Но имеет ли смысл впутываться в эту историю, если человек не готов к серьёзной работе, которая будет длиться

годы? Можно ли считать себя профессиональным литератором тому, о ком слышали лишь парочка соседей? Instagram расширяет горизонты. А вот сумеет ли писатель добраться до них, выяснить, что скрывается по ту сторону славы, зависит исключительно от него. От того, что, как, когда и кому он скажет не только на страницах книг, но и на страницах в социальных сетях.

Такова реальность. Принять её или продолжать парить в облаках? Важно вовремя ответить себе на этот вопрос. Тот, кто решит покорить материальный мир реальных людей и пригласить как можно больше из них в эфирную вселенную своих мечтаний, найдёт всё, что ему нужно для старта, в курсе «Instagram для писателя».

Что мешает писателю стать успешным? Почему одни литераторы, едва издав книгу, оказываются на вершине творческого Олимпа, другие ждут признания десятилетиями и не получают его, а рукописи третьих вовсе не попадают в печать?

Ответы на эти вопросы вы найдёте в книге поэта, журналиста, издателя, члена Союза писателей России **Ирины Малковой «Я круче Пушкина!»**.

Опираясь на опыт, полученный за годы работы с писателями, Ирина говорит о главных проблемах, страхах и сомнениях современников. На страницах затрагиваются такие сложные и важные психологические моменты, как синдром самозванца, прокрастинация, осознанный подход к творчеству. Что означают эти термины? Один ли я сталкивался с

подобными трудностями или есть другие? Каковы пути преодоления кризиса?

«Надо вглядываться в то, что пугает, и постепенно вы поймёте, что в шкафу не живёт никакой монстр, а под диваном уже давно нет чудовищ. Вы – выросли. И пора брать ответственность за свою жизнь, за воплощение своих мечтаний. Именно эта осознанность и двигает нас вперёд», – пишет Ирина Малкова.

Задача книги «Я круче Пушкина!» – объяснить начинающим писателям, что только действие приведёт их к успеху. Бездействие, чем бы оно ни было вызвано, – это путь в никуда.

knigi-market.ru

О журнале

Поэты и прозаики живут среди нас! Каждый день на свет рождаются новые стихи, рассказы, повести и романы. Современным авторам необходима платформа, чтобы реализовать свой талант, заявить о себе, поделиться мыслями и идеями с широкой аудиторией. Читатели, в свою очередь, хотят быть в курсе событий в литературной вселенной, первыми узнавать о книжных новинках, знакомиться с полюбившимися писателями и их последними творениями. Окунуться в волшебный мир книг помогают литературные журналы.

«Союз писателей» – издание с богатой и славной историей. Журнал начал своё существование в Кемеровской области и уверенным шагом прошёл по России и странам СНГ, собрав удивительный коллектив талантливых авторов, публикующих на страницах свои стихи и прозу. Журнал выходит печатным тиражом 3000 экземпляров и имеет электронную версию. Множество библиофилов во всех уголках света с нетерпением ждут интервью, рецензий, новостей из мира литературы и, конечно же, знакомства с удивительными историями, которые можно прочитать только тут.

Главная рубрика журнала содержит художественные и публицистические произведения, посвящённые определённой теме, которая меняется из месяца в месяц. Мы делаем всё, чтобы люди вновь полюбили читать и заинтересовались современной литературой, а голоса лучших поэтов и прозаиков наших дней были услышаны. Присоединяйтесь!

Охват аудитории

- Печатная версия – тираж 3000 экземпляров
- Электронная версия – свыше 5000 подписчиков

Новостные и аналитические разделы

- Литературный календарь (юбилеи, значимые, актуальные литературные конкурсы)
- Герой номера
- Диалог с писателем
- В фокусе
- Обзор книжных новинок
- Рецензии и критика
- Гоголевский вестник
- Психология творчества

Для авторов

Журнал «Союз писателей» принимает для публикации литературные произведения современных авторов, пишущих на русском языке. Рассматривается проза (миниатюры, рассказы, продолжающиеся повести и романы, а также их отрывки), поэзия (подборки стихотворений, поэмы), публицистика (преимущественно статьи на темы искусства и литературы). Возрастной рейтинг журнального издания – 12+.

Рубрики с авторскими произведениями

- Тема номера (произведения любого жанра в рамках объявленной тематики)
- Поэзия
- Проза и публицистика
- Цветные зонтики (произведения для детей дошкольного, младшего школьного возраста)
- Комната отдыха (юмор, сатира, пародия)
- Неординариум (фантастика, мистика)

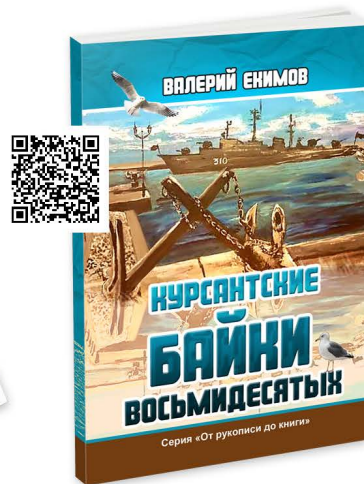
Объём публикации

- Страница поэзии – 80-100 стихотворных строк
- Страница прозы – 3200–3400 знаков с пробелами

Редакция выделяет авторам, прошедшим редакторский отбор, 2 бесплатные страницы под прозу или 1 страницу под поэзию. Минимальный объём публикации – 80 строк для поэзии или 3200 знаков с пробелами для прозы (одна журнальная страница). Всего в выпуске автор может занять до 10 страниц. Есть возможность печатать большие произведения с продолжением из номера в номер.

#КНИГА

Интернет-магазин
современной литературы

knigi-market.ru

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ «СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ»
journalsp.ru

Для писем и предложений
sp@izdat-kniga.ru

ISSN 2224-0756

Страницы в социальных сетях
vk.com/journal_sp
facebook.com/journalsp

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ»
soyuz-pisatelei.ru